

Чёрная книга

или

Приключения блудного оккультиста

Аннотация

Несколько лет я состояла в эзотерическом обществе, созданном на основе «Розы мира». Теперь кажется, что всё это было не со мной... Страшные события привели меня к осознанию истины и покаянию. Может быть, кому-то окажется полезным мой опыт, хоть и не хочется выставлять его на всеобщее обозрение. Но, похоже, я уже созрела для этого... 2001 г.

Содержание

Часть первая. Цветок мира»
Часть вторая. Анастасия
Часть третья. Вальдорфская школа
Часть четвёртая. Эзотерическое целительство
Часть пятая (самая маленькая), Теоретическая
Часть шестая. Прозрение

*На чём ты медитируешь,
Подруга светлых дней?
Какую мантру дашь душе
Измученной моей?
БГ.*

Часть первая. «Цветок мира»

Четыре года назад наша машина летела по залитому солнцем немецкому автобану. Дети спали на заднем сиденье. Муж сказал мрачно:

— Ладно, я там с детьми погуляю, а ты заседай.

— Мог бы и не ездить, — огрызнулась я, — Кто тебя заставляет?

— Ты что, всерьёз думаешь, что я отпущу тебя одну с грудным ребёнком к чёрту на кулички?

Помолчав, он добавил.

— Ты хоть расскажи мне, что это за «Роза мира»... о чём хоть там говорится. Я же не читал...

К тому времени мы жили в Германии уже четыре года, сбежав от мрачного постсоветского настоящего и будущего, от нищеты и безысходности, как многие, «ради ребёнка»...

Уже смогли как-то определиться, муж нашёл хорошую работу. Старший сын болел, и я постоянно находилась с ним дома (а первые годы — и по больницам). Родилась дочь, которой было, в тот момент, 9 месяцев.

Мы уже совершили переход от атеизма к неопределённой вере «во что-то высшее». Муж, впрочем, давно увлекался «энергетикой», ещё в школе и в армии самостоятельно научился снимать руками головную боль.

Мои поиски верного пути к Богу стали в последнее время весьма интенсивными. Пожалуй, больше всего тогда меня привлекало учение Блаватской-Рерихов.

Но, к тому моменту, мы находились на той стадии, когда, по выражению одного известного церковного писателя, люди ставят на полку кучу книг по разным религиям и учениям, и, время от времени, берут почитать то одну книгу, то другую...

Не только книги, конечно. К тому времени, мы встречались уже с разными людьми — с бап-

тистами, иеговистами, мормонами, оккультистами разных направлений, даже ездили к самому Лазареву!

В какой-то момент меня потянуло в церковь — католическую, поскольку это было ближе всего. Я окрестилась, и это время было в моей жизни самым счастливым, спокойным... С тех пор я иногда посещала мессу, причащалась.

Но церковь была для меня просто приятным местом, такой воскресной игрой, ритуалом. Христианское учение казалось слишком примитивным. И, продолжая ходить в церковь, я продолжала и читать книги Рерихов и Блаватской.

А что? Главное — это расширять своё сознание... вместить всё. Чем больше, тем лучше. Так говорили мои учителя.

При чём здесь, собственно, «Роза мира»? Минутку терпения. Вот, при чём.

Наше тогдашнее состояние можно охарактеризовать одним словом — «поиск». Ведь путь, который мы прошли, довольно известен.

Сначала человек понимает, что «там что-то такое есть». Ему нужно уяснить для себя, что же «это» такое. И что в связи с «этим» нужно делать. То есть, сначала идёт поиск Истины.

Потом, когда Истина принята, начинается поиск того, каким образом себя этой Истине посвятить и как жить ради неё.

Истину, как нам казалось, мы нашли. В учении Блаватской-Рерихов. А вот, как жить ради этой истины? Заниматься магией, «расширением сознания»... к счастью, в тот момент нам ещё не встретились любители астральных путешествий и медитаций.

А в первоисточнике — у самой Блаватской и у Елены Рерих — строго-настрого запрещено этим заниматься. Я была, так сказать, «ортодоксальной рериховкой» — то есть, даже безобидные медитации строго осуждала.

Тем не менее, что-то же хочется делать! Ну, хоть что-нибудь — ради просветления мира!

Можно над этим смеяться, конечно. Я и сама воспринимаю это сейчас с иронией. Надо же — счесть саму себя уже настолько просветлённой, чтобы желать «спасать погрязшее во тьме человечество».

Но ведь, многие люди и сейчас горят этим желанием, и не воспримут эту иронию. Мне хочется написать так, чтобы поняли они...

Так вот, тогда я мечтала о просветлении мира примерно в таком плане.

Я верила в существование Иерархии Света, Высших Учителей или, по терминологии Д. Андреева, Светлых Братьев... которые, естественно, занимаются спасением, помощью, поддержкой светлых ростков в человечестве, постоянной борьбой с тёмными силами.

И моей самой сокровенной мечтой было — помочь хоть одному из этих самых Братьев, ну, хоть как-нибудь... ну, хотя бы движением своего сердца (и Агни-Йога уверяла меня, что это вполне возможно).

Так возьми моё сердце!

Возьми и позволь

Разделить хоть на миг

Твою ношу и боль.

Надо сказать, что мой муж относился к жизни гораздо более трезво... что не мешало ему рабатывать собственную теорию Вселенской Гармонии и с увлечением обсуждать со мной Блаватскую.

В таком состоянии человеку очень свойственно искать единомышленников. В особенности тех, с кем можно было бы делать настоящее Дело. На благо Света. Пока мы не очень в этом преуспели. Подружились с одной молодой парой, такими же искателями, как мы — и всё.

И вот однажды в русскоязычной газете я увидела большую статью за подписью... ну, предположим, Александра В. (имена участников этой истории, за некоторыми исключениями, изменены).

Статья была несколько сумбурная, но, как говорится, «пронизанная светлой энергией». Речь там шла о «Розе мира» (автор тезисно излагал содержание книги) и о том, что в Германии организуется официальное общество «Розы мира». Желающие — пишите автору статьи.

Эта самая энергетика — восторженный пафос, искренность автора — заразила меня. Я тут же села и накатала длинное письмо Александру В., который по тексту статьи представлялся мне ровесником, молодым человеком лет 25... Мы обменялись с ним несколькими письмами.

С удивлением я узнала, что В. уже за 50, что он — профессиональный (бывший) композитор, жил и творил в Питере, что у него взрослые дети... Вскоре он прислал мне официальное приглашение на открытие общества «Роза мира».

Я тут же позвонила ему домой, трубку взяла жена В. — я спросила: «Можно ли приехать с грудным ребёнком»? Мне разрешили, и тогда я поговорила с мужем. «Ну, уж нет, поедem вместе. Я тебя в такую даль по автобану не отпущу».

Сам он был настроен скептически. В Германии это вообще оправдано — здесь так принято разными способами выманывать у людей деньги, что доверие обесценивается. Мой муж подозревал во всей этой затее что-то нечистое. Тем более, видя мой энтузиазм...

— Ну, как я могу пересказать тебе «Розу мира»? Это читать надо. Книга сложная...

Но, подумав, я начала рассказывать. Это оказалось не таким уж невыполнимым делом. «Розу мира» я прочитала давно, она мне нравилась. Но я прочитала её уже после Рерихов, и видимо, поэтому восприняла, как естественное продолжение и расширение рериховского учения.

До сих пор не понимаю, почему «розамиристы» так упорно противопоставляют свой «талмуд» теософии и агни-йоге. Основные положения очень и очень похожи... не сходятся только частности — скажем, отношение к Советской власти, кем является в посмертии Жанна Д'Арк, и прочие мелочи.

И то, и другое — ньюэйджевские учения. Впрочем, анализом «Розы мира» я займусь позже. Сейчас мне нужно только отметить, что для меня было не так уж важно — теософия там декларируется, или «Роза мира»...

Это всё равно примерно одно и то же, по крайней мере — всё это от Светлых Сил. Из одного источника.

Короче говоря, «Розу мира» я мужу пересказала. Мы приехали во Франкенек — деревушку, расположенную в живописном горном курортном районе. Хозяин встретил нас у порога.

Сухонький, невысокого роста, седой интеллигент с острой бородкой и горящими глазами. Он подал нам руку (или даже обнял? — не могу сейчас сказать точно).

Красавица жена (назовём её И.) — высокая, стройная, очень заботливая и хозяйственная — проводила нас вниз, в просторную гостиную, откуда, сквозь стеклянную стену, открывался ошеломляющий по красоте вид на горную долину.

Здесь уже рассаживались будущие члены «Розы мира» — их собралось, навскидку, около двух десятков. Мы принялись знакомиться, вначале робко, потом всё смелее.

Мой муж, кажется, совершенно забыл о своём намерении пойти погулять с детьми. Позже он признался, что его ошеломило, во-первых, количество собравшихся — он ожидал увидеть трёх-четырёх человек. Во-вторых, серьёзность подхода Александра к делу.

Тут же началось торжественное собрание, посвященное рождению общества «Роза мира».

Был приглашён представитель властей (единственный немец среди нас), общество официально зарегистрировано, внесено в какой-то там список, официально назначены положенные по штату должности (председатель, заместитель, секретарь, казначей, ещё кто-то там).

Голосовали за всё по советской привычке единогласно, дружно поднимая руки (а как ещё, когда никого и ничего не знаешь).

После официальной части расселись за стол, пообедали и принялись знакомиться. По предложению Александра знакомство шло по кругу. Каждый кратко рассказывал о себе.

Сейчас я прерву повествование. Мне кажется, наступил подходящий момент, чтобы подробно рассказать о членах общества. Но, не так, как они сами говорили о себе тогда (я уж и не помню этого), а просто коротко рассказать их предыдущую «духовную биографию».

В дальнейшем обо всех этих людях ещё будет идти речь, поэтому немаловажно заранее знать, что они из себя представляют.

Я начну с самого Александра В., создателя и председателя общества «Роза мира».

На собрании он представил свою книжечку, в которой суммировал собственный предыду-

щий духовный опыт, приведший его к созданию общества.

Эту книжечку он уже перевёл на немецкий, отпечатал в Питере на обоих языках и теперь просил нас о помощи в распространении. За что мы, конечно, тут же с радостью взялись.

Я просто перескажу вкратце содержание книжечки.

Жил-был советский композитор Александр В. (русский, беспартийный, нет, не был, не привлекался, не имеет). Писал он неплохую, наверное, музыку, в основном, для театра. Был, как все советские люди, атеистом.

И вдруг однажды в 1995 или 96 году услышал по радио передачу, в которой читали отрывок из «Розы мира». Книга его заинтересовала, он её нашел и прочитал. И тут же понял, что вся его жизнь отныне должна измениться! Он обрёл Истину.

(Дальше в книжечке идет пересказ и комментарий нескольких положений «РМ»).

Тут, по сложившимся обстоятельствам, пришлось Александру с семьёй уехать в Германию (И. — его жена — русская немка). В Германии он, между делом, узнал, что в Мюнхене живёт такой старец Тимофей.

Этот старец построил своими руками после войны Церковь примирения Запада и Востока, ему уже больше ста лет, и вообще человек это уникальный. Александр с женой тут же поехал к Тимофею.

Церковь Тимофея не принадлежит ни одной из конфессий, а построена по требованию Божьей Матери, явившейся Тимофею во время войны. Александр побывал у Тимофея, заснял его рассказ на плёнку, восхитился дедушкой и духом, царящим в церкви и записал в книге посетителей: «Это — первая церковь Розы Мира»

(Правда, Тимофей сам потом возмущался: «Какая ещё Роза Мира? Не знаю никакой Розы Мира! Мне, как Матушка Царица Небесная сказала, так я и построил»).

Потом Александр узнал, что в Индии есть такой аватар, то есть, живой Бог на Земле, зовут его Сатья Саи Баба. И тут же понял, что живого Бога надо увидеть своими глазами. Разве можно упустить такой шанс!

Представьте себя во времена Иисуса — Он ходил по земле, а вы упустили шанс Его увидеть! (к тому времени Александр успел стать ещё и православным, но об этом он почему-то в книжке не пишет).

В общем, будущий председатель «Розы мира» взял билет в Индию и полетел. Увидел своими глазами живого Бога на Земле. Восхитился и самим Богом, и его идеями, очень близкими и созвучными «Розе мира».

Повстречался со многими очень интересными людьми. Скажем, Евгением Авербухом (имя подлинное), уникальным целителем, живущим тоже в Германии. И Борисом Гребенщиковым, который, как раз, находился тогда у аватара.

Вот и всё содержание брошюры В. В ней откровенно отражён духовный путь и стаж нашего председателя. Как раз, вернувшись от аватара, В. и взялся всерьёз за организацию общества, призванного просветлять мир.

О семье В. упомяну только вкратце. И. — сама музыкантша и преподаватель музыки, блестящая женщина, всю жизнь посвятившая талантливому мужу. В настоящий момент работала и работает в вальдорфской школе аккомпаниатором и даёт частные уроки.

Дочь, Л., скрипачка и мать очаровательной семимесячной девочки. Её муж, тоже музыкант (виброфонист). Сын, У., через год уехавший учиться в Петербург.

Ну и остальные члены общества.

Семья Е. и Ю. (плюс двое маленьких детей). Увлекаются восточными учениями, в частности, йогой. Довольно поверхностно. Много читают по эзотерике (такие же «искатели», как мы). К «духовности» пришли года 2-3 тому назад.

Э., врач, в Германии пока профессионально не устроен. Семья, двое детей. Занимался психотерапией, методиками изменения сознания, увлекался развитием сверхъестественных способностей. Стаж «духовности» — несколько лет.

Ин., ветеринар, разведена, сын. Увлекается всем «духовным» подряд. Много читает по эзотерике.

А., разведена, дочь-подросток. Увлекалась Агни-Йогой, вообще эзотерикой. Довольно давно (лет десять, возможно?) Узнала о существовании Сатья Саи, совершила к нему поездку. Стала убеждённой и восторженной последовательницей Бабы. К В. приехала потому, что тот тоже ездил к Саи Бабе.

Семья Ал. и О. (дети взрослые, живут отдельно). Увлекались эзотерикой в широком смысле. Общались с ясновидящими, ходили на разные курсы (ещё в России). Серьёзных результатов не достигли, но увлечение осталось. Стаж увлечения — лет 5.

Н., бард, довольно талантливый сочинитель песен, интересовался духовностью. В частности, читал Гурджиева, ту же «Розу мира».

Ш., (муж, трое детей) «ивановка» (последовательница Порфирия Иванова). В своё время излечилась от серьёзного заболевания по методу Иванова, и с тех пор неукоснительно ему следует. Интересуется также «вообще духовностью».

Ц., разведена, дети взрослые. Художница «духовного» направления. Стаж увлечения духовностью — примерно, 5 лет. Основной интерес — «Агни Йога». Посетила Аркаим, и с тех пор обладает слабыми способностями к ясновидению (получает «информацию» свыше, иногда видит прошлые жизни людей). Пишет духовные картины, содержание которых тоже приходит ей «свыше».

Д., самый старший член общества, уфолог (причём, с большим стажем — чуть ли не десятки лет). К сожалению, страдал алкоголизмом. Писал Александру восторженные письма такого содержания: «Скоро в нашем обществе будут миллионы людей». Через два года умер от рака. Александр с сожалением вспоминал Д. как «Первого строителя Розы Мира».

Здесь я перечислила только тех членов общества, кто позже играл в нём активную роль. Были и другие, разумеется. Кто-то пришёл, кто-то ушёл... Это не так уж существенно для моей истории.

Пока нужно отметить следующее — у подавляющего большинства стаж «духовности» составлял от 2-х до 6 лет, духовность была размытой и достаточно «всеядной».

Не присутствовало ни одного человека, хотя бы регулярно посещающего какую-нибудь церковь, причисляющего себя к какой-нибудь конфессии (два исключения — В. считал себя православным, я — католичкой... но полной воцерковлённости не было ни у меня, ни у него).

Разброс по возрасту очень большой — от 20 до 70 лет. Разброс по профессиям тоже — от слесаря до композитора.

Я обязательно должна упомянуть ещё о двух членах общества, которым предстоит сыграть в нём одну из главных ролей. Это наши друзья, молодая пара (самые молодые члены общества). Их дети на год моложе наших.

Эти ребята приехали только на второе заседание общества, наслушавшись наших восторженных рассказов, и сразу пришли ко двору. Назовём их, скажем, Лена и Костя.

Их путь к «духовности» был примерно таким же, как у нас. Правда, Костя был гораздо более активным, чем мой муж.

Он постоянно знакомился с какими-то людьми, ездил на разные собрания, много читал самой разной литературы... Словом — находился в Поиске. Чего-то Большого. Главного Дела Своей Жизни.

Лена поддерживала мужа во всём. Добрая, умная девушка, из-за переезда в Германию не сумевшая закончить университет, она горела желанием помогать людям (как и я — просветлять мир). И надо сказать, она умела это делать (в отличие от меня).

К ним постоянно ходили знакомые, плакались Лене в жилетку на свою несчастную жизнь. Лена умела слушать, жадно интересовалась подробностями жизни других людей. Поплакаться ей в жилетку было приятно. Она любила людей. Люди отвечали ей тем же. Иногда ей удавалось и реально кому-то помочь...

Итак, мы познакомились. После этого началось, собственно, заседание общества.

Во время официальной части уже был принят Устав (который В. самостоятельно разработал и разослал всем заранее). У меня нет под рукой экземпляра этого Устава, да к тому же я не выношу официальных бумаг. Поэтому я скажу лишь несколько слов.

Устав поражал своим размахом, совершенно не вязавшимся с количеством собравшихся людей и их реальными возможностями (аусзидлеров, наполовину безработных).

Стратегические цели приятно удивили меня сходством с таковыми у Теософского общества: установление на Земле братства всех людей, независимо от цвета кожи и религиозной принадлежности, синтез религий, изучение скрытых способностей человека (я могу что-то путать, помнится уже плохо).

Для достижения этих целей наше общество должно было: всячески пропагандировать идеи «Розы мира» и Сатья Саи Бабы (он тоже был внесён в устав), издавать и распространять литературу по этим вопросам, создавать произведения искусства «розамиристской» тематики, создавать школы и больницы и даже строить церкви (!).

Я сразу задала себе вопрос, что реально из перечисленного доступно для кучки аусзидлеров, половина из которых не имеет работы, большая часть слабо знает немецкий язык, и естественно, никто не имеет никаких связей в Германии.

Наш председатель взял слово. Говорил он долго. Рассказывал о Тимофее и его церкви. И о том, что он понял — мы должны строить новую церковь на месте Тимофеевской.

(к слову — Тимофей поставил свою церковь на Мюнхенской свалке. Но потом эту свалку расчистили и построили там Олимпийский стадион. Церковь старого чудака, при этом, пощадили.

Теперь она является достопримечательностью Мюнхена и стоит в самом центре Олимпийского Парка. Земля там бешено дорогая и вообще не продаётся).

Идея безумная, Александр и сам это сразу признал. «Нам остаётся надеяться только на чудо», — смиренно сказал он. Нам никогда не получить землю в Олимпия-Парке, никогда не получить ни разрешения, ни нужных средств...

«Одним из вариантов является привлечение в наше общество миллионеров», — сказал Александр. Я подумала, что это шутка, но позже выяснилось, что Александр был абсолютно серьёзен.

Постороннему человеку невозможно понять, почему мы в тот вечер с энтузиазмом поддержали идею Александра. Да! Наше общество будет строить Церковь Розы Мира! Это безумие, но... это благородное безумие!

Даже спустя годы, даже после разочарования в обществе, я входила в эту гостиную — и сразу включалось чувство необыкновенной близости чего-то Высшего... Какой-то запах навсегда остался в этом помещении.

Мы видели горящие глаза друг друга, мы слушали замечательные песни нашего барда, мы делились самым сокровенным, самым дорогим... Мы были так счастливы, что наконец-то нашли друг друга!

И ещё — у нас было чувство, ясное, чёткое ощущение, что мы — не одни. «Значит, мы не одни, значит, кто-то невидимый с нами». Мы считали это Божественным Присутствием.

Кто-то из Светлых Братьев почтил своим присутствием наше общество. Другие, возможно, считали, что это сам Сатья Саи наблюдает за нами. Или среди нас присутствует дух Даниила Андреева.

Мы были обречены на это общество. Мы были больны им. И в этот день наша жизнь изменилась бесповоротно.

Я помню, как вернулись домой на следующий день, и как я встала с уверенностью, что теперь всё будет иначе. Ведь у меня есть Настоящее Дело!

Я вела ребёнка в садик и размышляла, чем же я могу быть полезной такому замечательному обществу... надо написать статью в ту газету, и ещё в эту... надо ещё с тем-то связаться. Может быть, вот эти-то заинтересуются?

Правда, потом я передумала писать. Пока не о чем. Ведь, никаких дел ещё нет, только планы. У дедушки Тимофея я сама ещё не была... А что писать о том, что будет — или не будет...

Всё равно приподнятое, восторженное настроение держалось несколько дней. Потом оно как-то прошло. Ведь мы жили тогда за 400 км от Франкенека. Александр уже жил своим Делом, жил делами общества. А мы... мы постепенно снова погрузились в будничную рутину.

В бытовые заботы, ссоры (отношения в семье давно не ладились), в детские болячки и прочие проблемы. Когда подошёл срок второго собрания общества «Роза мира», нам уже как-то и

ехать не хотелось.

Мы сами уже не понимали, зачем эта церковь, что за ерунда. Атмосфера забылась, и непонятно, что же там такого привлекательного... Но мы, всё же, поехали.

И снова Александр разворачивал перед нами сияющие перспективы. Мы будем строить церковь! Он искал подходы к бургомистру Мюнхена. Сейчас самое главное — получить разрешение, а там уж видно будет.

Тогда же Александр дописывал свою музыкальную мистерию «Роза мира» и собирался ехать с ней в Россию. Попутно были душевные разговоры, песни под гитару, импровизированный концерт, обмен «духовным» опытом.

Потом снова — домой, снова быт и обыденная, серая жизнь, в которой нет места сияющей розамиристской феерии. Снова ссоры, непонимание, обиды...

Не хочу подробно писать о наших проблемах, это всё-таки дело духовника, скажу лишь, что проблемы эти были очень серьёзными. Были попытки развода... семейная жизнь представлялась нам обоим какой-то страшной беспросветной мукой.

Так продолжалось довольно долго. Собрания были отдушиной, проблеском ослепительного света в нашей жизни — материально обеспеченной, но духовно непереносимой.

Мы ощущали присутствие Божественного. Мы наперебой мечтали о будущей Церкви, проектировали её все вместе. В практику вошли медитации — все садились вокруг горящей свечи и каких-то странных символов, закрывали глаза и — кто во что горазд.

Медитировать-то толком никто не умел. Ходили гулять. Ивановки наши на виду у всех бегали босиком по снегу и обливались водой из ведра. Много разговаривали. В общем, всё было замечательно!

Самая большая роскошь — роскошь человеческого общения. Все наслаждались этой роскошью, как могли. Александр задавал тон и создавал у нас впечатление, что мы делаем Настоящее Дело.

По крайней мере, вот-вот, уже сейчас начнём его делать! Вот сейчас... вот напишем ещё письмо бургомистру... вот ещё подождём...

Но делом занимался один Александр. Он съездил в Россию, и поставил в Иркутске свою «Розу мира» (позже наши ребята помогли ему выпустить её на СД).

Познакомился заодно с вдовой Д. Андреева Аллой Александровной (кстати, замечательная женщина! И в отличие от своего мужа, настоящая православная). Пригласил её к нам в гости. Ну, и ещё в его жизни произошло много важных событий.

Кое-что случилось и в нашем обществе. Н., наш бард, принёс «Анастасию», мы все прочитали её и восхитились... Приезжал на встречу с нами тот самый целитель — саибабист, Евгений Авербух... ну и другие события.

Какой-то общей теоретической концепции у нас не было. Устав никто толком даже не помнил, к нему относились, как к чистой формальности. «Роза мира» не являлась нашей Главной Книгой, как и ни одна другая книга или учение не были для нас главными. Мы были Сами По Себе.

Единственное, пожалуй, что у нас декларировалось вслух — это Любовь. В. всегда с удовольствием рассуждал о Любви. Бог есть Любовь. Любовь есть объединяющая, цементирующая сила мироздания. Не любить легко, а любить трудно — давайте любить друг друга. Мы любим друг друга, и это главное.

В «меморандуме», подготовленном им для интернета, значилось «создание школ, в которых ученики будут учиться любить друг друга на практике» (к счастью, мы вовремя заметили это весьма двусмысленное выражение).

И ещё — из поучений В., которые он мне выдал, когда узнал, что я посещаю интернетовский форум и принимаю участие в дискуссиях (с его точки зрения, это исключительно вредное занятие, и он всячески меня убеждал оставить его): Надо ЛЮБИТЬ, а не дискутировать!

Поэтому и в обществе у нас главным считалась Любовь. Друг к другу. Нет, не в пошлом смысле, разумеется. В самом высоком.

Любовь — это значило никогда не говорить ничего дурного («не распространять негатив» — типичное выражение), ничего и никого не отрицать, никогда не спорить (спор, дискуссия — это

нарушение принципа Любви).

У нас проводились «литературно-музыкальные» вечера, и на них часто, наряду с действительно интересными выступлениями Н., семьи В., выступали доморожденные поэты с неграмотными стихами, безголосые певцы, у которых нельзя было ни слова понять — но все очень терпеливо слушали.

Ведь, показать даже, что слушать это скучно — это нарушение принципа Любви. В информационных письмах разрешалось писать только положительную информацию (негатив не нужен!) Любимый критерий оценки: в твоём романе я не почувствовала Любви. В этом письме не было Любви.

Правда, как мы увидим позже, кое-кого всё же приходилось, так сказать, осаживать. Но при этом, принцип Любви вполне можно было не нарушать (к сожалению, В. неизвестен один из основных признаков тоталитарной секты — love bombing, бомбардировка любовью — так вот он у нас присутствовал в самой полной мере).

У меня стало созревать ощущение, что в обществе что-то не так. Именно то, что мы, такие горящие жаждой деятельности, вынуждены жить серой личной жизнью от собрания до собрания.

Конечно, все мы живём в разных концах Германии, но неужели нельзя как-то нас организовать, чтобы мы все могли принимать участие в Великом Деле? Чтобы мы не существовали, как обыватели, а жили яркой, наполненной, интересной духовной жизнью.

Сама я, со своей стороны, начала рассылать информационные письма о наших собраниях всем членам общества. Я сочиняла, муж распечатывал, и мы рассылали. Александр поначалу принял эту идею в штыки... зачем это, мол, нужно? Но позже как-то смирился. И даже ему понравилось.

Только его не устраивало то, что сочиняла я — сочинять должен был он сам. Я, видимо, как-то не так излагала его мысли (а свои мысли я излагать не могла — кому они интересны?)

В общем, к тому времени, как Александр смирился с моими письмами, они уже представляли для меня обузу. Я не могла подойти к ним творчески, не имела права. Александр не терпел чужого творчества рядом с собой. А просто так сухо излагать: мол, встречаемся там-то, тогда-то — это уже нудная обязанность.

Но я забегаю вперёд. Как раз в этот момент начался конфликт, о котором я хочу рассказать подробнее.

Надо заметить, что мы уже чувствовали себя очень тесно связанными с обществом. Мы уже не мыслили жизни вне его. Судите сами.

Мы искали жизни, которой мы могли бы служить Богу (как мы Его понимали). Мы готовы были отдать всё, посвятить каждый день своей жизни Служению Свету.

И вот нам дан был такой шанс. В том, что это — именно шанс служить Свету, у нас не было ни малейшего сомнения. Об этом говорило и сердце (чудесная атмосфера наших встреч, чувство присутствия Высшего), и разум

(В. обещал великие свершения в будущем, уже сейчас мы познакомились с самой Аллой Андреевой, ну и, кроме того — все члены нашего общества так талантливы, так необыкновенны, мы просто не могли встретиться случайно!)

Если упустить этот шанс — второго не представится. А что мы без общества? Что мы без Служения? Просто обывателями нам уже не хотелось быть. Члены общества были для нас родными. Мы не мыслили себе жизни без этих встреч, без этой атмосферы...

В. мы уважали и почитали даже не как человека (бесспорно, образованного и заслуженного), а как Проводника Высшей Воли.

И вот осенью к нам приехала Алла Андреева. Слепая, больная женщина 83-х лет, однако очень прямая, стройная, женственная. Очень умная. Александр предупредил нас заранее: «Только никаких вопросов о Рерихах. Никакого Сатья Саи и вообще — только Роза Мира и церковь.

АА — женщина очень умная, но, к сожалению, ограниченная церковностью. Не надо портить ей нервы, спорить с ней. Вообще нужно любить, а не спорить!»

И мы не спорили. А.А. окружили заботой и вниманием, оттесняли от неё назойливых гостей-эзотериков, которые всё пытались поспорить. Вежливо молчали, когда она пыталась прочитать

нам лекцию о вреде рерихианства и тому подобных вещей.

На меня, помню, большое впечатление произвели некоторые слова АА. Одна гостыя задала ей вопрос (типичнейший для эзотериков): «Зачем ограничивать себя рамками одной религии? Ведь путей к Богу много, почему бы не использовать хорошее из всех конфессий?»

АА ответила: «Вы знаете, я просто очень несовершенный человек. Мне бы в жизни стать — не говорю, хорошей, какое там! — хотя бы средненькой христианкой... Куда уж мне лезть в другие конфессии, когда я в своей ещё даже до середины не разобралась».

А ведь, она права! — подумала я. Разве кто-нибудь из нас выполняет ну хотя бы христианские заповеди? До конца? Так зачем же нам что-то ещё? Но эта мысль быстро угасла.

АА ещё возмутил «синтез религий» в нашем уставе. «Как вы это себе представляете? — спросила она, — Это каша или винегрет?»

Я подумала — ну, что такое синтез? Это сбор единого целого из составных частей. Значит, вот я прихожу на мессу, и там, где каждое слово и каждый жест продуман тщательно, начнётся какая-нибудь несурезица, какой-то синтез с Православной литургией или я не знаю с чем.

Действительно — ерунда же! Я сразу сказала на собрании: «Всё правильно. Давайте заменим слово «синтез» ну хотя бы на «взаимное уважение». ... увы. Слово «синтез» и ныне там стоит.

Как раз в тот момент Александр загорелся новой идеей. Он решил заняться целительством.

Это было связано с тяжёлыми событиями в его собственной семье — болезнью мамы, которую Евгений Авербух вылечил.

Александр был потрясён и решил, что целительство — это его призвание. Что он обязан спасти человечество от проявлений Тёмных Сил (по-андреевски — Гагтунгра) в виде болезней, в особенности, рака.

Он, к сожалению, не обладал не только медицинским образованием (это для целителя не беда), но и способностей к целительству у него не было. К тому же, Александр всё равно уже решил заниматься «религиозно-общественной деятельностью» (как это у него называлось).

Поэтому он захотел стать не собственно целителем (это тоже возможно, но, как побочное занятие), а организатором и предпринимателем — создать условия для целителей. Александр решил построить клинику — центр натуральной медицины.

Для этого нужны деньги, деньги и ещё раз деньги!

Больной вопрос... миллионеров мы так и не завербовали в общество. А на клинику нужны именно миллионы.

Ничего! — решил Александр. Можно начать с малого. Снять большой дом. Платить за аренду. Везти из России богатых людей на лечение к тому же Авербуху. Ну, там, массаж, ванны, процедуры, экскурсии по местности... местность у нас курортная. На этом мы заработаем деньги, а... там видно будет!

Со временем, развивал Александр перед нами свои планы, мы заработаем достаточно, чтобы построить своё здание. Все члены общества постепенно переберутся во Франкенек, будут работать в клинике.

Вот Э. — врач, так что один врач у нас есть. Остальные — ну там, медсёстры, программисты, электрики, уборщицы... В общем, каждому дело найдётся. Построим дом для всех, будем жить все вместе, ежедневно собираться для медитаций, разговоров, изучения разных религий.

Наша клиника будет разрастаться. Мы создадим ещё и школу по Даниилу Андрееву... Театр, филармонию, музей. Церковь Розы Мира, естественно. В общем, это будет целый образовательно-лечебно-культурно-духовный комплекс. (А потом Франкенек превратится в Новые Васюки и станет Центром Вселенной...)

К тому времени идея новой церкви на месте Тимофеевской как-то благополучно почилла в бозе. Ясно стало, что проект этот неосуществим. Правда, мы подружились с самим Тимофеем, стали туда регулярно ездить и помогать ему по хозяйству.

Но теперь Александр снова прикреплял отвалившиеся было крылья нашему обществу. Он развернул перед нами новые сияющие перспективы.

Надо ли говорить, что эта инициатива Александра была поддержана единогласно?

Потом мы с мужем вернулись домой. Посмотрели друг на друга и сказали: «Да ведь, это же

чушь!»

Мы всё же немного поумнели, видимо. Нелепость затеи уже была видна... правда, похоже, что только нам двоим. Или остальные просто решили не влезать — а пусть Александр там чего-то делает... а мы его издали поддержим.

О каком Центре может идти речь? Во-первых, кто этим будет заниматься? Один Александр с женой? Это нереально.

Не могут два человека (к тому же, им ведь надо ещё и работать, обеспечивать себя) всё организовать, привезти пациентов, за ними ухаживать, их возить к целителю, обеспечивать экскурсии, кормить, убирать комнаты...

А нанимать — где брать зарплату? Разве что, цена за лечение будет астрономической... Так кто тогда поедет? Да и аренда здания — можно представить, сколько это стоит. Мы попробовали подсчитать окупаемость — выходило ну совершенно нереально, как бы ни задирали цены.

Кроме Александра, пока никто не имеет возможности переехать во Франкенек. Значит, участие других членов общества отпадает.

Плюс ещё то, что кроме Центра, Александр ничем больше заниматься не сможет. То есть, работы в обществе не будет никакой. Даже встречи организовывать будет некому. А значит, общество распадётся еще до того, как возникнет возможность строить во Франкенеке дома для персонала Центра.

Ну и, наконец, моральный аспект... Это явно намечался не благотворительный проект, каким нам его пытался представить Александр. Даже если каким-то чудом всё это удастся, лечиться будут ездить только «новые русские», которым некуда девать деньги...

А мы-то мечтали — помочь нищим! Не стать ещё одной «фирмой по предоставлению услуг особо богатеньким», а осчастливить тех, кому в жизни не собрать денег на лечение.

Но превращение нашего общества просто в коммерческую организацию, в этакую компанию аусзидлеров, помогающих друг другу устроиться... за счёт денег богатеньких бывших соотечественников ... лучше уж работать на обычной немецкой фирме.

Это всё мы тщательно обсудили с мужем. И я села писать письмо В.

Заметьте — нам и в голову не пришло просто плюнуть на всё это и жить своей жизнью. Общество для нас было дороже жизни. Мы не могли представить себя вне общества.

Поэтому я стала писать это письмо.

Я постаралась сделать его возможно более конструктивным. Указала на основную проблему — то, что от встречи до встречи мы ничем не можем быть полезными обществу. Что всем хочется более активно участвовать в делах.

Предложила несколько вариантов организации этих совместных дел (через телефонную связь, через письма...) Подробно расписала, почему невозможно, на наш взгляд, сейчас создание лечебного центра (он будет, обязательно будет! Но позже).

Вообще нас не так уж много, и нам следует заняться более скромной деятельностью. Скажем, мы реально можем организовать постоянную гуманитарную помощь какому-нибудь детдому в России, шефство взять.

Мы можем и для себя что-нибудь делать — повышать свой культурный и духовный уровень, учиться, к примеру, медитировать... вариантов много. Может быть, это не такие великие дела. Но зато, каждый человек будет задействован.

Можно заняться, конечно, и коммерческой деятельностью. Всё равно же деньги нужны! Но, к примеру, это может быть продажа русских книг. Почему бы, писала я, не организовать фирму по продаже духовной литературы?

В общем, мы это письмо отправили.

Ответ был очень резким и обиженным. Александр даже на «вы» со мной перешёл. Я была потрясена.

Что, что я написала такого, способного вызвать такую сильную обиду? Ведь я была исполнена лучших чувств и так старалась не задеть Александра!

Мы тут же позвонили Александру и разговаривали (по сдвоенной линии) два часа.

Содержание письма и речей Александра по телефону были примерно следующими.

То, что вы предлагаете — это превращение нашего общества в какую-то бесполезную секту. Мы должны приносить пользу человечеству! Вы не видите перспектив. Я же смотрю в будущее.

Сейчас нас 30 человек. А через 5 лет нас будут миллионы! И у нас будут миллионы марок! Десятки миллионов! О нас будет знать весь мир. Я думаю не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем.

Я убеждён, что так будет! Я уверен, что у нас получится всё, что я задумал! А вы хотите поставить мне палки в колёса!

Но Александр! — увещевали мы — Вы же даже не посоветовались с обществом! Вы всё сами решили и поставили нас перед фактом.

Но вы же голосовали «за»! — возмущался он.

Да, мы голосовали. А теперь подумали и поняли, что были не правы.

Хорошо! — пылко отвечал Александр, — Если даже никто меня не поддержит, я буду заниматься этим один! Я поклялся, что буду заниматься целительством. Я тогда уйду с поста председателя и буду сам исцелять людей!

Короче говоря, итог этого разговора был таким. Я легла на диван с чувством, что больше не хочу жить. Размолвка с Александром казалась мне концом света. Всё. Я не права. Я опозорилась. Я не оправдала Миссии, возложенной на меня Богом — быть членом такого замечательного общества.

Мы впали в тяжёлую депрессию.

Все члены общества приняли новую тактику неоднозначно.

Некоторые возмущались, как и мы, но втихомолку. Большинству всё было просто до лампочки: мол, всё это хорошо, всё прекрасно, работайте, а мы порукоплещем издалека. Мечта побеждает в жизни, так пусть ваша мечта победит. А мы к вам в гости приедем.

Но были люди, принявшие идеи Александра более, чем всерьёз. Я веду речь, как раз, о наших молодых друзьях, Косте и Лене.

Лена как раз недавно родила второго ребёнка. Жили они в двухкомнатной квартирке, которую всё равно пора было менять. Костя потерял работу... И вот в этот момент, в их жизни явно переломный, Костя принял решение: он будет с Александром.

Он поверил в Александра! Поверил в его дерзкую и прекрасную мечту!

Он не хочет больше работать на какой-то там фирме, чинить какие-то там факсы... Он хочет изменить мир к лучшему!

Костя и мой муж подолгу просиживали за компьютером, рассчитывая рентабельность будущего предприятия. Ничего не выходило... предприятие было совершенно нереально. Но это не убеждало Костю.

И вот он с семьёй переезжает во Франкенек.

Эпохальное событие в истории нашего общества! (к тому времени, кстати, мы сменили название — из «Розы мира» превратились в «Цветок мира»). Алла Александровна попросила...)

И ещё в то время в нашем обществе появляется новый член. Назовём его Георгием Петровичем. Я лично, да и некоторые другие называли его по имени-отчеству, хотя вообще у нас это было не принято (от нас прямо-таки требовали называть на «ты» людей, которые в два раза нас старше... поначалу это было очень неприятно).

Георгий Петрович был старше Александра и значительно опытнее в «духовных» делах. Он был преподавателем музыки, в России — директором экспериментальной школы, знал огромное количество российских эзотериков, проходил множество разных курсов, сам их вёл.

Он умел и знал очень многое, по сравнению со всеми нами. Кроме того, Георгий Петрович был высоким, сильным мужчиной с зычным раскатистым баритоном (который он, впрочем, умерял во время бесед). Он был полной противоположностью маленькому, тщедушному В..

Естественно, авторитет В., который для нас был нерушимым, для Г.П. не существовал вообще. Г.П. сам мгновенно внушал окружающим уважение одним своим видом. Он не мог не пользоваться авторитетом.

И вот, как только Г.П. появился в нашем обществе, он сразу стал вносить свои предложения по работе и организации. Я думаю, это естественно — не мог же он не использовать свой обшир-

ный опыт и познания для пользы других.

При этом он никогда (клянусь!) ни разу не возразил против планов Александра, никогда не сказал о нём и его планах дурного слова, почтительно молчал во время выступлений Александра... Но все его предложения были, как раз, того плана, о котором ранее говорила я.

Только Г.П. мог осуществить всё это практически. Он тут же, не сходя с места, сколотил ансамбль гитаристов — даже те, кто играть не умел совсем, участвовали в нём, и получалось здорово! Он предложил методики медитации, психологические игры.

Под его руководством несколько человек начали выращивать дома зелень себе в пищу. Тогда как раз зашла впервые речь о переводе «Анастасии» на нем. язык, и Г.П. предложил, наряду с профессиональным переводом, попытаться сделать ещё свой собственный — пусть каждый поработает дома, а потом сверим и посмотрим, что получилось! В конце концов, нам всем нужно совершенствовать язык.

Короче говоря, у меня появился союзник. Кроме того, с Г.П. просто было интересно! С В. у нас ни разу даже серьёзного, интересного разговора не состоялось... иногда я с ужасом подозревала, что он, несмотря на образование и начитанность, просто... как бы это выразиться... глуповат, что ли.

Ну, неглубокая личность. Или может быть, В. просто считал ниже своего достоинства со мной разговаривать о серьёзных вещах.

А с Г.П. было очень интересно говорить! С ним можно было многое обсудить. И, наконец, его интересно было просто слушать! Он обладал огромным опытом, он нестандартно мыслит.

Я не идеализирую Г.П. — в особенности сейчас. Мы с ним давно не общаемся, и мне не хочется возобновлять это общение. Г.П. — не более, чем эзотерик. Его опыт и мысли — опыт и мысли эзотерика.

Я лишь подчёркиваю, что тогда — ТОГДА — мне было с ним интересно. И я уважала Г.П. как старшего и более опытного товарища.

И я не понимала, почему Александр тихо ненавидит Г. П.

Он ужасно нервничал! Вот неразбериха перед собранием, все шумят, разбрелись по залу. Г.П. в сторонке с пятью человеками тихонько репетирует на гитарах.

Вдруг Александр нервно кричит: «Георгий Петрович! Ну, что вы, в самом деле! Давно пора собрание начинать, вы, когда закончите?» Г.П. тут же заканчивает репетицию. Я в недоумении. Почему Г.П.? Ведь о собрании ещё не объявлял никто, все разбрелись — в чём Г.П. виноват?

Было и ещё много таких же мелких сцен. Понятно, что во Франкенеке (то есть, в семьях В. и Лены с Костей) личность Г.П. всячески обсуждалась и обсасывалась. И малейшие проявления его личности подвергались суровому осуждению.

Надо сказать, Г.П. действительно человек довольно прямой и страстный. Например, выступала у нас одна женщина, занимающаяся психологической помощью наркоманам и алкоголикам. Её толком не слушали, потом наш бард Н. начал над ней подтрунивать.

Г.П. встал и своим мощным баритоном сказал: «Вот вы смеётесь над ней, а сами на себя посмотрите! Вот вы, Н., курите! Так может, она бы вам помогла избавиться от вредной привычки, а вы держитесь за своё и хихикаете!» Это было почему-то расценено, как оскорбление Н.

Или другой случай. Наши «ивановки» обливались утром холодной водой. Н. Отпустил остроту в их адрес. Г.П. снова сделал замечание, причём, примерно в таком стиле: «Бедные женщины должны от всех прятаться, как мокрые курицы, над ними все смеются, а нам учиться у них надо!»

Самое удивительное, что на эту фразу больше всего обиделись сами ивановки! Их обозвали «мокрыми курицами»...

Для меня становилось очевидным, что на Г.П. будут обижаться в любом случае. Он всё делает неправильно. Он неправильно ходит, говорит, дышит. Любая его фраза — прямое оскорбление всему обществу. Любое его действие — против Александра.

То, что он не обрывал меня и не вынуждал (как это делал Александр) называть его, пожилого человека, на «ты» и по имени — было расценено, как «любовь к почестям» — мол, он **требует**, чтобы к нему по имени-отчеству (хотя, добрая половина общества прекрасно называла его на

«ты», и он тоже не возражал!»

Когда Г.П. решил пройти курс «светового питания» (зверская методика — человек 7 дней ничего не ест и не пьёт, потом ещё две недели — только пьёт соки... некоторые копыта отбрасывают), прошёл успешно и рассказал о своём опыте — Н. тут же прокомментировал это так: «Конечно, ему хотелось выделиться. Показать — вот, какой я герой!»

Г.П. и сам это прекрасно ощутил. И как-то мне сказал: ну всё, я теперь в опале. Александр боится за свою власть.

Не передать горечи, которую я испытывала тогда. Я так любила общество, все его члены казались мне такими возвышенными и прекрасными. Я не мыслила жизни вне общества (почему — смотри выше).

Но ведь и Г.П. — очень хороший человек, и мог бы принести нашему обществу такую пользу! И вот — какие-то дурацкие интриги, предубеждённость...

Какой сильной была ненависть к Г.П., можно судить хотя бы по такому факту. Через два года после его ухода, я заговорила о нём с Леной и попыталась сказать: «Не он один виноват. Мы тоже виноваты в его уходе».

Лена, обычно такая спокойная, избегающая даже тени конфликтов, вдруг взвилась и начала на меня чуть ли не кричать: «В чём мы виноваты? Я ему звонила! А он! Он то... Он сё... Вот, что он мне сказал (к слову — ничего особенно страшного, но это, если смотреть объективно)».

Я даже испугалась такого напора и сказала: ну конечно, конечно, ты права.

Или на последней нашей встрече с Александром (после ухода Г.П. прошло два с половиной года, все о нём давно забыли, произошло множество более ярких событий), без всякого напоминания, сам Александр вдруг посмотрел на меня и начал говорить о Г.П.

«Вот ты, Яна, хотела, чтобы у нас Г.П. был руководителем (это бред! Об этом никогда никто и речи не вёл, и мысли не возникало). А ты не знаешь, каким он был авторитарным человеком! Вот вы бы у него поплясали!» При этом, в голосе его звучала обида и ненависть.

При всём этом, в обществе не нарушался принцип Любви!

Если даже сейчас кто-то из общества прочтёт эти строки о Г.П., он скажет недоумевающим тоном: как это? Кто это его ненавидел? Кто это его изгонял? Все ему звонили! Все с ним общались! И я общался (лась). Это он сам ушёл.

Ни один член нашего общества ни за что не признается даже самому себе, что он испытывает к кому-то хотя бы неприязнь! Ведь это — нарушение принципа Любви!

Поэтому, чтобы скрыть от самих себя происходящее, очень многие регулярно намеренно звонили Г.П., участливо расспрашивали его о жизни — словом, общались. Мне, к примеру, столько никто не звонил, как и любому рядовому члену общества.

К Г.П. относились с таким участием именно потому, что ощущали его отделение от общества, именно поэтому нужно было так активно заниматься в его отношении «бомбардировкой любовью».

Почему я так подробно говорю об этом? Кому интересны наши интриги?

Да потому, что это — вернейший признак тоталитарной секты. Я своими глазами увидела, как выживают неугодных. Тех, кто не может полностью подчиниться руководителю (ах... такому мягкому, демократичному и неавторитарному!)

Были и другие случаи. Ушла из общества женщина, пытавшаяся, как и я, что-то возражать. Ушли другие — молча. Но пример с Г.П. — самый яркий.

Теперь я подхожу к описанию сцены, которую мне не забыть, наверное, до конца моих дней.

Было очередное собрание в доме В. Председатель рассказывал о своих очередных делах... они с Костей поняли, что с Центром ничего не получится и решили заняться продажей книг.

Открыли издательство, привезли книги, стали составлять каталог. В. встретился с самим Мегре и взял у него разрешение на перевод «Анастасии». Общество ахало и охало. Г.П. тоже присутствовал — он молчал, давно оставив попытки что-то изменить.

В этот день я решила выступить. Так как о нас с мужем уже создалась слава критиканов, вставляющих Великому Делу палки в колёса, я решила в этот раз не заниматься критикой, а внести дельное предложение.

Я хотела предложить назначить Лёну (которая и так очень многое в обществе организовывала) на должность координатора. Александру некогда заниматься встречами, поездками к бабушке, так пусть этим официально занимается Лёна (а то у неё это как-то подпольно проходит).

Заранее я, конечно, поговорила с самой Лёной, она меня с восторгом поддержала.

Но как-то за рассказами о Великих Делах моё выступление отложилось. В конце концов Александр сказал, что сейчас мы пойдём прогуляемся и помедитируем на свежем воздухе. Все с восторгом поддержали его.

Тут Александр вспомнил: ах да, ещё же Яна хотела что-то сказать. Я встала. Собственно, у меня всего несколько слов. Вот Лёна у нас всё организует, так давайте её назначим официально... потому что надо же заботиться и о делах общества, не только об издательстве.

Непонятно отчего, мои слова «пробудили» Г.П. Он сказал: вот молодец, не побоялась сказать правду! Мы действительно не занимаемся тем, чем надо бы заниматься... Александр с Костей тут одни всё тянут, а мы как будто ни при чём. Нам тоже надо организовать как-то...

Как я уже упоминало, любое слово Г.П. воспринималось, как скандальное. Я уже не помню, кто первым поднял крик... но крик поднялся дикий. Я не могу вспомнить подробностей... В общем, началось «посягание на священные основы общества».

Помню, что мой бедный муж попытался меня как-то поддержать. Я больше ни слова не говорила, но меня начало трясти. Он попытался сказать В., что вот видите, мы же вам говорили о книгах, и вы теперь продаёте книги, почему же вы нас не слушаете сейчас?

И тогда В. во всеуслышание сказал:

— Вы, Завацкие, постоянно занимаетесь критикой. Вам всё не нравится. Вы говорите, что хотите работать... вот посмотрите на Костю! Он единственный, кто встал со мной рядом. Кто сказал — да, я готов с тобой работать!

Он всё бросил и приехал ко мне, и работает вместе со мной. А вы только умеете критиковать. Вот вы бросайте всё, приезжайте сюда, как Костя, и тогда будете работать вместе с нами! Чтобы с нами работать, нужно здесь жить!

Потом было ещё что-то... Помню А., которая говорила с чувством:

— Как вы можете критиковать? Я потрясена! Вы что, хотите, чтобы у нас вообще ничего не было! Это такое счастье, что мы можем здесь собираться, встречаться... Что у нас такая дружба, такая любовь! А вы хотите всё разрушить! Ну и не будет ничего! Ни Саши не будет, ни общества!

В общем, кто во что горазд... Кто-то вспомнил про моё первоначальное предложение назначить Лёну координатором. И каждый считал своим долгом упомянуть об этом: что за глупость? Зачем нам ещё какой-то координатор? Так что, я под конец уже сама была убеждена, что сказала глупость.

(Прошёл год после этого, и уже В. сам настаивал, чтобы Лёна всегда подписывала под своей фамилией «координатор». Должность оказалась полезной и правильной. Хотя, официально на собрании меня просто высмеяли).

Потом кто-то сказал, что хватит ерунду болтать, надо идти гулять. Но ему возразили, что гулять уже поздно. Помедитируем здесь. Мне стало ужасно стыдно, что я сорвала людям прогулку. Я вообще чувствовала себя виноватой во всём происходящем. Слёзы текли по моему лицу. Кто-то предложил:

— Давайте помедитируем на Яну. Поможем ей!

Все сели в круг, взяли за руки, закрыли глаза. Я хорошо ощущала направленное ко мне внимание всех, и, стиснув зубы, сдерживала истерические рыдания. Мне хотелось закричать.

Тут наша ясновидящая Ц. начала говорить о том, что она видит в медитации. А видела она какого-то святого старца, который подошёл ко мне лично и чего-то там на меня начал сыпать. Вроде, что мне нужна помощь...

Каждое её слово было мне — как ножом по сердцу. Я ощущала себя страшно виноватой перед всеми. Из-за меня началась эта перепалка. Я — критикан, который не даёт людям жить спокойно, устраивает скандалы.

Я недостойна быть среди таких прекрасных, светлых людей... Они такие светлые и хорошие, что даже не обвиняют меня ни в чём. Они хотят мне только помочь! Они думают, что мне плохо, и

хотят мне помочь!

Они не видят, что мне больше всего хочется убежать, забиться в тёмный угол, спрятаться от назойливого чужого внимания...

Что их энергия давит на меня тёмной массой и причиняет невыразимую боль. Что сердце моё разрывается от горя и ужаса. Что я не хочу жить... не хочу жить...

Наконец, медитация на меня кончилась. Каждый (каждый!) член общества, кроме Г.П. подошёл ко мне по очереди, погладил меня по плечу или по голове, сказал несколько утешающих слов (я всё ещё плакала). И с каждым словом мне становилось всё хуже, потому что — все они такие хорошие, я одна плохая.

В эту ночь я не сомкнула глаз. Я не хотела жить. Лишь к вечеру следующего дня я почувствовала себя хоть немного в норме.

Удивительно, что один лишь Г.П. позже сказал: каким издевательством, какой бестактностью была эта медитация... и я была так благодарна ему хотя бы за это запоздалое признание.

Разумеется, объективный читатель может лишь посмеяться над этим. Нужно быть внутри, чтобы понимать меня. Нужно верить в общество и любить его, как это было тогда у нас принято. Только тогда можно понять, что со мной сделали в тот вечер.

Разумеется, я виновата в этом сама. Нечего было верить во всякую чушь и вообще, вступать в секту.

Тот вечер сломил меня. Я поняла и сделала окончательный вывод: в нашем обществе нельзя критиковать **ничего**. Ничего нового нельзя предлагать — всё, что идёт не от Александра — в нашем обществе рассматривается, как зло.

Если писать информационные письма (с письмами тоже была история, но рассматривать каждую мелочь здесь невозможно), то нужно до последнего слова согласовывать их содержание с Александром.

Кстати, нельзя даже и рассказывать об обществе посторонним, рекламировать его где-то. Мы с мужем написали об обществе в Интернет на один из форумов. Александр, узнав об этом, устроил нам головомойку... всё дело в том, что необходимо было скрывать наши эзотерические интересы.

Александр мечтал получить права на издание «Розы мира», и необходимо было создать у Аллы Андреевой и Андреевского Фонда впечатление, будто наше общество состоит сплошь из воцерковленных православных (даже то, что я католичка, нужно было скрывать!) и занимаемся мы исключительно беседами по Библии.

Написать куда-либо правду — значило навредить обществу.

То есть, какое-либо творчество в нашем обществе невозможно. Единственный способ остаться в нём — это жить спокойно своей жизнью, время от времени приезжать на собрания, и с раскрытым ртом слушать Александра и выполнять все его распоряжения.

Даже не пытаться что-либо возразить, так как Александр всё равно гораздо компетентнее, у него больше информации, короче говоря — нужно его слушаться беспрекословно.

(Информация, кстати, выдавалась далеко не вся. Очень многое, что происходило во Франкенекке, скрывалось от рядовых членов общества.)

К тому времени это поняли практически все. У многих это произошло не так болезненно, как у меня. Например, я слышала, как А., программистка, предлагала В. свои услуги с компьютером, и он ответил ей: «Ну, что ты, у нас есть молодые, умные ребята, они всё сделают».

После этого А. плакала — это ясно, ей дали понять, что в её профессионализме сомневаются, что она вообще, как личность, в обществе никакой пользы принести не может. Ну и так далее...

Многие продолжали мечтать о том прекрасном времени, когда все мы соберёмся под одной крышей, будем жить общиной. В обществе поддерживалась и муссировалась уверенность, что, рано или поздно, это обязательно произойдёт.

На каждом собрании планировалась жизнь будущей общины, мы мечтали об этом... почему-то особенно привлекала всех такая деталь — мы обязательно построим баню (варианты — сауна, русская баня), и в традицию войдёт общая помывка (о, конечно, мужчины и женщины отдельно... никакого свального греха).

Но пока никакой возможности переехать во Франкенек ни у кого не было. Поэтому все про-

должали просто встречаться на собраниях и мило общаться.

Если кто-нибудь из общества прочитает эти мои строки, вполне возможно, он скажет (я уже слышала такие мнения): «А я изначально был против всяких там великих дел, против переселения во Франкенек. Я хотел только общаться на собраниях и продолжать жить своей жизнью».

Это самообман. Возможно, один-два человека так и были настроены. Но если бы В. на одном из собраний сказал: «Знаете, ребята, не будем мы ничего строить, не будем изменять мир, а давайте просто дружить семьями, встречаться, разговаривать, ездить куда-нибудь все вместе», — в этом случае на следующее собрание не приехал бы, скорее всего, никто.

Традиция быстро бы заглохла — хотя бы потому, что ездить на другой конец страны ради «дружеских встреч» не имело бы смысла. Исчезла бы и эта милая атмосфера «Божественного Присутствия», которая нас собирала.

Александр в то время заботился об обществе. Он единолично планировал встречи, и старался, чтобы они были интересными (какая-либо помощь в планировании, вообще любые чужие инициативы отвергались с ходу).

Как правило, на встречу общества приезжала какая-нибудь знаменитость: какой-нибудь «великий целитель», Алла Андреева, немецкие эзотерики... Знаменитость выступала у нас, ей задавали вопросы.

Кроме того, на встречах читались доклады (одной из наших целей было «изучение всех религий в свете «Розы Мира»), на такие темы: «Роза мира» и... (христианство, ислам, наука, теософия, буддизм, искусство и т.д.)

Доклады готовили члены общества, но, по правде сказать, относились к этому докладчики с прохладцей, а остальные — как к нудной обязанности (ну, давайте уж выслушаем).

Прогулки, пение под гитару, обязательная совместная медитация.

Самая интересная часть встречи — «обсуждение наших дел». То есть, отчёт Александра о проделанной работе. Обсуждать было особенно нечего — кроме живущих во Франкенек, никто ничего не понимал.

Издательство Александра крепло и развивалось. В обществе начался ропот по поводу того, что Александр вообще занялся коммерческой деятельностью.

Я молчала — я решила для себя, что общество дороже, чем моё личное мнение. Поэтому отныне мнение Александра автоматически становилось моим собственным. Я верила Александру и шла за ним. Во всём.

Иногда практиковались совместные «паломничества». Общество посетило христианскую общину Тезе во Франции. Ездили на медитацию к проживающей в Германии индианке «Матери Мира» (Мира — это её имя, мать — поскольку она считается вроде святой, разумеется, не христианской).

Постоянно посещали дедушку Тимофея. Кстати, это единственное дело, организованное не самим Александром (в начале он был против этих совместных субботников), которое всё-таки удалось обществу.

На следующую осень наша семья распалась почти окончательно.

Муж принял решение уйти из семьи. Мне было невероятно тяжело. Я любила его всё ещё, и меня охватило отчаяние. Я готова была умереть. Заботы о детях как-то поддерживали меня, но без мужа, казалось — жизнь кончена.

Конечно, всё общество узнало о готовящемся разрыве. Кстати, за прошедшие полтора года в обществе уже распалось две семьи, в других резко ухудшились отношения.

Мы с мужем тоже заметили закономерность: обязательно переругаемся после встречи... ещё по дороге домой начинался скандал.

Впечатление было такое: на встрече всё так чудесно, такая неземная, волшебная атмосфера... а тут возвращаешься домой, в быт, к этой грязи. И супруг на фоне этой чудесной атмосферы кажется особенно отвратительным.

Так что, связь этих разводов с обществом для меня несомненна. Это ведь не случайно — три распавшихся семьи за три года. Это не может быть случайностью.

Да и другие семьи сохранились кое-как: практически у всех заходила речь о разводе. Не-

сколько женщин в наше общество вступили уже разведёнными, причём, у некоторых развод тоже случился именно по причине начала их занятий эзотерикой (муж не выдержал...)

Никто не делал из этого секрета.

Опять же, тут можно сказать: это ваши проблемы, при чём тут общество? Но, во-первых, эзотериками мы тогда уже давно были. Во-вторых, общество усиливало отрицательные тенденции в семье.

У меня лично общество увеличивало гордыню. Я писала романы-фэнтези о борьбе Добра и Зла, эти романы шли в обществе на «ура», и мне наперебой говорили о том, какая я талантливая, какое у меня возвышенное понимание...

Я прекрасно видела, что у моего мужа такого «высокого сознания» нет, в общем, я его презирала, сама себе в том не признаваясь. Во многом именно это было причиной того, что он стал искать счастья на стороне...

Как ни странно, но и у мужа общество вызывало ту же самую гордыню и презрение ко мне.

Его хвалили — вообще у нас было принято восхвалять друг друга — какой он умный, какой хороший компьютерный специалист — он находил «понимание и сочувствие» и укреплялся в мысли, что жена его — так себе человечешко. Так что, он имеет полное право изменять.

Кстати, об Анастасии. Это тоже оправдывало его измену! Ведь Мегре не постеснялся разрушить семью ради «возвышенной и духовной» Анастасии... А книга эта уже стала у нас культовой, затмив «Розу мира».

Реакция общества на наш разрыв была следующей. Два или три человека сочувственно поговорили со мной по телефону. Причём, у моих лучших друзей реакция была такой:

«Ну, что ж, и хорошо, может быть, это и к лучшему. Теперь ты будешь жить одна и спокойно писать. Ты пойдёшь своим путём, и никто тебе не будет мешать... да и зачем сохранять семью, если любви нет, если вы разные люди...»

Я раньше и сама так думала и даже мечтала о разводе. Но, когда припёрло по-настоящему — поняла, что без мужа жить не смогу. Люблю его всё равно. И детям тяжело без отца. И теперь я с горечью выслушивала эти спокойные рассуждения друзей.

С мужем все говорили точно так же сочувственно. Мол, это, конечно, нехорошо, но мы тебя понимаем. Яна — тяжёлый человек. Она человек творческий, а ты — женщина, и не можешь терпеть характер творческого человека.

Это женщина ещё может всем пожертвовать ради талантливого мужа. А тебе это, действительно, не пристало... Ну, что ж, желаем тебе счастья в новой жизни.

Причём, один и тот же человек мог только что утешать меня по телефону (какая ты талантливая, добрая, умная, воплощение Света!), и тут же, без перехода, говоря с мужем, успокаивать его, выливая на меня грязь (в основном даже не существующую, выдуманную — потому что, на самом деле, я никогда не жертвовала интересами дома и детей ради творчества и не требовала никаких особых условий для себя).

Не знаю, чем бы всё это закончилось. Я чувствовала себя до жути одинокой. По вечерам мне хотелось выть. Ещё сильнее была боль ревности. Но тут наш сын сломал ногу, а у мужа началось жуткое воспаление челюсти.

Как только сын попал в больницу, муж, обеспокоенный, приехал к нам. И уже ясно стало, что никуда он не денется. Всё же, благополучие ребёнка важнее личного счастья. Мы чувствовали и понимали — это расплата за грехи.

Наш малыш должен расплачиваться за наши грехи. Тем более, сломал он ногу буквально на ровном месте, совершенно невероятным образом. А тут ещё у мужа начались такие боли в челюсти, что он буквально лез на стенку.

Врачи помочь ничем не могли — делали блокаду, которой хватало часа на 4. Каждый день он ходил к зубному. Таблетки не действовали вообще. Муж стал кидаться к целителям (благо, мы познакомились со множеством таковых).

Ему тут же объяснили, что это — кармическое наказание за измену. Он реально пересмотрел свою жизнь, осознал, что прелюбодеяние — это зло. Я была счастлива...

Правда, недолго. Проблемы-то семейные не делись никуда. Осталась и моя гордыня и пре-

зрение к мужу. И его претензии ко мне. Я пыталась их выполнять, но часто просто не могла понять — чего он хочет от меня? Возможно, и он не мог понять, что меня не устраивает.

И вот, у моего мужа начала «ехать крыша». Наша знакомая целительница и ясновидящая с ходу поставила диагноз: «шизофрения». Назначила лечение — гомеопатия, травы.

Я, конечно, сомневаюсь, что это было действительно психическое расстройство. Однако, поведение мужа стало иным. У нас и раньше были жуткие скандалы с битьём посуды, воплями и прочим. Теперь это перешло в стадию рукоприкладства.

Проще говоря, муж начал меня бить и вообще применять физическую силу. Это было для меня совершенно дико. Я выходила замуж за интеллигентного, идеально спокойного, скромного юношу, представить было даже невозможно, что он может разговаривать в повышенном тоне.

Но теперь он начал звереть. Причём, я не знала, как предотвратить эти приступы. Я начинала его бояться, но это только скорее приводило к жуткой развязке. В эти моменты он превращался в дикого зверя — как будто в него вселялся кто-то другой.

Он готов был на всё ради достижения своей цели — унижить меня. На следующий день он, как правило, стыдился происшедшего и не помнил половину того, что было. Только поэтому я не разводилась с ним. Я понимала, что этот жуткий зверь — не мой муж, а тот, кто управляет им в какие-то моменты.

Что он одержим кем-то или чем-то... Что мой муж — тот нормальный и спокойный человек, которым он является обычно. Правда, в обычном состоянии он стал депрессивным.

То есть, собственно, обычного состояния у него практически и не стало. То депрессия (вплоть до попыток к самоубийству), то безудержная ярость. Единственное, где он чувствовал себя хорошо и вёл нормально — это встречи общества «Цветок мира». Вообще — с друзьями.

Так мы существовали до самого нашего выхода из общества. Наша семейная жизнь представляла собой тихий ад. А иногда, и вполне бурный ад.

(К слову, он и до сих пор страдает депрессией. Правда, без приступов ярости, теперь он может уверенно контролировать себя. Но с депрессией мы до сих пор продолжаем бороться, понимая, что это — ещё небольшая расплата за всю нашу эзотерику).

Не следует думать, что мы были единственными. Особенно ужасной была судьба нашего врача Э. Он развёлся с женой, бросив двоих детей. Начал пить. Принимал наркотики (как и какие — не знаю).

Чуть не покончил с собой (вскрыл вены, через час испугался, позвонил В... тут подключили целителей, Э. перевязался). Э. считал В. кем-то, вроде своего духовного руководителя.

То обращался к нему, то намеренно отталкивал всё общество, закрывался, прятался от всех, не отвечал на звонки и письма. То, как припрёт, снова звонил В.. Ни о какой профессиональной адаптации уже речь не шла. О судьбе Э. сейчас мы не знаем ничего.

Кто-то говорил, что он обратился к В., и тот его отправил в Россию к родителям. Но это слухи, сам В. ничего об этом не говорил (по своему обыкновению скрывать информацию).

Развелась и дочь В. — не сошлись характерами с мужем.

Было ещё две попытки развода в других семьях, но они закончились благополучно. Женщины в основном звонили Лене, плакались ей в жилетку. Лена и рассказывала мне об ухудшении отношении практически во всех семьях. Скрывать что-либо она не считала себя обязанной.

Рассказав о своих личных делах Лене, можно было быть уверенным — об этом будет знать всё общество. Тем не менее, ей рассказывали. Она такая гостеприимная, добрая, так умеет слушать...

К тому же, она активно расспрашивала. Звонила по телефону и настойчиво осведомлялась: ну, а как твоя мама? Что у тебя с мужем? Что он тебе сказал? А ты ему? И видя сочувственный интерес, люди «раскалывались». В общем, Лена самоотверженно жила ради других и всем помогала.

В их собственной семье тоже были нелады и даже заходила речь (пока отдалённая) о разводе. Но это они, к счастью, благополучно преодолели.

Прошли с блеском «Андреевские чтения», на которые приезжала и Алла Андреева, и европейские профессора-слависты, занимающиеся Андреевым, как поэтом.

Правда, публика собралась сплошь эзотерическая, и многие были недовольны, что об Андре-

еве вообще говорили, как о литераторе. Они-то приехали порассуждать об уицраорах и сакуалах.

Издательство «Вега», руководимое В., крепло и развивалось. Перевели и напечатали первую книгу Мегре «Анастасия». Книга начала быстро расходиться. Приступили к переводу второй книги, позже — третьей. У издательства появился небольшой офис, компьютеры, телефоны, факс...

Работали там Александр и Лена бесплатно, Костя получал зарплату. Помогала жена В.. Вообще помогали все, кто мог, из общества. Наша художница Ц. Делала и оформление офиса, и рисовала обложки книг, и делала стенды для выставок — всё это совершенно бесплатно, разумеется.

Кто-то отмывал и ремонтировал помещение для офиса. Мы подарили издательству свой старый компьютер. Я, время от времени, набирала тексты. Всё это считалось само собой разумеющимся.

Ведь это **наше** издательство. Ведь всё это делается для **нас**. Для общества. Ребята хотят заработать деньги, но только для того, чтобы построить **нам** центр, где мы сможем жить все вместе. Как же не помочь? Помощь издательству и помощь обществу — это одно и то же практически.

(Некоторые возмущались такой постановкой вопроса... но о возможности у нас реально что-то возразить я уже говорила).

В особенности много делал для издательства мой муж. Костя не был компьютерным специалистом. Он очень много пользовался консультациями и услугами моего мужа. В конце концов, муж начал писать для издательства программу — базу данных.

Для справки: обычная стоимость такой программы около 30 тыс. марок. Плюс обслуживание — расширение, перевод на «евро», переделка программы в соответствии с желаниями клиента, постоянные консультации...

Эта программа писалась мужем в выходные и по вечерам, плюс во время работы Костя постоянно звонил ему и по часу висел на телефоне, выясняя какие-то детали.

Само собой разумеется, мы стали ездить во Франкенек всё чаще. Муж просиживал с Костей за компьютером. Мы с Леной занимались хозяйством и гуляли с детьми.

Настало время — обществу исполнилось 3 года — когда мы начали ездить во Франкенек каждые выходные. С В. почти не общались — только с Костей и Леной.

Но в их доме тоже ощущалась та светлая, приподнятая атмосфера, которая вообще была характерна для «Цветка мира». Это был гостеприимный, уютный дом, Лена прекрасно готовила, с ней можно было замечательно поговорить по душам.

Муж находил удовольствие в возможности поделиться своими знаниями. Наши дети давно дружили между собой.

Но уж очень тяжело было ездить... В один конец дорога составляла 400 км. Это где-то четыре часа езды по автобану. В один день — невозможно, мы жутко уставали.

Ехали в субботу с утра, в воскресенье возвращались домой. Наутро муж шёл на работу. Он стал ещё более нервным. Практически хорошо нам было только во Франкенек. Такая жизнь изматывала до предела.

Мы стали подумывать о переезде во Франкенек. Но тут было два препятствия.

Во-первых, муж работал в Падерборне, где мы тогда и жили. Найти работу программисту в деревенской местности не так-то легко. Тем более, с такой неплохой зарплатой, служебным авто, свободным графиком.

Во-вторых, сын, больной ребёнок, поступил в школу для детей с нарушениями речи. Он вообще у нас начал говорить только в 5 лет. Хотя, интеллект сохранён. Ни о какой обычной школе речи идти не могло.

Я не могла забыть слов Александра: «Вот приезжайте во Франкенек, как Костя, и будете с нами работать, а не издали критиковать». Тем более, что Александр на каждом собрании не забывал подчеркнуть, как он благодарен Косте, какой Костя герой и молодец, и что мы все должны последовать примеру Кости.

Но разница была всё-таки довольно существенная. Костя в тот момент потерял работу. Квартиру они должны были в любом случае менять. То есть, он стоял всё равно перед необходимостью искать новый заработок и новое жильё.

Дети были ещё маленькие, со школой проблем не было. В этих условиях он сделал ставку на

Александра и переехал во Франкенек (как оказалось позже — ставка вполне оправдалась...)

А мы... за мужа на работе держались руками и ногами, как за отличного специалиста. Условия — такие, что трудно пожелать лучше. Я могла не работать, денег хватало.

Мы жили в великолепной четырёхкомнатной квартире рядом с лесом, с огромной детской площадкой во дворе и обилием ребятишек (что в Германии редкость). Наконец, сын ходил в школу, которую очень трудно сменить, учитель нас вполне устраивал.

За год учебы мы увидели у сына значительный прогресс в речи, учитель даже сказал, что по речи сын уже мог бы посещать и обычную школу, но он рекомендует ещё на год оставить его в «инвалидной», так как большие классы сыну противопоказаны.

И вот всё это (плюс родственников мужа, которые жили неподалёку) мы собирались бросить и уехать за 400 км в маленькую деревушку...

Мы бы не пошли на это всё же, если бы не решилась внезапно проблема с ребёнком.

Дело в том, что во Франкенекке случайно как раз находится вальдорфская школа (для непосвящённых поясню — школа антропософского воспитания, основанного Рудольфом Штайнером). Там работает жена В. Мы побывали в этой школе, посмотрели и решили, что это как раз то, что нужно нашему ребёнку.

В школе были маленькие классы, 10-12 человек. Индивидуальное внимание каждому ребёнку. Родители — в основном антропософы, дома ни у кого нет компьютеров, телевизоров, то есть, дети не увлекаются покером и прочей ерундой.

Упор на занятия рисованием, музыкой, ручной труд — как раз то, что нашему сыну остро необходимо (читать и считать он уже умел неплохо). Короче говоря, нашего ребёнка согласились принять в эту школу в первый класс (в Падерборне он посещал подготовительный).

Что касается мужа, то он решил создать свою собственную типографию.

Типография была нужна издательству — чтобы возможно дёшево печатать «Анастасию» и другие книги. Да и обществу — письма, информационные листовки, брошюры, плакаты. Чтобы сводить концы с концами, разумеется, мы планировали и обычную типографскую деятельность.

Муж целый год занимался изучением типографских машин, ездил по выставкам... Мы уже и помещение во Франкенекке присмотрели. Задержка была за одним — деньги... Но и это не проблема.

Мы собирались брать в кредит около полумиллиона марок. Конечно, это очень рискованно. Если дохода от машин не будет, вообще непонятно, как этот кредит выплачивать. Скорее всего, придётся всё продавать и всю жизнь потом работать нам обоим только на долги.

Для меня всё это звучало дикостью и безумием. Вполне естественно. У меня всё же, женский взгляд на вещи. Но я молчала — не хотела мешать мужу.

Он ведь был постоянно в депрессии, единственная его отдушина и радость — эта будущая типография... он мужчина, и он должен руководить, сам выбирать свой путь. Какое право я имею навязывать ему свою точку зрения?

Лишь иногда я говорила: «Но, как же ты сможешь работать? Ведь сразу фирму нельзя будет бросить, ты это понимаешь — первые полгода дохода не будет **точно**.

Сейчас у тебя все силы уходят на программирование, тебе некогда погулять с детьми. Где ты будешь брать время на типографию — ведь это тоже полный рабочий день. Ну, я, конечно, буду весь день работать, но ведь и твоя работа потребует...»

«Как-нибудь», — отвечал муж. И я начинала верить в чудо. А вдруг получится?

Я знала, что по статистике 2 трети новооткрытых предприятий в Германии терпят крах в первый же год. Тем более — в типографской области давно всё схвачено. Если бы ещё хоть муж открыл компьютерную фирму (в этом он и разбирается получше)... А печатать — да кому это сегодня нужно?

В общем, были доводы разума и была вера в чудо.

На фирме, где работал муж, согласились на то, что он будет работать на дому. Выдали домой компьютер. Согласились на переезд (с условием его регулярного появления на фирме).

И вот, летом 2000 года мы переехали во Франкенек.

Всё было не так в этом переезде. Во-первых, уже становилось ясно, что с типографией ниче-

го не получится. Прежде всего, из-за позиции Александра.

Александр, который очень радовался и поддерживал нас в этом безумном решении, рассматривал будущее предприятие, как свою собственность. Он говорил, к примеру: «Мы с Костей должны подумать о том, как вас прокормить».

У нас глаза лезли на лоб. Что значит — нас прокормить? Мы собирались жить своим трудом, хотели сами помочь издательству, а не чтобы издательство нам помогало.

Постепенно из речей Александра стало ясно: он будет полностью контролировать нашу работу. Он рассматривает это предприятие, как обузу для себя, но обузу полезную в будущем (ведь когда-нибудь нас будут миллионы... конечно же, нужна своя типография!)

Он даже не думает о том, что мы, вообще-то, собираемся быть самостоятельными. Под таким контролем об этом и думать нечего. Будут только постоянные конфликты.

Муж постепенно охладел к самой этой идее. Спасибо тебе, Господи, что мы не влезли в эту гибельную яму!

Мы всё же переехали во Фракенек, деваться было уже некуда. Там от квартиры отказались. Здесь за три месяца поисков удалость найти только совсем маленькое жильё, 2 с половиной комнаты в мансарде, выход из дома непосредственно на крупное шоссе, на перекресток, рядом железная дорога — то есть, если открыть форточку, разговаривать в комнате очень трудно из-за шума.

Ближайшая детская площадка в 40 минутах ходьбы. Я даже заплакала, поняв, что нам придётся жить в этой квартире (по сравнению со старой, это было нечто...) Была у меня такая минута слабости. Жалко стало детей — чего мы над ними издеваемся...

Начало нашей жизни во Франкенеке ознаменовалось грандиозным семейным скандалом и очередной попыткой развода... И снова всё закончилось относительно благополучно.

Сын пошёл в вальдорфскую школу. О ней я расскажу отдельно позже. Муж работал на дому и продолжал ездить каждую неделю в Падерборн.

Иногда я думала с недоумением: мы переехали сюда, чтобы не ездить каждую неделю по 400 км, чтобы восстановилась нервная система мужа, измотанного этими поездками.

Но он теперь должен точно также отсюда ездить еженедельно на работу! Какой же смысл был в переезде! Впрочем, школа нам пока нравилась...

К тому же, меня приняли на работу в издательство. Мне даже стали платить небольшую зарплату. Я принимала заказы, паковала книги, вела обычную и интернетовскую переписку, набирала все тексты, даже занималась редактированием и переводом на русский.

Работа мне очень нравилась, я наконец-то почувствовала себя занятой, нужной кому-то, к тому же, это у меня неплохо получалось! Короче говоря, я нашла своё место в жизни. Я была по-настоящему счастлива. Если бы ещё не семейные проблемы...

Но недолго продолжалась идиллия. Начались серьёзные проблемы с Александром. Он попал в психиатрическую клинику. Потом поехал в Россию. Мы остались без руководства. Как раз этой зимой планировалось провести большую встречу немцев с Мегре. Мы проводили её без Александра.

Всё безумие, весь кошмар, который нам довелось пережить в 2000-2001 году я попробую передать в последней части этой истории. Как закономерный итог четырёхлетнего существования «культурного» общества «Цветок мира».

Всё, что я описывала до сих пор — были ещё очень милые цветочки по сравнению с последующими событиями.

Но вначале мне хотелось бы рассказать о важных вещах, с которыми мне довелось столкнуться.

В конце концов, «Цветок мира» — одна из крошечных бесчисленных сект, особенно никому не угрожающая.

Но существуют такие явления, как Мегре с его «Анастасией», как вальдорфская педагогика, которые интересуют уже миллионы людей в России.

Поскольку мне довелось поближе познакомиться с этими явлениями, представляется важным написать о них подробнее.

Часть вторая. Анастасия

— Ну, что ж, — подчёркнуто вздохнула Лена, — Если эти книги не вызвали у тебя никаких эмоций, если ты не плакала над ними, если они в тебе ничего не изменили... что я могу сказать на это? Конечно — ты можешь осуждать.

— Изменили, — возразила я, — и я плакала над этими книгами. Они на то и рассчитаны, чтобы над ними плакали.

Лена пожала плечами.

Я уже привыкла в последнее время к имиджу злобного ограниченного критикана, который плюёт на всё светлое и прекрасное (тут ещё обычно инквизицию приплетают — раз уж я католичка). Но как-то сейчас мне это стало безразлично.

Уж сейчас, в моём теперешнем состоянии, я бы не стала рыдать от отчаяния, хотя бы и всё общество взялось за мою «проработку».

Поэтому — извините, дорогие анастасиевцы — вашей священной корове придётся немного потерпеть. Придется вам немного пострадать, лелея свои «самые светлые и драгоценные чувства».

Ну, в конце концов — кто начал первым? Кто обругал молитву «Отче наш», кто сказал, что церковь отстаёт от жизни, да ещё кощунственно выставил Христа, как старшего брата Анастасии в ряду «Кришна-Магомет-Будда-Христос-Велес»...

Я уже не говорю о новой версии христианства в 6-й книге. Тот, кто не щадит чувства других, не может рассчитывать, что кто-то будет щадить его собственные чувства.

Но я начну, пожалуй, с самой личности Мегре. Тогда будет проще перейти к книгам. Тем более, с Мегре мне довелось встретиться лично.

Началось всё с подготовки к выступлению Мегре в Германии. Мы арендовали зал на 1000 мест, распечатали билеты, рекламу и начали продажу. Всё это мы делали вдвоём с Костей, при некоторой помощи Лены, жены В. и моего мужа.

Попутно велась ещё и переписка с Владимирским центром. Владимирцы прислали нам свой стандартный вопросник, в котором присутствовали такие пункты:

- **В какой гостинице будет жить Мегре?**
- **Будет ли ему выделена персональная машина с шофёром?**
- **Какая предусмотрена охрана мероприятия и самого Мегре?**
- **Каким будет гонорар Мегре за выступление (между прочим, одно-единственное, на большее он не согласился! То есть, мы покупали ему билеты, содержали его в гостинице несколько дней только ради одного выступления).**

При этом, Мегре сам довольно-таки хамски говорил с Костей по телефону: «Я вообще не хочу ехать в эту вашу Германию. Я вообще немцев не люблю. Немцы — все гады. Я только Россию люблю. Что я там забыл у вас?» (это я передаю не буквальные слова Мегре, а пересказ). Костю просто трясло от всего этого.

Мы вспоминали Аллу Андрееву, спокойно жившую на квартире В., никогда не выставившую никаких условий, не бравшую денег за свои многочисленные выступления (которые ей, старой больной женщине, давались очень нелегко).

Ну, что ж... понятно. Мегре — знаменитость, за ним все охотятся, он привык к всеобщему вниманию, к тому же, он бизнесмен и привык работать только за деньги...

В конце концов, Мегре, всё же, приехал.

По большей части он общался с Костиной семьёй. Я видела его только в день самого выступления, и на следующий день, в приватной обстановке, когда он провёл беседу с членами нашего общества. Также знаю о содержании его бесед с семьёй Кости.

Владимир Мегре — человек невысокого роста, аккуратный, подтянутый, с необыкновенно большими, удивительными глазами. Очень обаятелен! Очень! В него просто невозможно не влюбиться. В него влюбляются и женщины, и мужчины.

Избежать этого можно только если заранее относиться к нему критически. А среди собравшихся не было критически настроенных людей.

Даже более того — критическое отношение к чему-либо в такой обстановке просто невоз-

можно. Расскажу один эпизод. Мегре привёз с собой из России свою новую пятую книгу. Как раз накануне выступления, я эту книгу прочитала.

Она вызвала у меня бурный внутренний протест. Первые три книги я считала шедевром искренности и мудрости, несмотря на литературные огрехи. К четвёртой отнеслась настороженно. Пятая же меня просто разочаровала.

Совершенно беспочвенные и бесплодные мечтания, прожектёрство, густо подпитанное для смазки «русским патриотизмом» и «спасением отечества», а также явной ненавистью к иностранцам и Западу вообще.

В конце — описание отношений Мегре с какими-то проститутками (причём, благородные проститутки его спасают от каких-то садистов) и совсем чуть-чуть об Анастасии.

Я поняла, что Мегре окончательно съехал, исписался, и что вообще, вся эта анastasиевская история выглядит подозрительно. Если такая чудесная Анастасия вообще существует, как она могла допустить, чтобы Мегре написал такой маразм? (после 3-х первых книг, которые, повторяю, мне нравились).

Но — Мегре уже приехал, встречался с семьёй Лены. Приехали некоторые члены нашего общества, все возбуждены, говорят только о предстоящем событии. Мне завтра предстоит серьёзная работа по организации встречи... А я разочарована. Мне уже вообще ничего не хочется после этой пятой книги.

Вечером мы зашли к Лене. Ужинали у них, как частенько случалось. Шла речь о Мегре, разговоры были восторженные. Девчонки говорили о том, как им понравилась пятая книга. И вдруг... я сорвалась.

Не знаю, что со мной произошло. Такое впечатление, что вот эта всеобщая восторженность и мои сомнения столкнулись, как две стены, и рассудок рухнул... не выдержал...

Я начала кричать какую-то чушь. Не помню, что конкретно. Обвиняла окружающих в каких-то старых грехах. В общем, это была дикая истерика.

Мы кое-как ушли домой. В эту ночь я легла только в пять утра. Ходила по улице, в ужасе и тоске, не зная, что делать. Какой я ужасный человек... почему у меня такой срыв?.. ведь вот у Лены же нет такого, хотя она была со мной всё это время... я недостойна, недостойна... я не хочу жить.

В конце концов, я решила для себя твёрдо: завтра отработаю, как положено — нехорошо подводить ребят. А после этого уйду из общества. Совсем. Я недостойна идей Анастасии, недостойна такого общества и таких людей.

Это меня успокоило. Назавтра был тяжёлый, напряжённый, но интересный день. Собралось 700 анastasиевцев, была атмосфера удивительного анastasиевского праздника... и, что бы вы думали?

К концу дня я уже верила во всё, что стоит в пятой книге! Я не считала больше себя недостойной. Вернее, так — да, я недостойна, но надо думать не о себе! Дело — важнее!

Раз я нужна для этого дела, надо работать, хотя я и недостойна. И самое удивительное — пятая книга начала мне нравиться! Я поняла, что в ней высказаны новые, прекрасные истины...

Вот и судите — возможно ли критически относиться к тому, что делает и говорит Мегре, когда находишься в такой обстановке?

Можно-то можно... но рассудок дороже. Или ты не соглашаешься с другими — и тогда на твой разум обрушивается волна «анastasиевской атмосферы», грозя уничтожить его начисто. Или ты плывёшь по воле этой волны, колыхаясь вместе с нею, и от этого ощущая блаженство.

Типично, впрочем, сектантское ощущение.

Опять же, сейчас кое-кто вскинется от слова «секта» и скажет: ну, что ж, если ты такая вот, склонная к сектантству — это твой характер, для тебя всё секта. Ты склонна к безусловному подчинению, у тебя тоталитарный характер, а вот мы! Мы — свободные люди! Нами никто не манипулирует!

Так вот — эти свободные люди просто ни одного-единственного раза не пробовали **сомневаться** в том, в чём все вокруг уверены. Они всегда были согласны с большинством.

Они просто всегда колыхались с той самой волной (мелкие разногласия не в счёт... я говорю

о глобальных, о сомнениях в самой основе писаний Мегре).

Поэтому то, что они говорят — это типичнейший самообман (если человек понимает, что им манипулируют — значит им **уже** не манипулируют! Манипуляция именно предполагает полную уверенность человека в том, что он свободен и независим).

По правде сказать, большую часть конференции я не слушала — не до того было, много работы. Но то, что я слышала, практически ничего существенного в себе не содержало.

Умению Мегре уходить от ответов можно только позавидовать. Так же, как и умению давать общие, ни к чему не обязывающие, не конкретные ответы.

Примеры?

«Как воспитывать детей?» — «Вы знаете, я пришёл к выводу, что мы вообще не имеем права их воспитывать. Мы загадили природу, превратили этот мир неизвестно во что — и что мы должны говорить детям?»

«Кто такой Иисус Христос?» — «Я думаю, мы не имеем права об этом говорить. Иисус Христос — это Иисус Христос. Больше я ничего не могу об этом сказать» (хотя в книгах он высказался более конкретно...).

Сейчас не помню, какие ещё вопросы задавались на конференции. Перевод был отвратительный. Нанял переводчицу ещё В., месяца три назад. Стоила она нам безумно дорого, переводила очень плохо, и главное — медленно.

В конце концов, наши ребята из общества сами стали уже переводить. Тем не менее, похоже, большинство участников остались довольными. Мегре под конец сказал:

«Как это удивительно, как это прекрасно! Вот мы с вами говорим на разных языках, к тому же, организация не очень хорошая, перевод идёт медленно, но, тем не менее — встреча удалась! Вы чувствуете, какая замечательная атмосфера — атмосфера Любви царила в зале!»

На следующий день мы встречались с Мегре в тесном кругу нашего общества, в квартире — той самой гостиной В. (правда, сам он отсутствовал).

Мы решили задать Мегре самые важные, животрепещущие вопросы. В особенности многое волновало нас, живущих во Франкенеке и уже задумывающихся о будущей общине...

Моего мужа давно интересовал вопрос об экономических выкладках Мегре. Изложу их вкратце.

По идее Мегре, Россия должна возродиться за счёт продажи натуральных изделий из кедра, вообще из дерева, вышитых рубашек, поделок, а также, главным образом, продукции со своих огородов.

Не спешите улыбаться! Это не просто огороды. Это огороды, выращенные по методу Анастасии, то есть, любой огурец с такого огорода будет ну таким супервкусным и целебным, что стоять он будет целое состояние.

Банка солёных помидоров — около 100 долларов. На Западе, естественно. И вот продажа всех этих вещей на Запад по суперценам приведёт к тому, что все российские граждане обогатятся.

Мой муж задал очень резонный вопрос.

— Как вы это себе представляете? Если на помидоры будет спрос, то очень многие жители России начнут закатывать помидоры и поставлять их за рубеж. В таком случае, цена неизбежно снизится. Здесь уже есть свой рынок натурпродуктов, они дороже обычных раза в 2, но не в 100 же раз!

И потом, на Западе живут не одни супермиллионеры, каким бы драгоценным не был огурец, они, ну может быть, максимум раз в жизни позволят себе за него заплатить, если он будет столько стоить.

Второе — если банка на Западе стоит даже 100 долларов, то, сколько останется производителю в России после перепродаж, таможи, транспортировки?

Знаете, что Мегре ответил на эти простые и конкретные вопросы?

— Ну, это детали, которые сейчас не время конкретизировать. Я дал общую схему. Самое главное — нужно изменить отношение людей на Западе к природе, их систему ценностей. Тогда они будут покупать не машины и компьютеры, а наши природные помидоры,

(Естественно, ответы Мегре я даю по памяти — просто по смыслу, буквальных слов не помню. Но смысл сохранён, более-менее точно).

Самое смешное, что мой муж этим ответом вполне удовлетворился. На пару дней. Потом он сам с удивлением спрашивал себя, как он мог успокоиться — ведь Мегре ни на один его вопрос не ответил!

Мой вопрос был таким:

— Какой вы предполагаете социальную структуру поселения?

— Ну, я представляю себе так, что будут независимые производители, каждый будет выращивать на своём гектаре продукты и их продавать. Ну, один кто-нибудь будет заниматься продажей. Все решения — о школе, о делах общины — будут приниматься совместно.

— Не получится ли, что тот, кто продаёт, будет жить значительно богаче, чем производители?

— Ну и что? — Мегре посмотрел на меня с недоумением.

— Но тогда этот человек будет диктовать свою волю, скажем в решениях о школе... кого нанимать, как всё устроить... То есть, получится то же, что и везде. В чём тогда особенность ваших поселений?

— А, вот как, — задумался Мегре, — Ну, видите ли, я такие мелочи не диктую. Вот вы сами это всё и решите, как лучше сделать. Я только подсказываю основной путь, самое главное. А уже, как лучше устроить, это вы придумаете сами. Пусть каждый творит!

(о мелочах — только что он подробно говорил о том, как, по его мнению, должны быть расположены дорожки в будущем поселении. То есть, расположение дорожек — более важная вещь, чем самоуправление).

Короче говоря, от любых более-менее полемических вопросов Мегре легко уходил при помощи основных приёмов: ну это мелочи, частности... вы сами должны ответить на этот вопрос... я думаю, мы не можем об этом рассуждать...

Охотно он говорил о вещах эзотерических — о перевоплощении, например, о доисторическом якобы периоде, когда человечество «первоистоков» процветало.

— Неужели вы думаете, что вся история человечества — это история войн, каких-то царей и правителей, убийств, разрушения природы? Конечно же, в истории были другие времена, гораздо более прекрасные... вот об этом я и пишу шестую книгу.

Увидев, что в нашем обществе можно свободно рассуждать о перевоплощении, о сверхъестественных явлениях и подобных вещах, Мегре сказал:

— Ну, вот видите, с вами можно откровенно говорить обо всём. Я с вами говорю совершенно открыто. А есть люди, с которыми нельзя говорить о перевоплощении, к примеру. Они сразу пугаются, шарахаются... С теми я по-другому говорю.

Пожалуй, самым существенным в этом вечере были не вопросы и ответы, а само впечатление, которое Мегре на нас произвёл.

Он нас покори! Не забудьте, что мы в тот момент остались без руководителя, к которому уже привыкли, нам ещё было страшновато самим, без командира... А Мегре легко и свободно взял на себя такую роль. Причём, он руководил не так, как Александр — чуть ли не стесняясь, но в то же время авторитарно.

Нет, Мегре руководил открыто, откровенно командовал (видя, что никто другой эту роль на себя не берёт): «Ну, давайте, сейчас каждый выскажется по поводу конференции. По пять минут. Вот вы — начинайте, пожалуйста».

Но, при этом, как раз в отличие от нашего шефа, Мегре тщательно выслушивал людей и не давил никого своим авторитетом.

(Александр бы меня никогда не понял... ведь он такой тихий, скромный, нежный, как же он может давить... наивно. Ведь давить можно воплями: «Сейчас всех расстреляю!» — только кто после этого останется с тобой? — а можно давить собственными обидами и страдальческим видом: «ну хорошо... если вы не согласны... если даже я останусь совсем один, я всё равно буду делать так»)

А Мегре умел руководить. Умеет он и говорить с людьми. Куда там Дейлу Карнеги! Я вооб-

ще первый раз в жизни вижу настолько приятного в общении человека.

Когда он слушает тебя, он всем телом к тебе оборачивается, слегка кивает, так ласково, так участливо и внимательно смотрит на тебя своими большими светлыми глазами.

Такое ощущение, что в этот миг для него никто, кроме тебя не существует. Что ты говоришь ему истину, которую он слышит впервые в жизни, и она его просто потрясла (даже если знаешь, что говоришь какой-нибудь пустяк).

Что он настолько поглощён тобой и твоим высказыванием, что ни о чём другом отныне не будет думать. Поверьте, это не преувеличение! Именно такое ощущение создалось у всех наших, кто разговаривал лично с Мегре. Ему симпатичен любой собеседник.

Никто не может сказать ему что-то неприятное. Если кто-то возражает, Мегре принимает это возражение всерьёз и обещает очень и очень тщательно это обдумать.

Я заговорила с ним о частной собственности на землю и связанных с этим опасностях — он тут же кивал и сказал: да, да, это очень важно! Я ещё даже не думал об этом! Вы обязательно напишите доклад и пришлите нам по мейлу! Мы эту мысль рассмотрим!

Короче говоря, Мегре был, ну такой душечкой... ну таким золотым человеком. Прямо слёзы на глаза наворачивались. Лишь иногда у меня мелькала где-то в глубине мыслишка: подлинное ли это?

Вот такая искренность и внимание, любовь к людям — в его натуре?

Или же это весьма тщательно отработанный имидж?

Возможно, думала я, это влияние Анастасии — это она сделала его таким замечательным, а его общение с людьми — таким эффективным.

Мегре являл собой великолепную иллюстрацию к книге «Как завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей». В этот вечер он нас просто покори́л.

У Кости, в семейной обстановке Мегре был более деловым и жёстким.

Ему резко не понравились обложки наших книг.

«Обложки должны быть зелёными. Точка. И что это у вас нарисовано — какая-то полуженщина-полудерево? Обложка должна быть такой, чтобы книгу брали. Брали все. А это — обложка для эзотериков. Сколько в Германии эзотериков? По статистике — 30%. А остальные 70%? Они на такую обложку даже не посмотрят. «Анастасию» должны читать все люди! Так что, обложку надо переделать».

Здесь я сделаю маленькое отступление. Многие ругают безвкусицу обложек Мегре. И они правы. Мегре часто задают такой вопрос, как же он так сел в лужу, поместив на первую книгу наштукатуренную красотку.

В ответ Мегре делает наивное простоватое выражение лица и объясняет следующее.

Когда он написал первую книгу, он пришёл к неким специалистам по рекламе, и ему сказали следующее: чтобы книга пошла, на обложке должна быть обнажённая женщина. Это известный закон рекламы — женщина, ребёнок и животное...

Мегре попытался объяснить, что книга-то про другое. «Ну, тогда, хотя бы накрашенная женщина».

Он поехал к Анастасии и объяснил ситуацию. Мол, наштукатурься один раз ради дела, а то специалисты не берутся за мою книгу. Анастасия с восторгом накрасилась, восприняв это, как игру.

Ну, вот так и получилось, мол... я тут, ребята, ни при чём. Я вообще тупой тёмный купец, и в этих делах ни черта не понимаю. Все претензии к «специалистам по рекламе».

На самом деле, Мегре прекрасно всё понимает.

Наша художница Ц. облагородила обложку. На нашей обложке дерево, ствол которого плавно переходит в тело девушки, длинные косы струятся по стволу, ветви-руки тянутся к небесам. Обложка сделана в желтоватых неярких тонах. Все, кто видел её, высоко оценили мастерство и вкус Ц.

Но это — обложка некассовая! В этом всё дело...

«Посмотрите, — сказала я ребятам, когда мы обсуждали слова Мегре, — на русских обложках изображены вещи, понятные каждому. Женщина, ребёнок, ладонь с крестиком, обнявшаяся

пара. А у нас? Конечно, это лучше — но, если уж бизнес, то бизнес. Тут важно не создать произведение искусства, а выгодно продать книгу».

То же самое — яркий, аляповатый даже зелёный цвет. Обложки Мегре бросаются в глаза на любом прилавке. Пусть они бросаются своей безвкусицей, примитивизмом, аляповатостью — но ведь, привлекают внимание! А наша культурная обложка не привлекает.

Мегре, предприниматель, это отлично понимает. То есть, в данном случае, с обложкой, он откровенно поступает по принципу: лишь бы купили, а что — не так уж важно.

То же самое и с содержанием книги...

Книга начинается с обложки. Но и сам текст подобран так, чтобы охватить максимально большую читательскую аудиторию.

Такое впечатление, что Мегре специально отметил для себя категории людей, которых намеревался «покорить», и их аккуратно «подцеплял» на крючок своими книгами (я не говорю, что так оно и было — я говорю о создающемся впечатлении).

Посмотрите: первая и самая большая категория, к которой непосредственно обращается Мегре — это дачники. Им — и всевозможная лесть (вплоть до того, что они предотвратили всемирную катастрофу), и многочисленные практические советы (я пока не видела реальных результатов воплощения этих советов, у меня лично ничего не получилось).

И надежда на них, как на Будущее России, и обещание им же в грядущем немислимых благ.

А сколько в России дачников? Вопрос риторический.

Вторая категория — родители. С самой первой книги Мегре обещает рассказать о том, как воспитывать детей, и действительно что-то рассказывает, он подчёркивает, что дети — это самое главное, что нет ничего важнее воспитания детей...

Родителями же является подавляющая часть населения.

Ну и дальше категории, которым Мегре явно льстит, которые превозносит и называет «будущим России и мира»: предприниматели, офицеры (в т.ч. КГБ), барды, пожилые женщины (о них несколько раз говорится отдельно), целители, эзотерики, православные (да-да! В книгах есть ссылки на некоего отца Феодорита, вообще заигрывания с Православием — рассчитанные, разумеется, на «неопределённо православных» невоцерковлённых людей), даже католики (восхваляется Папа Иоанн Павел II, в 6-й книге почему-то называемый уже Иоанном II, причём два раза, так что, это не опечатка), ну и так далее...

Короче говоря, охват огромный.

То же самое и с идеями Мегре. Сами по себе эти идеи довольно примитивны. И даже не выдерживают критики. Ну, к примеру, о воспитании детей.

Если я просто скажу: «Ребёнок — это абсолютно чистое безгрешное существо, которое ни в коем случае нельзя ни в чём стеснять, нужно ему позволять абсолютно всё, чего он хочет, потому что все его желания чисты и прекрасны, и тогда он вырастет Идеальным Человеком» — то меня просто засмеют.

Но именно такова идея Мегре!

Однако, чтобы обосновать её, он придумывает «идеального человека» Анастасию и весь её род, где детей воспитывают именно так, придумывает зверей, которые без всякого насилия ухаживают за ребёнком, кормят его и согревают.

И на основании этой якобы существующей «антисистемы воспитания» мы теперь должны воспитывать наших детей...

Как заставить человека поверить в то, что никакого Бога не нужно, что он **сам всё может**?

Просто так человек в это не поверит. Он себя хорошо знает. Так нужно придумать несчастную больную умирающую девочку, которую Анастасия вылечивает и «меняет её карму», в результате чего шестилетняя девочка собственноручно ремонтирует мостки во всей деревне, красит ставни, ловит рыбу в реке, продает её и покупает всякие вещи для своей «мамочки», живущей в городе...

Этот рассказ о «сердечке» несчастного больного ребёночка, которого «тёточка Анастасия» вылечила и спасла, просто невозможно читать без слёз.

А теперь, попробуй усомнись после этого в том, что девочка способна на такие свершения...

ты же будешь последней сволочью после этого!

«Разве твоё сердце не содрогнулось при описании несчастной брошенной матерью Анечки? Разве у тебя нет сердца? Как ты можешь такое говорить?»

И вот, после такой эмоциональной обработки, быстро подсовывается мысль: не надо ни к какому Богу обращаться, ты и сам всё можешь! И попробуй усомнись...

А в скольких семьях возникли сексуальные проблемы... Женщина, начитавшись про то, что половой акт прекрасен только один раз в жизни, что это — творчество ради рождения ребёнка, вообще начинает избегать «пошлой и низкой» близости с мужем или соглашается «скрепя сердце».

Мужчина, со своей стороны, начинает сравнивать свою жену с Анастасией (естественно, в пользу последней) и понимает, что сильно ошибся в выборе (особенно после пассажей Мегре о том, что мы выбираем жену по длинным ногам да накрашенным глазкам, а получаем лахудру, которая сидит на диване и ещё какой-то любви к себе требует).

А между тем, заключения и мужа, и жены основаны, всего лишь, на ничем не подтверждённой фантазии Мегре о прекрасной Анастасии и о волшебной близости с ней, после которой обычный секс человеку вообще не нужен.

Приёмов манипуляции в книгах — без счёта. Даже перечислять их все будет очень долго.

Ну, к примеру, то, что злодей, пытающийся захватить Анастасию, носит еврейское имя... Ну, не случайно же это! (понятно — подготовка к 6-й книге).

А слёзовыжимательные пассажи про вишенку, которой приписываются человеческие чувства, причём, самые высокие, на которые люди часто и не способны (а с чего мы взяли, что это — правда? Что деревья умеют так чувствовать? Просто потому что так приятно думать?).

Скажем так — этих приёмов очень и очень много!

Одного человека книга захватит в плен потому, что он интересуется методами оздоровления. Другого — потому, что он интересуется воспитанием детей. Третьего — потому, что он интересуется строением мира, поиском Бога.

Четвёртого — потому что он ищет спасения России. Пятого — потому что у него нет работы, денег, и он не знает, как прокормить семью (и этот рецепт даётся у Мегре!) Шестого — потому что он бард...

Седьмого, ну совсем никак не связанного, бескорыстного — потому что его тронут до слез описанием жертвенного гениального поэта или сражающегося Барда, или вишенки, или кормления грудью несчастной Анечки, или... ну, там есть чему тронуть за душу.

Талантливо написанная книга. А, захватив человека в плен, книга исподволь внушает свои «истины»:

- ❖ можно спать с женатым мужчиной, если это бескорыстно.
- ❖ Бог — это межпланетный разум, Одна из вселенских энергий (кстати, непонятно, кто в таком случае создал все эти энергии).
- ❖ У Бога ни о чём просить не надо. Человек всё может САМ.
- ❖ Можно заниматься контактёрством, общаться в невидимом мире с кем угодно — надо только различать, плохие чувства (страх, ненависть) или хорошие (любовь, радость) возникают при контакте с невидимыми существами.
- ❖ Детей ни в коем случае ни в чём нельзя ограничивать.
- ❖ Детям не нужны игрушки и баловство родителей. Дети должны только изучать мир, а не заниматься ерундой.
- ❖ Канонические молитвы — это ужасно. Молиться надо только своими словами и обращаться к Богу чуть ли не как к равному себе.
- ❖ Грех Адама и Евы заключался в том, что они начали изучать природу, «анатомировать» её, вместо того, чтобы как-то эзотерически её «постигать» и наслаждаться. То есть, научное познание — грех в принципе.
- ❖ Рецепт счастья очень прост. Надо завести семью, поселиться на своём собственном (обязательно в частной собственности!) гектаре земли, посадить там сад и жить, питаясь плодами с этого же гектара. И всё — в семье гарантирована любовь, счастье и прекрасные дети.

❖ **Этот же рецепт, осуществляемый в массовом порядке, является рецептом спасения России. Это очередная Великая Миссия России.**

Ну и так далее. Это только часть идей Анастасии. Вообще она так много говорит о том, что человек загадил природу, что невольно вспоминаются братья Стругацкие с их сверхцивилизацией Странников:

«— Ну... они всё-таки спасли население целой планеты.

— А откуда ты знаешь, что это они население спасли? А может быть, как раз наоборот, это они планету спасли — от населения?»

При этом я не хочу сказать, что все прочитавшие книгу становятся её фанатичными последователями. Как раз в нашем обществе фанатиков в этом смысле не было.

Но, дело в том, что если у человека ещё нет прочно сложившегося и устоявшегося собственного мнения по какому-то вопросу (как, скажем, у христианина есть твёрдое убеждение в том, Кто такой Иисус Христос), то человек невольно начинает следовать в этом высказываниям понравившейся книги. Иногда даже бессознательно!

То есть, на словах «Я не действую по Анастасии, я самостоятельный человек и сам знаю, как мне жить. Анастасия мне просто нравится, и всё».

А на деле, человек, очень во многих вещах, живёт именно по Анастасии. Потому, что своего мнения или ещё не сложилось, или оно сложилось под влиянием той же Анастасии.

Конечно, можно проанализировать тщательно книгу за книгой. Но это — предмет отдельного труда, и честно говоря, мне уже просто лень этим заниматься. Отмечу ещё один момент.

Цели Мегре и его искренность.

Я могу высказать своё мнение по этому поводу на основе знакомства с Мегре.

По его поведению, по книгам очень легко создаётся впечатление, что всё это — чисто коммерческое, тщательно продуманное предприятие, бизнес-план (любимое словечко Мегре: «Вам нужно составить хороший бизнес-план»).

Тем более, что доходы — действительно приличные. Ведь, это не только доходы от книг! Тут и продажа кедровых плашек, и масла, и орешков, и изделий из кедра, и экскурсии к дольменам... И тот же пресловутый гонорар за выступления.

Я сейчас уже не назову точные цифры, боюсь ошибиться. Что-то около тысячи марок Мегре от нас получил — и плюс ещё бесплатная дорога, гостиница, проживание (всё же, в Германии побывал). Это за одно выступление (возможно, цифра была больше, но не на порядок, и точно не меньше).

Кроме того, идеология Мегре — идеология «предпринимательской романтики». Предприниматель — это звучит гордо! «Ведь это очень сильные люди — предприниматели» (Анастасия). Прямо по Ельцину — обогащайтесь!

Нас Мегре очень критиковал по поводу нашего «бескорыстия». Косте он прямо сказал: у вас должен быть хороший коттедж, приличная машина («Мерседес» хотя бы), вы должны хорошо зарабатывать и другим давать жить!

Кстати, Костя вполне воспринял Мегре в этом вопросе и, похоже, бескорыстие изжил полностью.

А чего стоит его ответ на вопрос в альманахе «Звенящие кедры». Женщина спросила его: ну хорошо, вот я буду всё выращивать, но ведь, мне и деньги нужны — одежду покупать, соль, спички...

Мегре ответил:

«Вот вы постройте свой дом в поселении. А рядом построит свой дом богатый предприниматель. Он молодой, соленья готовить не умеет. А вы умеете. Он к вам придёт за советом. А вы этот совет ему даром не давайте. Вот так вы и будете дружно жить!»

Честное слово, хочется «дружно жить» поставить в кавычки. Неужели Мегре сам не чувствует фальшь такой «дружбы»?

Предприниматель... Новый русский... нам, старым, его не понять.

Короче говоря, Мегре очень и очень деловой человек. И неудивительно, что многие считают, что он придумал всё это, написал книги исключительно с целью собственного обогащения.

Это — тоже вероятный вариант. И всё же, я склоняюсь к другому.

Мне кажется, что Анастасия действительно существует.

Это может показаться парадоксальным после всего вышесказанного. Но судите сами!

Если Мегре всё это придумал, то его нужно счесть гениальнейшим жуликом всех времён и народов. Либо, всё это не только его работа.

Не случайно же ходят слухи, что книги Мегре вообще писал коллектив авторов, а самого его не существует в природе. (Существует... и паспорт у него есть, кстати, фамилия в нём стоит — Мегре).

Какие имиджмейкеры поработали над внешностью, манерой общения Мегре? Где он научился так влиять на людей — тут чувствуется не врождённый талант, а именно обучение...

Как гениально написаны книги — учитывая охват предполагаемой аудитории, высочайший уровень манипуляции сознанием, до которого лучшие западные специалисты по СМИ не додумаются.

И самое главное — кому понадобилось так раскручивать безвестного скромного сибирского предпринимателя, бывшего фотографа? Уж взялись бы за москвича, на худой конец...

Либо Мегре — редчайший самородок, уникальнейший талант. Либо его «раскручивала» опытная команда профессионалов (вопрос — зачем? Кому это понадобилось?)

И то, и другое кажется мне довольно фантастичным. Ибо — каков выигрыш? Деньги? Да, но не такие уж астрономические цифры. Проще наркоторговлей заняться или публичный дом открыть.

Думаю, и прежний бизнес приносил Мегре немало прибыли. Власть над людьми? Да, но такая власть доставляет удовольствие только в том случае, если гуру сам искренне верит в своё учение.

А Мегре, похоже, верит... Из всего общения с ним складывается такое впечатление. Он сам верит в Анастасию!

Как ни странно, наименее фантастичным мне кажется самое простое предположение: Анастасия действительно существует!

Это, конечно, не значит, что она реальная девушка, живущая гольшом в тайге. Анастасия существует в том же смысле, в каком существовали учителя Блаватской и Рерих. И точно так же общается со своим «учеником».

Мегре признался, что после «знакомства» с Анастасией у него было неконтролируемое полубезумное состояние (в этом состоянии он и сбежал в Москву, скрылся от родных и близких, понимая, что психушки не миновать. В этом состоянии он дошёл почти до самоубийства — об этом он честно пишет в книжке).

Так вот, это состояние — самое обычное у ясновидящих и контактёров (знаю по своим многочисленным знакомым этого рода).

Известно, что перед «знакомством» Мегре изучал, по крайней мере, сочинения Е. Рерих. Это вполне закономерный итог — изучение оккультной литературы, следующий шаг — появление «астрального Учителя».

Учитель у Мегре оказался оригинальный. Видимо, Мегре — очень хороший «проводник». Им легко управлять, он полностью подчинён воле «Анастасии».

Книги об Анастасии, всё поведение и образ жизни Мегре — плод работы некоего духовного, живущего в невидимом мире существа. Атеист не примет этого объяснения. Хорошо, пусть атеист считает, что Мегре — просто меркантильный лицемер.

Но он не похож на меркантильного лицемера. Его поведение именно больше всего напоминает поведение «ученика», управляемого своим «учителем».

Он — «Просветлённый». Достаточно видеть его горящие глаза, слышать взволнованный голос.

А запои, в которые, время от времени, пускается Мегре — как раз очень типичны для такого «ученичества» — человек иногда пытается освободиться... хотя бы таким образом.

Хотя, сознание его абсолютно убеждено в том, что лучше Анастасии никого нет, что он её любит, что она его любит, что он должен подчиняться ей, если хочет, чтобы всё было по её плану.

Конечно, он понимает в глубине души, что лжёт... Анастасия не живёт в лесу, как реальная девушка, он не целовал её, не спал с ней в буквальном смысле, сын его тоже существует лишь в невидимом мире.

Анастасия не ест орешков, как ели бы мы, не купается в реальном пруду. Но для эзотерика это не ложь, это — иносказание. Она, как бы, родила сына. В духовном смысле.

Она, как бы, обслуживается животными... это, как бы, могло быть, поэтому — это правда. Во всяком случае, это ложь во спасение, потому, что уж план-то Анастасии точно несёт миру спасение и свет.

У эзотериков вообще иное отношение к правде...

Вот написала, и мне стало искренне жаль Мегре. Захотелось помолиться за него. Помолитесь и вы, христиане!

А кто такая «Анастасия», реально существующая в духовном мире?

Христианство на этот вопрос даёт чёткий и однозначный ответ. Это бес.

Я даже не буду расшифровывать, почему... это ясно, как дважды два, любому, кто знаком с поверхностными основами христианства. Кто ещё может дать антихристианское учение?

Бес.

Господи Иисус Христос, спаси и защити нас от дьявольского наваждения!

Дополнение. Шестая книга Мегре

Недавно мне в руки попала шестая книга, написанная Мегре — «Родовая книга». Поначалу я не собиралась её читать — давно уже отошла от всех этих дел, живу нормальной жизнью...

Но, какое-то странное любопытство возникло — и такое чувство, будто я связана с этой книгой, будто я должна её прочитать.

Честно говоря, я не жалею о том, что прочитала её. Это было любопытно и поучительно. Весьма поучительно наблюдать за рождением секты.

Ведь первые три книги «Анастасии» действительно почти не содержали в себе прямого «криминала». Это были обычные прекраснотушные рассуждения о том, о сём...

Именно первые три книги привели к Мегре наибольшее число последователей, именно они принимались людьми наиболее благожелательно.

Да и придраться к ним было сложновато... да, есть спорные мысли, но невоцерковленный человек их, как правило, даже не замечал.

А вот, в четвёртой книге Мегре продвинулся подальше. Он выдал свою собственную (в смысле — анастасиевскую) систему сотворения, происхождения мира, грехопадения человека и, наконец, уже слегка коснулся мировой истории.

Эта система, естественно, не совпадает с христианской, но также она не совпадает, скажем, и с теософской системой.

То есть, начиная с четвёртой книги, человек, если он с собой честен, должен был уже сделать выбор: «Анастасия» или... всё остальное, всё, чем он занимался до сих пор (правда, эзотерики редко бывают честны с собой).

Итак, круг последователей — членов секты — принимающих учение — определился. Не пожелавшие после 4-й книги от Мегре отошли.

Теперь оставшимся надо дать совершенно чёткие и точные указания к действию. И они были даны в 5-й книге.

Чему же посвящена 6-я книга? Дальнейшему отделению нового учения от всего остального, существовавшего до сих пор. И в особенности, сильный удар нанесён христианству...

Воздействие произведено абсолютно точно и грамотно.

Начинается всё с прелюдии: Мегре приезжает к Анастасии и сыну и видит её в состоянии тяжёлой борьбы с «тёмными силами» — какие-то «белые круги» на траве, Анастасия вся обессиленная, бледная и измученная, еле поднимается.

Пятилетний сын пытается ей помочь, как может. В общем, нам становится безумно жаль бедную девушку и так хочется её защитить от «тёмных сил».

Дальше Мегре рассказывает о том, что некоторые нехорошие люди — безусловно, проводники этих самых тёмных сил — критикуют его в интернете и в прессе.

Анастасия начинает рассказ о прекрасной Ведической эпохе, якобы когда-то имевшей место в истории земли. И в один момент говорит: «Ты вот о злобствованиях в прессе современной говорил, Владимир. Теперь увидишь, как усилятся они...»

И объясняет, что эти «злобствования» — нападки как раз тех самых тёмных сил. И буквально на следующей странице начинается изложение новой версии иудаизма и христианства.

Пересказывать её я не буду, кто читал — знает. Словом, Христос представляется, разумеется, неким обычным еврейским учителем, решившим спасти свой народ, который, оказывается, был заморожен и «закодирован» некими жрецами (в частности, Моисеем).

Но потерпел Он неудачу, и Его, как говорится, замочили враги¹.

После изложения этой истории тут же следует заигрывание с христианством. Опять упоминания отца Феодорита, каких-то мифических «сельских священников», которые поддерживают Мегре, упоминание о Понтифике...

Это буквально режет глаз — ведь только что был совершён откровенный и подробный наезд на Символ Веры и Церковь.

После этого уж, кажется, даже самый отсталый сельский священник (даже дьякон, даже простой прихожанин, прошедший катехизацию), должен понять, что такое Мегре и его Анастасия...

Но нет — беззастенчивая ложь. Она рассчитана не на христиан — те не поверят.

Рассчитана на последователей Мегре и тех доверчивых людей, которые пока не обладают никакими знаниями в духовной области и готовы обратиться к кому угодно, к тому, кто больше понравится и привлечёт, заинтересует.

А ведь, книги Мегре и построены именно с тем расчётом, чтобы заинтересовать, как можно большее количество людей²...

Часть третья. Вальдорфская школа

Рудольф Штайнер — ученик и последователь Блаватской, основатель собственного учения — Антропософии, был, как сейчас сказали бы, контактёром. Причём, контактёром весьма талантливым. Круче, чем Мегре.

Во всяком случае, он получил от своих астральных учителей целую собственную философскую систему. И ещё — новую систему образования.

На основе откровений Штайнера были созданы в 20-е годы первые антропософские школы. Вся педагогика в них основана на той информации, которую Штайнер получил от «духов».

По сей день вальдорфские школы существуют по всему миру, наверное, особенно развита эта система в Германии — Родина Штайнера, как-никак. Да ещё Пфальц, юг Германии — здесь самые штайнеровские места. Сейчас вальдорфская педагогика начинает проникать и в Россию.

Правда, всё не так ужасно, как может показаться. Если бы детей в этих школах продолжали учить только за счёт откровений духов, школы давно прекратили бы своё существование.

На Западе государство довольно жёсткое, и здесь не так просто вешать людям лапшу на уши, как, к сожалению, в нынешней России.

Но в нынешних вальдорфских школах существуют ещё просто опытные (за 80 лет опыта!) наработки, методики, поэтому кое в чём эти школы даже выгодно отличаются от обычных. Но только кое в чём.

По правде сказать, Штайнера я не читала. Просто не могу. Хотя одолела в своё время «Тайную доктрину». Но даже «Тайная доктрина» — верх ясности и простоты в сравнении со штайнеровскими писаниями.

¹ Как ни удивительно, но эта история — правдива, за исключением того, что Иисус был евреем. — Д.Б.

² Вот тут автор попала абсолютно в десятку! Чем больше последователей, тем больше денег они принесут «учителю».

Кстати, христианство практически ничем не отличается от всех остальных «духовных» учений. Разве что, числом обманутых, ну и доходами, конечно. — Д.Б.

Я много раз начинала читать его книги, в оригинале, и в переводе (всё же, надо ознакомиться с философией школы, где учится мой сын). И каждый раз засыпала после нескольких страниц. Ну, невозможно это читать!

Однако, я знаю доктрину Штайнера в общих чертах, по пересказам и изложениям. Никто, думаю, не будет спорить с тем, что доктрина эта оккультная.

Причину, по которой мы отдали ребёнка в вальдорфскую школу, я излагала выше — отставание его в речи, а также полное неумение рисовать, вообще «левополушарное развитие»: умел прекрасно читать, считать, с компьютером — на «ты» без всякого обучения, а вот мастерить или рисовать — только из-под палки. Не любит и не умеет.

Маленькие классы, индивидуальный подход... ну и, наконец — мы сами были тогда эзотериками и ценили «духовность».

При первом знакомстве, вальдорфская школа просто потрясает.

В этой школе часто проводятся концерты для родителей, показательные уроки, вообще — они любят себя демонстрировать.

Когда я увидела впервые такой концерт, он вполне меня воодушевил. Дети разных возрастов хором читали вслух стихи по-английски и по-французски, пели песни на разных же языках, младшие более-менее стройно дудели на флейтах, средние и старшие классы играли на струнных — несколько фальшиво, но всё же, играли что-то там. Демонстрировали эуритмию — медленные движения под музыку.

Кроме того, очень привлекала программа для первого класса, включающая английский и французский языки, музыку, эуритмию, ручной труд (где дети учатся вязать!), рисование, спорт.

Учительница охотно приглашала родителей на уроки — посидите, посмотрите. Вообще характерной особенностью школы является очень тесный контакт с родителями. Собеседование с нами при приёме ребенка в школу длилось часа два.

Школа — частная, платная. Всем родителям подробно объясняют, почему школа принципиально отказалась от всякой помощи государства (мы не хотим зависеть от этого ужасного государства! Мы хотим воспитывать детей по-своему!)

Но, кроме платы за учёбу, от родителей требуется ещё очень и очень многое. Надо сказать, мы были очень недобросовестными родителями, на меня часто вообще смотрели, как на мать-кукушку, которой плевать на ребёнка.

Добросовестные родители проводят в школе ежедневно по несколько часов. Они посещают все школьные мероприятия, ежемесячно — общешкольный концерт, участвуют в «рабочих группах», короче говоря — несут очень мощную общественную нагрузку по школе.

Это при том, что у всех антропософских родителей от 4-х до 10 и более детей.

Так вот я, при своей недобросовестности, всего лишь должна была ежемесячно посещать родительские собрания, участвовать в мытье и ремонте школы (в этом году меня просто обязали еженедельно мыть школьную кухню), работе в саду, являться на многочисленные общешкольные мероприятия и беседы с учительницей.

От этого отказаться уже невозможно. Для настоящих родителей-антропософов ещё постоянно проводятся семинары, лекции по воспитанию, лекции по антропософии, всевозможные курсы, ещё существует детский кукольный театр (мы одно время туда ходили с младшей) и прочее, и прочее...

Кроме этого, учительница за год дважды посещала нашу квартиру, и ещё раз нас посетила учительница труда. И два раза нас вызывали на личную беседу.

Всё это преследует одну цель, которую учительница (фрау Николай) высказала вполне откровенно:

— Обстановка для ребёнка дома и в школе не должна различаться. Дома вы должны создать ребёнку похожую обстановку, чтобы в школе он не погружался в совершенно новый, чужой ему мир.

У большинства родителей она и не отличается от школьной! Присмотревшись, мы поняли, что все родители в нашем классе — сами антропософы и чаще всего — питомцы точно таких же антропософских школ.

Кстати, поэтому часть из них не имеет нормального для немцев образования — после такой школы не так-то легко поступить в обычное учебное заведение.

Но это им и не нужно! Они живут совсем другим.

Я была в домах нескольких школьных приятелей сына. Обстановка в них резко отличается от обычной.

Отсутствие телевизоров, компьютеров, радио. Только натуральная деревянная мебель, натуральный пол и ковры, никаких обычных для квартиры безделушек. Украшения в основном самодельные, причём, узнаваемо типичные.

К примеру, скрученные из ваты ангелочки или голубки. У детей игрушки — только деревянные, соломенные, сшитые из тканей куклы и т.п. Только из натуральных материалов (остаётся только удивляться, как это антропософы не отказываются от стиральных машин и современных кухонь).

Точно такую же обстановку вы увидите в любом кабинете *Heilpraktiker* — целителя (в Германии это официально существующая профессия).

Такая же обстановка и в школе. Детям в принципе запрещены любые механизмы, даже магнитофон и радио, не говоря о компьютере, нежелательны пластмассовые и механические игрушки. И это в Германии, потребительском рае...

Я и сама никогда не смотрю телевизор и против того, чтобы дети бесконтрольно пользовались компьютером. Тем более, это вредно для нашего сына.

Мы даже, с некоторым облегчением, отказались от телевизора и выкинули все компьютерные игры.

Но, от нормальных игрушек мы так и не отказались... увы... И вообще, конечно, обстановка у нас дома не очень «духовная». Недостаточно духовная для этой школы.

В антропософских семьях, как я уже говорила, детей много. Это для Германии просто нонсенс — при здешней-то низкой рождаемости. Для нашей школы типичны семьи с 4-мя, с 6 детьми, а бывает, что их 13.

При этом, как ни странно, очень крепкими такие семьи не назовёшь. Конфликтов много. В нашем классе учится мальчик, мать которого оставила четверых своих детей, родила пятого от другого мужчины и уехала с этим ребёнком в Ирландию.

Дети остались с отцом, который тут же нашёл другую женщину — тоже антропософку, разведённую, со своими двумя детьми.

Я ходила с дочкой одно время в группу для малышей. Нас было пять мам, в основном, начинающие антропософки (по 1-2 ребёнка). Так вот, из пяти было две одинокие мамы и одна, как раз, разводилась.

Всё это вполне закономерно — антропософия, как и любое другое эзотерическое учение, отнюдь не настраивает человека на сохранение семейных уз. Наоборот — человек настроен добиваться любой ценой (и ценой детских трагедий и слёз) Настоящей Любви и Свободы.

Почему же эти люди заводят, в отличие от обычных немцев, по много детей?

Я думаю, их основным интересом в жизни является антропософское воспитание. Не воспитание для детей, а дети — для воспитания. То есть, детей рожают именно с целью дать им вот такое особое, духовное воспитание. В свою очередь, эти дети (те из них, кто будет хорошо воспитан) пойдут тем же путём.

По крайней мере, такое впечатление складывается из общения с этими семьями.

Поскольку наша семья, даже будучи «эзотерической», всё же, сильно отличалась от других семей в этой школе, мы постоянно ощущали некоторое давление.

Учительница настойчиво рекомендовала нам, чтобы мы звонили ей, желательно ежедневно, и задавали вопросы по воспитанию. Постоянно советовала пойти на то или другое антропософское мероприятие (это по её троекратному назойливому требованию я, в конце концов, начала ходить с дочкой на курс для малышей. Даже отказаться было неловко — она выставляла это так, как будто я совершенно не забочусь о детях).

Как проходят сами родительские собрания?

На последнем, к примеру, мы вначале полчаса занимались «медитативным письмом» — пе-

реписывали красивым почерком изречение Рудольфа Штайнера. Учительница обязательно читает короткую лекцию по воспитанию.

Наш сын, как все дети в Германии, к сожалению, увлечён этими жуткими монстрами — покемонами. Причём, компьютера у него не было, но он достал где-то детские журналы, выучил всех покемонов наизусть...

Родственники подарили ему календарь с покемонами, и он повесил этот календарь у себя в детской. Учительница, конечно, это увидела и потом в школе от него требовала, чтобы он этот календарь снял.

Специально подарила нам картину (полуабстрактную, с неким ангелом), чтобы мы повесили её вместо календаря.

Сын в свои семь лет ещё не научился врать, и делился со мной мучительными сомнениями: «Я не хочу снимать календарь, а фрау Николай меня спросит опять, снял ли я его...» К счастью, фрау Николай об этом календаре вскоре забыла.

Мне не нравятся эти покемоны, но я считаю, что уж совсем зверского давления на ребёнка быть не должно. Я стараюсь увлечь его чем-то более полезным. Отец вырезал вместе с ним «Пикачу» из фанеры... а дочке подарили плюшевого «Пикачу», и она его кормит, возит в коляске и укладывает спать.

В конце концов, у нас тоже был Чебурашка... Если это в меру, я не считаю нужным идти на принципиальный конфликт с ребёнком.

Но дело даже не в этом — по этому поводу могут быть разные мнения. Дело в том, что школа активно вмешивается в семейное воспитание и оказывает давление на родителей.

Либо родители должны во всём слушаться учителей и не имеют права на своё мнение, либо ребёнок неизбежно чувствует разницу между семьёй и школой и начинает школу тихо ненавидеть (как и произошло в нашем случае).

Можно сказать, что мы внушили ему эту ненависть... нет, она у него возникла ещё тогда, когда мы были от школы в восторге.

Вообще с покемонами были и другие истории. Сын очень просил зонтик с «Пикачу», и мы подарили ему такой зонтик на день рождения. И вот, пошёл дождь, и я дала ему в школу этот зонтик.

Так сын закатил истерику — ни за что не возьму, фрау Николай будет ругаться. «Но ты же поставишь его в уголке в раздевалке, она и не увидит» — «Нет, она всё равно увидит! Она всё знает!» Пришлось надеть ему дождевую накидку.

Он ни за что не соглашается надеть в школу даже носки с маленькой фигуркой покемона — хотя носки-то уж учительница никак не станет разглядывать. А недавно случайно сунул в карман своего фанерного «Пикачу», и придя из школы, сказал:

«Какой ужас, я забыл вынуть «Пикачу» и принёс его в школу. Но к счастью, никто не заметил! Слава Богу!» Причём с такой интонацией ужаса в голосе...

Притом, заметьте — это не «отучение» ребёнка от покемонов. Дома он по-прежнему обожает все эти вещи. Он просто научился скрывать и лгать — в школе.

У других детей ситуация ещё серьёзнее.

К Кристику часто ходят школьные друзья. Недавно пришёл его приятель Маркус, они закрылись в детской и тихо сидели несколько часов. Мельком я увидела, что они играют на маленьком компьютере «Гэим-бой».

— Откуда у вас гейм-бой? — спросила я сына, когда Маркус ушёл.

— Ой, мама, только не говори ничего родителям Маркуса! Он взял этот компьютер у своего друга и пришёл поиграть ко мне. Дома ему нельзя играть...

Заметьте, Маркусу 7 лет! Если в этом возрасте у него такие секреты от родителей, то, что будет в 13? В 17?

Постепенно я поняла, что в школе все дети, по крайней мере, мальчики, очень даже интересуются и компьютерами, и телевизором, и покемонами — но умело скрывают это от родителей и учителей.

Мой сын хоть дома может быть искренним, а у них и дома — сплошное супервоспитание.

Это всё хорошо, но ведь, дети просто учатся лгать, быть неискренними, притворяться, что их безумно интересуют антропософские сказки и совершенно не волнуют соблазны окружающего мира... Тогда как, на самом деле, всё обстоит совершенно иначе!

Воспитание в школе — очень авторитарное. Как я поняла, это принцип вальдорфской школы: учитель — высший авторитет. Причём, у нас учительница очень хорошая, все говорят, что нам повезло.

Вначале мне нравилась эта авторитарность и строгость. Потому что в обычных немецких школах — другая крайность, дети часто учителю садятся на шею. При таких условиях ничему не научишься. Но потом мне стало всё чаще казаться, что фрау Николай несколько перебарщивает.

К примеру, мой сын не мог закрыть футляр для флейты. Она выставила его из класса и велела не возвращаться, пока он сам не закроет футляр. В классе постоянно призывала высмеивать моего сына за то, что у него что-то не получается.

К счастью, мой Кристик обладает большим запасом добродушия, его мало волнуют насмешки, да и дети его любят и не относятся к нему зло.

Если бы он умел обижаться, как нормальные дети, не знаю, во что бы это вылилось... Думаю, нормального ребёнка (какой была я, к примеру) таким обращением можно просто сломать.

Как проходят уроки в вальдорфской школе? С утра всегда — «основное занятие» — это и чтение, и письмо, и рисование, и лепка, и математика. Два часа. Потом — «предметы» (языки, музыка, эуритмия, труд...) Я была несколько раз на «основном занятии».

Первый раз мне даже понравилось (я тогда была очень положительно настроена в отношении этой школы). На уроке невозможно отвлечься ни на секунду.

«Основное занятие» начинается с зажигания свечки и изречения Рудольфа Штайнера. И потом — всё по минутам: сели, достали тетради, переписываем букву «А», пять минут, тетради убрали, достали листы и краски, рисуем. Пять минут. Встали, зарядка, скандирование вслух цифр от одного до десяти.

Сели, достали воск, пять минут лепим. Встали, пошли по классу цепочкой, скандируем стихотворение хором. Сели, поём песню. Команда: «Питьевая пауза» — все достали одинаковые бутылочки, отвинтили крышечки, попили сок или чай, завинтили крышечки, убрали бутылочки.

В десять часов команда: «Пауза на завтрак!» — все постелили салфеточки, достали завтрак, общая молитва «Матери-Земле», поели.

Вначале всё это смотрится даже мило. Правда, такое ощущение, что дети работают, как заведённые. Но, по сравнению с нашими школами, где пол-урока можно было бездельничать... может, это и лучше. Однако, у детей растёт нервное напряжение.

К весне у Кристиана начал болеть живот. С утра, без связи с едой. Причём, он не симулировал — если оставался дома, то действительно лежал в постели, не пытался встать и начать прыгать.

Если я его всё же отправляла в школу, учительница посылала его назад. Врач полностью его обследовал, УЗИ, все анализы — ничего нет.

«Это нервное напряжение», — объяснил он. И учительница тоже подтвердила: «Да. В нашей школе такое часто бывает. Дети перенапрягаются».

К концу первого класса, видя, что попытки вовлечения нас в антропософскую атмосферу не удаются, учительница перешла к более решительным действиям. Она провела с нами беседу следующего содержания.

Ваш сын — больной ребёнок, который никогда не станет нормальным. Он никогда не сможет учиться в нормальной школе. Это большое счастье, что вы попали в нашу школу.

Эта Германия, этот ужасный сумасшедший окружающий мир — о, я понимаю, что для вас он тоже чужой (как для эмигрантов)... наша школа — это оазис в современном безумном мире. Если вы хотите добра своему ребёнку, вы должны выполнять все наши указания.

К сожалению, ваш сын работает только в школе, а дома он расслабляется. Он ни минуты не должен быть предоставлен самому себе. Не позволяйте ему играть, во что он хочет, тем более — в одиночестве! Вы должны всё время его занимать чем-то полезным, чтобы у него не было ни одной свободной минуты...

— Но ведь, у него и так живот болит от напряжения! — попыталась я возразить. Тщетно! Учительница проигнорировала мой вопрос.

— Он должен выполнять поручения по дому, выносить мусор, убирать, мыть, готовить. Давайте ему задания — нарисовать что-то, слепить, смастерить. До самого укладывания в постель вы должны с ним заниматься. Конечно, это трудно! — вздохнула учительница, — Редкие родители на такое способны. Сейчас, в современном мире **не модно** заниматься детьми. Жить ради детей...

Когда мы вышли из школы, волосы у моего мужа стояли дыбом. Он впал в полное отчаяние. К счастью, я тогда уже рассталась с эзотерическими иллюзиями, и к словам учительницы отнеслась с прохладцей.

А было от чего впасть в отчаяние! Я пересказала только содержание речи, но не интонации, и не языковые нюансы (говорилось всё же, по-немецки). Но даже и по содержанию видно:

— «Наша замечательная школа» противопоставляется «этому безумному миру».

— Запугивание: ваш ребёнок больной и не способен учиться в нормальной школе (в тот момент, когда ребёнка уже очень трудно назвать больным, когда он именно уже стал нормальным по общему признанию).

— Вы должны... перечисляются невыполнимые требования. Не потому, что **НЕ МОДНО**, а потому, что у меня нет домработницы, которая за меня бы готовила и проч., пока я всё время посвящаю детям. Ведь я ещё и работала, хоть и 6 часов в день. И ещё более серьёзная причина — сын и так перенапрягается в школе.

— Внушение чувства вины: вы не посвящаете всю свою жизнь ребёнку, вы не делаете всего возможного для его развития (на самом деле, я ежедневно занимаюсь с ним музыкой, русским, а теперь — и по школьной программе, это всего час-полтора, плюс уроки — и это уже очень тяжело для ребёнка). **ЭТО ВЫ ВИНОВАТЫ В ТОМ, ЧТО ВАШ РЕБЁНОК — БОЛЬНОЙ.**

— Внушение чувства полной зависимости от школы.

Повторяю, я слушала учительницу, уже понимая всё про эти пять пунктов. С иронией. И постаралась успокоить мужа.

Наш сын действительно стал лучше за этот год. Он стал говорить лучше, чем раньше. Учительница, при каждой встрече, старалась подчеркнуть, что это — исключительно заслуга их школы.

Но, если подумать... Кристик начал говорить в пять лет. Лет с четырёх мы ходили к логопеду, на эрготерапию, на музыку. С пяти до шести лет он сделал значительный прогресс в речи (нормальный ребёнок делает такой прогресс с года до двух).

От отдельных слов он перешёл к речи предложениями. С шести до семи лет, учась в спецшколе, он практически стал говорить, как любой нормальный ребёнок. Страдало ещё только понимание длинных, сложных текстов.

С семи до восьми лет, учась в вальдорфской школе, он ещё улучшил свою речь, обогатил словарный запас, стал говорить правильно грамматически.

Но, кто сказал, что если бы Кристик продолжал учиться в спецшколе или пошёл бы в обычную, не вальдорфскую, он не сделал бы ещё больших успехов в речи?

Тем более, специальные занятия с ним мы больше не проводили. Да и можно ли тут однозначно говорить о его «ненормальности»?

Конечно, это неправильное развитие, нарушение есть. Но интеллект у него проверяли ещё в 4 года по речевым тестам, и он оказался на уровне 7-летнего.

В конце концов, Эйнштейн тоже до восьми лет не разговаривал. Возможно, что и его считали «ненормальным».

Отдельно о врачах. Учительница сразу отправила Кристика к школьному врачу — а этот врач (я даже не знаю, врач ли он по образованию), естественно, тоже антропософ. Он перенаправил нас к коллеге — женщине, с дипломом врача, но лечащей исключительно гомеопатией и «натуральными методами».

У Кристика астма, правда, сейчас уже практически сошедшая на нет. Что-то нам эта врач выписывала, мы принимали, но никакого эффекта я не заметила. В конце концов, мы на это дело плюнули и пошли к обычному врачу.

Учительница, узнав об этом, отозвалась с неодобрением о моём решении. Но, когда речь идёт о здоровье ребёнка, я не могу рисковать...

Обычный врач, по крайней мере, не удовлетворился жалобой «живот болит» и поверхностным осмотром (что меня возмутило... я имею некоторое представление о том, что может скрываться под болью в животе), а сделал, как положено, все анализы и инструментальные обследования.

Однако, факт остаётся фактом — дети, учащиеся в школе, и лечатся у врачей или целителей соответствующего направления. Это у них принято...

В школе царит совершенно особая атмосфера, и именно она особенно привлекает людей. Это непередаваемая атмосфера домашнего уюта. В школе сразу чувствуешь себя «своим»...

Правда, когда мы решили перевести ребёнка в другую школу, это же чувство обернулось против меня.

Так же, как приятно было чувствовать себя «своей» — так же я теперь ощущаю себя предательницей и матерью-кукушкой, которая пренебрегла интересами своего ребёнка, бросила своих лучших друзей, которые интересуются ребёнком, больше, чем я сама.

Нет, мне ничего не сказали. Разве что, обращение несколько изменилось, стало сухим и официальным, безразличным. Но чувство такое возникает.

Об эффективности вальдорфского образования

Я знала и раньше, что дипломы частных школ в Германии не признаются. То есть, чтобы получить обычный диплом, позволяющий поступить хоть в какое-нибудь учебное заведение дальше (хоть на слесаря), мой сын должен будет пересдать кучу экзаменов.

Правда, я подумала уже о том, что если в 7 лет я могу заставить его заниматься, то будет ли у меня такой же контроль над ним в 18 лет?

В этом возрасте дети зачастую уходят из дома, и тут никакая полиция не поможет. Так хоть у него был бы нормальный диплом! Но я утешала себя тем, что после 4-го класса отдам его в обычную школу.

Зато, думала я, при таких напряжённых занятиях дети чему-то учатся! И языки... И вязание... и флейта. И общее развитие!

К концу первого класса я поняла, что изучение языков в школе ограничивается только заучиванием наизусть, без понимания смысла каждого слова, нескольких стихов. Ну и отдельные слова, которые забываются мгновенно.

Ребёнок, за год учёбы (уже почти полтора года, собственно), не научился отвечать по-английски на вопросы: What is your name? Do you speak English? — не говоря о более сложных.

Сам не может составить фразу даже из двух слов. По-французски я проверить его не могу, но, похоже, положение ещё хуже, чем с английским.

То же и с рисованием. Сначала у меня был шок, когда я увидела, что мой сын вообще рисует! Нормальные детские картинки, цветными карандашами. До сих пор он упорно калякал страшные фигуры ручкой и подписывал под ними названия.

Но этим дело и ограничилось — причём, рисует он только в школе, а дома — всё по-старому. А в школе они рисуют по команде: нарисовали солнышко... небо... травку.... цветочек. Но мастерство от этого не растёт.

Вот вязать они действительно учатся. За полтора года связали футляр для флейты. Это нормально для маленького ребёнка, а для моего Кристика — вообще подвиг.

Но, с другой стороны... на Западе сейчас вязание — это экзотическое хобби. Зачем вязать, когда в магазине всё дешевле? (нити дороже обойдутся).

А, что касается пользы вязания для общего развития... это сомнительно. Я знаю массу девочек, которые вязали лет с четырёх (в СССР это было нормально, вязать умели все, я тоже умею, к примеру), но при этом вырастали, мягко говоря, совершенно не интеллектуалками.

Нет, я обеими руками за это полезное занятие. Но если мальчик не очень интересуется ручным трудом, даже ненавидит его изо всех сил, если точнее; может быть, в наше компьютерное

время и не стоит его заставлять?

Нехорошо, конечно, у сына вообще развитие несколько однобокое, но ведь, не могут быть все люди «гармонично-усреднёнными». Он и музыкой занимается, и читает охотно...

Заключительный концерт в прошлом году я смотрела уже другими глазами. Понимаете, когда второклассники хором читают стихотворение по-английски, это впечатляет. Такое ощущение, что они действительно знают язык.

Но, когда тебе известно, что язык они не знают, а стихотворение это долбят уже полгода ежедневно, к тому же, хором... Впечатление уже другое.

Эуритмия... Когда ты видишь, как почти взрослые юноши и девушки, хуже того — даже сами учителя — одетые в разноцветные балахоны — с энтузиазмом делают под музыку движения, очень похожие на советский стандартный комплекс утренней гимнастики, только куда примитивнее...

От этого становится тоскливо и грустно. «Струнный оркестр» — дети садятся со скрипками и виолончелями и в унисон играют какую-нибудь пьесу, причём, половина из них жутко фальшивит. Всё это называется «развитием творческих способностей».

Но, что же в этом плохого? — скажете вы. Ну, пусть они не делают из детей ни музыкантов, ни полиглотов, но ведь, всё же, это школа... ведь, чему-то там учат.

Чему-то учат. Сейчас мы переводим сына в обычную государственную школу. Хорошо, что я догадалась заранее взять программу!

В нашей школе дети до сих пор пишут большими печатными буквами на альбомных листах. Трое из класса ещё не умеют читать. В обычной школе давно уже пишут в нормальных тетрадях обычные тексты, разумеется, прописью.

К счастью, с чтением у сына проблем нет, но школа здесь ни при чём, он умел это и раньше (за что нам уже попало от учительницы: «Я думаю, проблемы вашего сына ещё связаны с тем, что он уже в таком маленьком возрасте должен был читать!» — «Но мы же его не заставляли... он сам проявлял интерес», — «Всё равно, не надо было учить!»)

С математикой — тоже прокол. В обычной школе проходят сложение и вычитание до ста, счёт денег, умножение начали. В этой школе они пока складывают и вычитают только до двадцати, причём — на каштанах. Берут мешочек с каштанами и считают их по одному...

И это — только основные предметы! Сейчас я ежедневно занимаюсь с сыном по полтора часа, чтобы хоть как-то подогнать его к обычной школе. А что там с дополнительными предметами — даже не представляю.

Надо ли говорить, что у них ещё не было ни одного урока религии (а в обычной школе — с самого начала). Вся надежда на то, что сын давно сам прочёл «Детскую Библию».

Между прочим, учительница настоятельно несколько раз советовала и дочь отдать в вальдорфский садик. Но мне очень нравится обычный садик, в который она ходит... а, как это объяснить?

Я сказала: «Понимаете, я работаю до двух, а ваш садик только до двенадцати, обычный же — тоже до двух». Учительница протянула: «А... ну, конечно, вам это удобнее». Я почувствовала себя крайне неловко — жертвую ребёнком ради своего удобства.

«Понимаете, дети, после вальдорфского садика, гораздо лучше, чем ваш сын, развиты, это сразу заметно»... (хотя я предупреждала, что мой сын — необычный ребёнок, и развитие у него не такое, как у всех).

Посмотрев на этих детей, я поняла, в чём заключается это «высокое развитие». Особенно у тех из них, кто родился младшим в антропософской семье. Они все уже умеют, придя в первый класс, именно то, чем будут заниматься и в школе.

Им знакомы эти «шпрухи», повторяемые хором, они неплохо рисуют именно в особом, вальдорфском стиле, умеют мастерить голубков из ваты, некоторые уже пробовали играть на флейте... у них и движения заученные, и дисциплина.

То есть, в вальдорфской школе действительно учат и готовят очень хорошо, просто блестяще... но учат именно тем действиям, которые в антропософской системе считаются важными.

Например, эуритмии — идиотские довольно-таки движения под музыку (лучше бы учили

нормальные народные танцы). Пиликанию кое-как на скрипке (при этом, полный запрет на слушание музыки через проигрыватель — даже классики, соответственно, полное отсутствие музыкальной культуры).

Особым, вальдорфским поделкам и рисованию (которое заключается в размазывании по листу красок с красивыми переливами).

После этой школы ученик сможет стать блестящим антропософом-воспитателем. Но это и всё... Если он неглуп, он ещё сможет самостоятельно подучиться и получить какую-нибудь полезную профессию.

Несколько зарисовок с натуры

В обычном садике, мать шестилетней девочки. «Моя дочь ни за что не пойдёт в эту вальдорфскую школу. Вы что — это же секта! Я не хочу, чтобы моя дочь отделялась от общества!»

Ненависть к окружающему миру. Из школьной газеты. «Вы не должны думать: почему этот мир так ужасно относится к нам, вальдорфцам, и не может даже поставить знак ограничения скорости для машин возле нашей школы... Вы должны думать, что вы лично можете сделать для обеспечения безопасности движения».

Коллега-немец — моему мужу: «Но ты понимаешь, что вальдорфская школа — это секта? Эти люди не участвуют в жизни общества, они сами по себе... У нас это все знают».

Комментарий нашего пастора: «Это сомнительное заведение. Философия у них, мягко говоря, странная. Они верят в перевоплощение. Кроме того, я часто сталкивался с фактами, что учителя оказывают давление на людей, запрет на телевизоры в семьях — я сам не в восторге от телевидения, но запрета и давления быть не должно. Это свободный выбор».

Мы с дочерью несколько раз посещали группу для малышей. Там было семеро детей, включая моих (сына я брала с собой), пять мам и воспитательница. Дети играли, а мы занимались поделками, потом организовывали игры для детей и маленький кукольный театр.

Так вот, у меня создалось чёткое ощущение, что дети ненавидят эти игры. Только мои играли с охотой и с удовольствием смотрели мини-спектакль. Всех остальных матери силой удерживали на местах, то и дело поворачивали голову детей в сторону представления.

То же с играми — воспитательница надрывалась, пытаясь хотя бы поставить детей (2-4 лет) в круг. Они всё время рвались «на волю». Самые маленькие то и дело орали благим матом. Иногда без всякого повода.

Моя дочь, которая иногда мне кажется маленьким чертёнком, по сравнению с этими детьми выглядела самой воспитанной и умненькой (о сыне я не говорю, он всё же, старше).

Все присутствовавшие мамы — антропософки. Между прочим, поговорить с ними интересно, куда интереснее, чем со средней немкой. Люди — духовные, хоть чем-то в жизни интересуются...

Наблюдая за этими малышами, так и рвущимися от воспитательного рвения своих мам, я поняла, что эти дети инстинктивно ещё пытаются как-то сохранить свою индивидуальность.

К школе они привыкнут к скандированию хором и совместным действиям по команде. И станут очень послушными и удобными...

Один из друзей сына — как раз тот мальчик, мать которого уехала в Ирландию. Он живёт неподалёку от нас и иногда ходит к нам в гости. У детей в этой семье (четверо детей отца и двое — мачехи) даже имена очень оригинальные. Например, этого мальчика зовут Финбер, его сестру — Саломея.

Когда Финбер пришёл к нам впервые, я поразились тому, что он совсем не играл. Он деловито пересмотрел все игрушки сына. Потом мы пошли гулять. На площадке Финбер сел на лавочку и не двигался.

«Давайте поиграем в прятки», — предложила я, как обычно. Финбер посмотрел на меня со взрослой усмешкой, как на круглую дуру, и вежливо покачал головой.

У меня было полное впечатление, что я предложила поиграть юноше лет 18, как минимум. Потом Финбер уединился с Кристиком и о чём-то поговорил. Кристик подошёл ко мне: «Мама,

дай денег, мы пойдём и купим конфет».

У меня была только двухмарочная монета. Я дала детям. Они ушли в магазин, купили конфет. Финбер отправился домой. На следующий день позвонила его разгневанная мачеха:

«Вы с ума сошли? Зачем вы дали детям две марки? Им бы десять пфенигов хватило! Я думала, Финбер украл их из моего кошелька, потому что у меня пропало две марки».

Мне было очень неловко. Я просто не могу представить таких отношений с детьми, что 7-милетний ребёнок может **украсть** деньги из кошелька матери (да я бы, если честно, пропажи 2-х марок просто не заметила... мы, конечно, богаче семьи Финбера, хотя дом и машина у них лучше наших — но у них 6 детей, а у нас только 2).

И что две марки — это так безумно много... конечно, можно купить одну жвачку и на 10 пфенигов, и если бы у меня оказалась в кармане меньшая монета, я бы им дала. Но я не вижу трагедии и в двух марках.

Но больше всего меня поразило серьёзное, недетское выражение лица Финбера. То, что он ни разу с Кристиком не играл по-настоящему (другие дети, скажем ради справедливости, всё же, играют).

Он даже не очень интересовался игрушками (а ведь, у него дома таких нет). Его интересы — очень взрослые: куда-то пойти, поехать на велосипеде, что-то купить... В последнее время, когда мы разрешили сыну играть на компьютере, Финбер стоял сзади него и жадно смотрел.

Сам он боится прикоснуться даже к клавиатуре. Собственно, другом Кристика он так и не стал, Кристик неоднократно говорил, что не любит Финбера, и сам ни разу не согласился пойти к нему в гости.

Финбер лучше всех в классе играет на флейте и рисует. Его отец — вальдорфский преподаватель в этой же школе. В семье он по счёту пятый ребёнок.

О религии в вальдорфской школе

Тут я не так уж много могу сказать. В первом классе никаких специальных занятий по религии нет. Только нас, родителей, всё время призывали ходить на лекции по антропософии, и регулярно всучивали антропософский журнал.

Во втором классе начались занятия религией (то есть, понятно, антропософской теорией), во внеурочное время, но мой сын туда не ходит. Я сказала в школе, что он будет заниматься в церкви, с детьми из обычной школы, которые готовятся к первому причастию.

В школе это проглотили — но вообще-то, мой сын единственный, кто ходит в церковь. Все остальные получают религиозные знания из рук антропософов.

Некоторые моменты, конечно, ужестораживают. Молитва перед едой — Матери-Земле. Явный культ ангелов. Я рассказывала детям о Боге, и Кристик тут же перебил: «А я больше люблю ангелов».

Однажды он рассказал мне: «Я видел ночью ангела... он стоял возле кровати, такой зелёный...»

У меня возникло подозрение, что в школе им советуют «видеть». Конечно, я не могу этого утверждать. Но и само по себе это видение у сына возникнуть не могло.

Я предложила ему в следующий раз, если он увидит кого-нибудь, спросить, от Бога ли этот дух, знает ли он, кто такой Иисус Христос (хотя, как показывает практика, этого далеко недостаточно в наше время).

К счастью, больше никаких видений у сына не было. Вообще, если дочь (которая ходит со мной в церковь) всё время спрашивает о Боге, то все интересы сына направлены на ангелов.

О Христе он толком ничего не знает, зато всё знает про Архангелов Гавриила и Михаила (всё — это какие-то сомнительные небиблейские легенды, которые им рассказывают в школе).

В детской группе праздновали день рождения моей дочери (4 года). Воспитательница сказала: «4 года назад к маме прилетела крошечная звёздочка и сказала: «Меня зовут Алина». И превратилась в хорошенькую девочку».

Потом я узнала, что это обычная антропософская легенда. Всё это хорошо, но маленькие де-

ти и так с большим трудом умеют отделять выдумку от действительности. Для нас это звучит мило, а дети и в самом деле в это верят.

Антропософского ребёнка постоянно окружают ведьмы, гномы, домовые, волшебники, феи, ангелы... Это реальность, в которой он живёт. Учительница сына, узнав, что мы едем в Россию, сказала: «О, это замечательно! В России совсем особенные ведьмы!»

Сын все допытывался у меня, где же ведьмы. Да нет никаких ведьм в России! — сказала я ему в сердцах.

Словом, ребёнка настраивают на общение с самыми разными духовными существами... и практически ничего не говорят о Боге. Разве что, в самых общих словах. Бог там где-то далеко, Он нас сотворил, но в нашей жизни он как бы и не присутствует.

В самом начале учительница нам объясняла: «Мы стараемся обставлять урок по-христиански». «По-христиански» — это значит зажигать свечи и читать изречения Штайнера. Ой, там ещё копия Сикстинской Мадонны на стене вывешена!

Обычные христианские праздники — день Св. Мартина, Пасха, даже Рождество — в школе не отмечаются никак.

К счастью, Господь помог нам избавиться от этого наваждения.

Нет ничего дороже для родителей, чем жизнь и счастье собственного ребёнка. Так хочется, чтобы он получил особенно хорошее образование, хочется дать ему что-то необычное в жизни...

И вот, пользуясь этим естественным родительским чувством, антропософы зазывают людей в свои школы. Теперь ещё и в России.

Но, если в Германии антропософия занимает давно отдельную нишу, люди из этой секты отделены от окружающего мира, и «нормальные» дети крайне редко попадают в такие школы, то в России нет антропософской традиции, и в эти школы набирают обычных детей.

Даже если родители не являются христианами, даже если они сами эзотерики, я советовала бы всем очень хорошо подумать, прежде чем отдавать ребёнка именно в вальдорфскую школу. Учитывая всё вышеизложенное.

Часть четвёртая. Эзотерическое целительство

В этой части я тоже буду опираться, в основном, на свой собственный опыт.

Целителей сейчас много, и все они довольно разные. Однако, есть и что-то общее для всех. Может быть, мой рассказ окажется полезным для тех, кто сталкивается с эзотерическими целителями.

С Евгением Авербухом (имя подлинное) мы познакомились в обществе «Цветок мира». Он не стал членом общества, но был знаком с Александром В., председателем общества, по Индии (поездка к Сатья Саи Бабе).

Свою биографию Евгений рассказал так. Он был инженером, кандидатом технических наук, имел несколько изобретений. Потом — тяжёлая мигрень, приведшая его к инвалидности. Врачи не могли ему помочь.

Страдания были невыносимыми. Евгений обратился к целителям, и они вылечили его. Удивлённый инженер понял, что это — то, чем он должен заниматься в жизни. Стал учиться...

Встретил старого чеченского целителя Расухаджиева. По легенде, в роду Расухаджиевых целительство передавалось в течение 2,5 тысяч лет. От отца к сыну. Последний Расухаджиев обучил Евгения. (Я не знаю, что из всего этого — правда).

Евгений очень успешно работал в России, потом переехал в Германию, и здесь продолжил свою деятельность.

Деятельность была успешной. В частности, он вылечил от такой же застарелой и очень тяжёлой мигрени немку, которая работала директором школы. Женщина была так потрясена, что тоже сменила профессию и стала заниматься целительством под руководством Евгения.

Она оформила на своё имя праксис (так называется в Германии частный кабинет врача, адвоката или целителя), вообще очень помогла Евгению с документами и устройством. Он перевёз в Германию свою семью.

С тех пор работает постоянно в собственном, совместном с Хайди Хоффманн практике. Хайди также открыла целительскую школу, в которой обучает людей лечить по методике Евгения.

Кроме всего прочего, в практике регулярно проводятся платные биоэнергетические сеансы, во время которых целитель, с помощью невидимых духов, излечивает болячки присутствующих, нормализует их энергетическое поле. Один такой сеанс Евгений тут же провёл для нашего общества.

Ощущения были интересные. Мы сидели с закрытыми глазами. Я, как не очень способный человек, чувствовала только всякие движения в своём теле, переливы тепла. Мой муж, к примеру, чётко видел за закрытыми веками фиолетовое свечение. У более крутых и видения случались.

Обычно, когда люди знакомятся с целителем, они тут же вспоминают о своих болячках. У нас в ту пору трагедия была с сыном. Ему было пять лет, и он только-только начинал говорить. Кроме того, он страдал астмой, каждый приступ снимали только гормонами.

Возникла опасность перехода на постоянный приём гормонов, каждый астматик или врач хорошо знает, что это означает.

Ну, и всякие мелочи, вроде сильной аллергии (отёк Квинке, крапивница) на очень многие продукты питания (нельзя молоко, сыр, творог, сметану, шоколад, какао, кофе, естественно — облигатные аллергены типа цитрусовых и рыбы...)

Евгений пообещал начать его лечить. Но лечение началось лишь через полгода, когда мы приехали на приём.

К слову. Каждый приём у целителя стоит 150 ДМ. Но Евгений (человек вообще к деньгам относящийся очень спокойно) многих наших принимал бесплатно. Мы иногда платили ему (совесть всё-таки мучает), иногда нет.

Всем «русским» (то есть, живущим, естественно, беднее местных немцев) Евгений говорил: «приём стоит 150 ДМ, но вы можете сократить эту сумму до нуля, я не буду от этого к вам относиться иначе». Платить нужно было только за лекарства.

Страховые кассы за целителей не платят.

Лечение Кристика было сложным и комплексным.

Вообще Евгений — человек, о котором можно сказать очень много добрых слов. Конечно, он саи-бабист и эзотерик. Но, кроме этого, он ещё знает и официальную медицину, по крайней мере, на уровне фельдшера.

В случаях острых, тяжёлых расстройств он направляет человека к врачам — он лечит только вялотекущие хронические болезни. Он очень много читает, использует в работе опыт и народной медицины, и даже официальной.

(Учитывая, что в Германии, скажем, банки и горчичники, не говоря о пиявках, считаются чуть ли не эзотерическими методами лечения... Моё умение ставить банки в школе целителей пошло на «ура»...)

К примеру, астму мы лечили по методу д-ра Залманова, советского врача, который даже одно время был министром здравоохранения СССР. Залманов разработал этот метод ещё в 30-е годы для лечения туберкулёза. Это влажно-горячие компрессы.

На ребёнка надевается сухая футболка, потом полотенце, намоченное в горячей воде и выжатое, обматывается вокруг грудной клетки, потом сухое полотенце. Большого накрывают одеялом, и он лежит 20 минут при открытом настежь окне (естественно, в шапке). Зимой — тоже.

Плюс травяные чаи — крапива, а при простуде — сложный чай из семи трав, заваривается в термосе.

Вот и вся эзотерика. Этот метод компрессов (правда, мы не были настолько сумасшедшими, и довольно долго не отказывались от обычных лекарств... и уж конечно, всегда давали их при приступах, вопреки рекомендации Евгения) — оказался довольно эффективным.

Иногда, правда, меня охватывало отчаяние, казалось, ничего не помогает. Мы делали эти компрессы два года. Каждый день, потом через день. Сейчас можно говорить о стойком улучшении здоровья. Компрессы мы уже не делаем, лекарства тоже не принимаем.

Приступы бывают только во время простуды (но и простуды стали редкими), и это — так, лёгкая одышка, которая снимается одной-двумя ингаляциями «Беродуала».

В общем, можно сказать, что астмы у сына нет. (Кстати, и у меня была астма, и прошла после переезда в Германию... но астматик всегда остаётся склонным к бронхоспазму, тут уже ничего не сделать).

Помимо этого, Евгений запретил нам, кроме продуктов, которые сын и так не получал, ещё хлеб и все хлебные изделия. Про мясо он ничего не сказал, хотя обычно тоже его запрещал пациентам. Ребёнку я, разумеется, давала мясо, тем более, что ему нельзя было молоко, орехи, грибы... теперь ещё и хлеб.

Но, если молоко он и сам не любил, шоколад тоже, то от булочек с вареньем отказаться было трудно. Мы и сами сели на строгую диету, чтобы не мучить ребёнка видом булок.

Фактически он ел мясо, картофель, овощи и фрукты (всё в натуральном виде, без всяких консервантов). Всё. Масло только подсолнечное. Сахар и конфеты мы ему разрешали немного, несмотря на запрет Евгения. Нас может оправдать то, что мы в то время сами питались так же, но ещё и не ели мяса.

Кроме этого, ребёнок получал гомеопатические глобулы (3 разных вида по сложной схеме). Ну и лечение речевой отсталости (у нас была сложная ситуация, по определению врача — очень редкое нарушение: при сохранённом интеллекте и слухе отсутствие понимания речи, то есть, поражение слухового анализатора, как я поняла).

Здесь, опять же, были простые советы, которые нам давали и врачи: развитие силы ладоней (мы поставили шведскую стенку), лепка и вообще работа руками (это мы уже давно делали), плавание.

Естественно, разговоры с ребёнком. Этим мы занимались уже давно (и вообще, ходили к логопеду уже полтора года и на эрготерапию). Но главным в лечении Евгений считал уринотерапию.

Если точнее, мы каждый вечер в течение полутора лет втирали ребёнку в голову его собственную мочу и через двадцать минут мыли голову. Он относился к этому скорее положительно (кстати, волосы стали расти просто уникальные! Любая красotka бы позавидовала).

Правда, через полтора года, когда он уже заговорил (Евгений рекомендовал продолжать лечение), он спросил: «А почему мне натирают голову? Другим же детям этого не делают».

Мы посмеялись и поняли, что можно больше этим не заниматься — цель достигнута (вероятно, мы до того надоели сыну с этим втиранием, что он не выдержал и заговорил).

Я не могу сказать, была ли причиной успеха уринотерапия. Возможно, что она тут совершенно ни при чём. Сын начал говорить ещё до начала лечения.

Во время этого мы делали ещё массу всяких мероприятий, плюс он занимался в музыкальной школе и спортом, потом поступил в спецшколу для детей с нарушениями речи, где проводились индивидуальные занятия.

Так что, тут ничего нельзя утверждать. Мы просто хотели сделать всё возможное и невозможное.

Но вообще, отношение к уринотерапии — вопрос особый. Я никак не могу однозначно сказать, что это чушь.

Я долго не верила и считала это ерундой. Но однажды у меня была сильная ангина, которая не снималась антибиотиками.

Я так измучилась, боль в горле была постоянной и такой, что даже говорить трудно. И спать — казалось, что задыхаюсь. Врач выписывал уже третий курс антибиотиков — и никакого эффекта.

В конце концов, я решилась. У нас в обществе некоторые занимались уринотерапией, почему не рискнуть, если больше ничего не помогает... в успех я не особенно верила, но, как говорится, дошла до ручки. В общем, хлебнула я эту страшную жидкость. Меня тут же вырвало.

И вообще, каждый раз рвало, когда я пыталась прополоскать горло. Тем не менее, после первого же раза, горло перестало болеть, а трёх полосканий (каждый раз по 2 раза) хватило, чтобы полностью вылечить ангину!

Я поняла, что средство — чудодейственное. Исключительно на собственном опыте. Причём, это не был эффект плацебо — я практически не верила в успех.

С тех пор я применяла это средство всегда при ангине у себя и у детей (им заливала сприн-

цовкой). Эффект был сногшибательно быстрый и лёгкий. Для контроля я обычно ещё раз показывала детей врачу — чтобы не ошибиться.

Но...

После моего обращения и покаяния я, конечно, решила отказаться от всех эзотерических методов лечения. И вот у меня началась ангина. Но моча, подумала я — это же не эзотерика, не энергетика. Это самое, что ни на есть, простое народное средство.

Моя свекровь в детстве ещё, в деревне, снимала у себя поллиноз умыванием своей мочой. И всё же, какое-то неприятное чувство было... будто это не совсем так. В общем, я решила наплевать на это чувство, и стала полоскать горло мочой, ожидая обычного быстрого эффекта.

Ничего подобного. Ни за два дня, ни за три — ничего не помогло. Пришлось идти к врачу, просить антибиотик (в Германии его без рецепта не купишь, да и дорого).

Вот и не знаю я, что сказать по поводу уринотерапии... Вот мой опыт, а как о нём судить — кто знает?

Я, во всяком случае, решила отказаться от этого метода. А вдруг он всё-таки эзотерический, чёрт его знает, лучше не рисковать.

Я немного отвлеклась. Лечение сына было очень долгим и сложным. К счастью, я могла не работать это время (да и дочь была маленькая... в Германии крайне сложно ребёнка до трёх лет устроить в садик, и дорого). Только поэтому мне как-то удавалось со всем справиться.

Приём лекарств и чаёв был расписан по часам — каждые тридцать минут какая-нибудь новая процедура. Особенно тяжело было во время простуд. Ещё добавлялись ушные компрессы, ножные ванны, дополнительные чаи.

Укладывание в постель, с компрессом — не меньше часа (и час я укладывала дочь, которая без меня не засыпала). И это, не считая ежедневных поездок на разные занятия, прогулок, ну и обычных занятий с ребёнком.

Тяжело было и соблюдать диету. Но я не жалею об этом. Даже если что-то было лишним, я не знаю — что именно, а всё вместе привело к тому, что здоровье сына реально улучшилось. Это стоило любых жертв.

Как можно видеть, практически в лечении не применялись какие-то особые «эзотерические» методы (если к таковым не причислять гомеопатию и уринотерапию).

То, что крапива помогает от аллергии, в общем, известно и в официальной медицине. Компрессы (а я именно им приписываю основную роль) изобрёл обычный доктор-профессионал.

Это не значит, что Евгений вообще не применяет энергетику — он просто её не очень любит. Начнём с того, что диагнозы он ставит «по ауре». Прищурится этак, посмотрит как бы сквозь и говорит: у вас то-то и то-то... и, между прочим, довольно часто угадывает.

Часто приходится слышать, особенно от врачей и атеистов: «А-а... вся эта энергетика — чушь собачья и шарлатанство». Но, к сожалению (действительно к сожалению!) я не могу повторить эти слова. Потому, что далеко не вся «энергетика» — чушь собачья.

Даже если выкинуть все случаи, известные мне со слов самого Евгения, то с моими знакомыми произошли следующие события. Свекровь поехала лечиться к Евгению.

По дороге они перекусили котлетами. Когда Евгений посмотрел на свекровь, он тут же сказал: «Вот вы часа два назад ели котлеты, а вам это вредно».

Это так её потрясло, что она уже никогда не сможет отрицать ясновидение и сказать, что «всё это чушь».

Хотя, тот же Евгений не смог определить у неё камень в жёлчном пузыре, после чего, она потеряла к нему доверие... да и слишком сложно у него лечиться. Такую диету соблюдать — не каждый выдержит. Проще на операцию пойти.

Ещё более удивительный случай произошёл с нашей знакомой. Она договорилась о приёме у Евгения, но накануне сломала ногу. Ей сделали снимок и наложили лубок.

Всё же, муж повез её к Евгению. После сеанса состояние женщины сразу улучшилось (в отношении основной болезни).

А когда она на следующий день пришла к хирургу, и ей снова сделали снимок ноги — перелома не было! Врачи ничего не могли понять. Женщине сняли гипс, и она до сих пор прекрасно

ходит. Сама она была потрясена до основания души и перестала быть атеисткой.

То есть, реальные результаты ЕСТЬ. Они бывают. Хотя, далеко не всегда. Случалось, что Евгений и ошибался.

Вскоре я прочитала книгу Евгения «Профессия — целитель», где он подробно описывает свои методы работы... И, мне кажется, поняла, почему так получается. Впрочем, ещё точнее я поняла это, когда сама стала обучаться в целительской школе. Так что, расскажу по ходу дела.

Я — человек без образования. Закончила 4 курса медицинского института. В Германии никакой возможности дальше учиться не оказалось.

Прежде всего, из-за больного ребёнка. А также, из-за общих трудностей — женщина в Германии, как правило, либо работает, либо имеет семью (с семьёй можно только ПОДрабатывать, но не работать всерьёз и не учиться).

В России работала медсестрой (у нас можно после 3-х курсов института). Умею ставить внутривенные инъекции даже маленьким детям. Капельницы. Банки, горчичники, естественно, клизмы. Смогла бы и перевязку сделать при ожогах и гнойных ранах (случалось помогать).

Знаю, наверное, всё об уходе за тяжёлыми больными (опыт работы в реанимации и ожоговом центре). В общем, навыки есть. Но в Германии меня медсестрой не признают.

Медицина мне нравится и привлекает. Возможно, я ещё буду работать в этой области, хотя бы медсестрой (ну, выучусь... дурацкое дело нехитрое). Вполне естественно, что в период своего увлечения эзотерикой я захотела заняться целительством.

Тем более, я видела перед собой Евгения, который реально помогал моему ребёнку. Кстати! Один раз он по телефону снял у него тяжёлый приступ астмы! Без всяких лекарств... Такое я видела единственный раз в жизни.

И в практике Евгения была открыта целительская школа, которую вела его ученица Хайди Хоффманн. Правда, стоило это прилично. Но мой муж согласился всё оплатить. В конце концов, надо же как-то и мне устроиться в жизни.

Подчеркну: будучи эзотериком по убеждению, я всё же с большим недоверием относилась к биоэнергетике. Хотя, ещё в институте у меня был такой случай. Один врач преподавал у нас кожные болезни. Сам он занимался акупунктурой с помощью специального аппарата. Учился у китайцев.

В общем, он нам демонстрировал свой аппарат в работе (лечил облысение у девочки). Установил иглы, включил. Толпа студентов у аппарата. Вдруг я начала терять сознание.

В глазах потемнело, затошнило, и я стала медленно падать. Преподаватель тут же это увидел, меня поддержал, вывел в коридор и сказал «посидите». После сеанса он объяснил, что это я легко отдаю энергию, вот аппарат и стал у меня забирать активно.

Это был врач-профессионал с большим опытом, заметьте. Всю жизнь проработавший в традиционной медицине.

Так что, уж совсем, как к «шарлатанству», я к этому не относилась.

Но и большого восторга не испытывала. У меня нет никаких способностей к экстрасенсорике, я это понимала. Может быть, есть какие-то избранные Богом люди, которые **могут**. А я не могу.

И в эту школу я пошла именно потому, что рассчитывала на обучение тем методам, которые применял Евгений: диетология, здоровый образ жизни, фитотерапия, гомеопатия, мануальная терапия (он и её применял).

В конце концов, что уж такого плохого в этих методах? Если их рассматривать, как дополнение к официальной медицине? Применять больше для профилактики, чем для лечения...

Евгений, правда, лечил и рак, и часто успешно. Хотя, как сказать...

Он вылечил от рака мать В. Она жива и здорова до сих пор.

Но, с другой стороны, другого пациента, по его словам, он вылечил... но, так как пациент не бросил курить, то через полгода начался рецидив, и человек всё равно умер. Так может быть, вмешательство Евгения вообще никак не повлияло на ход болезни? Это тоже возможно.

С третьей стороны, точно такая же картина и в официальной медицине: кто-то умирает, кто-то выздоравливает, кому-то просто продлевают жизнь...

Чтобы ответить точно на вопрос, что эффективнее, нужно какое-то серьёзное исследование, статистика. По одному-двум случаям ничего нельзя сказать. Но я считаю, если эти два случая есть, это уже повод, чтобы провести исследование.

Необходимо рассказать о статусе, который имели мои учителя, и который вообще даёт подобная Heilpraktiker-Schule (такие школы есть в любом уважающем себя немецком городе).

В Германии существует закон, согласно которому лечить людей может только человек, получивший диплом от ведомства здравоохранения (Gesundheitsamt).

Причём, поле деятельности врача и целителя разное. Целитель, в отличие от врача, не имеет права выписывать рецепты, не имеет права заниматься лечением гинекологических заболеваний и (не знаю, почему), заболеваний полости рта.

Есть и другие ограничения. Но человек без диплома целителя лечить или диагностировать вообще не имеет права. Теоретически, вы даже не имеете права сказать соседке, которая жалуется на головную боль: прими аспирин, потому что это уже считается «лечебной рекомендацией».

Другое дело, что никому не придёт в голову донести на вас в полицию за такой совет.

А вот, если вы регулярно у себя дома принимаете больных... Вот это уже чревато. Впрочем, многие выкручиваются и без всякого диплома: к примеру, наша знакомая целительница открыла «фирму по продаже натурпродуктов».

Она якобы не диагностирует и не лечит, а просто консультирует людей, как лучше пользоваться облепиховым маслом и травами. Или открывают какие-нибудь «курсы», «школы», «психологические консультации».

Однако, всё это более-менее на грани закона. Поэтому целители в основном стараются получить диплом.

Чтобы получить этот диплом, нужно сдать экзамен комиссии врачей. Экзамен включает в себя общемедицинские знания: анатомию-физиологию (на уровне медучилища), общую патологию, основы первой помощи.

То есть, нужно знать, где какой орган у человека находится, и какие болезни в этом органе бывают, грубо говоря. Экзамен платный. С первого раза почти никто не сдаёт. То есть, отношение суровое. Евгений, к примеру, сдал с пятого раза.

Никого не волнует, как ты будешь лечить людей — по этому поводу экзаменов нет. Можешь в них мочу вливать, можешь с пятого этажа на парашюте сбрасывать.

Главное — иметь общемедицинские знания (чтобы, видимо, совсем уже какую-нибудь глупость не сотворить), и чётко знать пределы дозволенного.

Поэтому, если к целителю привезут больного в состоянии острого инсульта, целитель тут же отправит его в больницу и даже не будет пытаться что-то сделать.

Вот, когда больной оклемается — тогда, пожалуйста, пусть приходит, и целитель ему что-нибудь посоветует, как не допустить нового инсульта, как вести здоровый образ жизни и т.д.

Как правило, в школах целителей 1. дрессируют для сдачи экзамена, 2. учат собственно тому предмету, которым занимается школа — биоэнергетике, фитотерапии и т.д.

Так же было и у нас. В конце двухгодичного курса мы получали диплом «целителя», которым можно было подтереться или повесить его на стену в рамочке. А, чтобы иметь право официально работать, нужно было ещё сдать официальный экзамен.

После сдачи экзамена можно вешать на дверь табличку «Целитель» и ждать пациентов. И они не замедлят прийти — спрос в Германии на нетрадиционную медицину просто бешеный. У того же Евгения приёмы расписаны на 1,5 месяца вперёд.

К сожалению, школа не оправдала моих надежд.

Первую половину года мне всё нравилось. Было безумно интересно — целый новый мир, как же... Но постепенно стало нарастать разочарование.

Во-первых, Хайди очень далеко ушла от простых методов своего учителя. Ей гораздо больше нравилось заниматься энергетикой. В отличие от Евгения, она практиковала и магию. В чём отличие магии от биоэнергетики?

В энергетике ты работаешь своими руками. Магия — это вызов духов, которые работают на тебя (примерно этим занималась Блаватская, говорят, эффективно).

Мы обучались и магии. Конечно, «белой». По Хайди, «белая» магия — это та, которая направлена на принесение человеку добра и совершается с разрешения человека.

К примеру, защитить квартиру, машину от злых духов и чёрной магии. Ну, а «чёрная», соответственно... правда, нам зачем-то давали и элементы «чёрной» магии — чтобы мы «умели защищаться от чёрных магов».

Непонятно, зачем было подробно объяснять метод, которым можно, к примеру, навести на человека порчу.

Ну, а уж «белой» можно пользоваться всюду. Сейчас расскажу. Рисуете в воздухе такой магический крест и говорите заклинание, вызывающее духов (а заклинание — не скажу! Мы дали подписку о неразглашении). Ну и потом говоришь этим духам, чего тебе от них надо.

Ещё мы учились удалять энергетических «змей» и вообще энергетических паразитов. Ну, там стабилизация ауры, подкачка энергии, работа с рамкой, с маятником... И это составляло больше половины наших занятий.

Я понимаю, как всё это звучит для человека «непосвящённого»... «Посвящённый» уже всё понял. А для первых поясню. Не то, чтобы я так уж не критически, стопроцентно во всё это верила.

Нет. Я воспринимала это, как игру. Ну, представьте, такая психологическая игра, вам говорят: «представьте, что между вашими ладонями струится тепло... почувствуйте его...»

Но тут я начала лечить, и поняла, что это не такая уж и игра. К примеру, я снимаю женщине головную боль. Ну, сначала выполняю обычную последовательность действий по стабилизации и гармонизации ауры.

Потом уже идёт моя творческая работа. Я представляю, что из моих рук струится мягкий, нежный голубой свет. Направляю его в определённую точку головы. При этом я стою позади больной, её глаза закрыты — она меня не видит.

Я представляю себе боль (это чисто моё воображение! Я не умела никогда «видеть») в виде чёрной грязи, заполнившей голову.

И вот нежный, ласковый свет заполняет голову, медленно, тщательно связывая и уничтожая чёрную грязь. И когда большая часть грязи уничтожена, женщина с изумлением говорит: «Всё! Больше не болит!»

Причём, она может показать ту точку на голове, куда входил поток «света». А ведь, я всё это придумала, всё это было исключительно в моей голове...

И это — не один такой случай. Конечно, не могу сказать, чтобы такое лечение было всегда суперэффективно. Но, скажем, зубную боль у себя я могла снять. Вообще, энергетика не очень эффективна, по моему опыту (не случайно Евгений её не любит).

Можно снять боль, иногда прекратить приступ астмы, то есть — сиюминутная симптоматическая помощь. Да и она чаще всего эффективна наполовину (выше я описала довольно редкое полное снятие боли, когда больная даже вскрикнула от удивления, причём, женщина сама была очень внушаемая).

Обычно боль снимается, но остаётся всё равно какое-то неприятное ощущение. Ну, а серьёзные болезни, по-моему, энергетикой не лечатся. По крайней мере, я таких примеров не видела (может, они, конечно, есть — не знаю).

Поскольку я являюсь графоманом с приличным стажем, пишу фантастику, то меня больше всего интересовал вопрос о моих книгах... А тогда я писала самое крутое фэнтези со всякими звёздными рыцарями и войной Добра и Зла.

И вот я задала вопрос Евгению (иногда он, на ужасном немецком, вёл у нас занятия): что мне вообще думать о моих книгах? «Прежде всего, — ответил Евгений, — Всё, что ты сочиняешь, существует в действительности!»

Я была потрясена. Ведь я ему верила тогда стопроцентно! Я там такого насочиняла!

«А ты сочиняй что-нибудь хорошее, светлое», — посоветовал Евгений.

Как будто от меня, от моей воли когда-нибудь зависело, что я буду сочинять!

Первое, чему мы научились — это общение со своим «ангелом». Не знаю, что это за существо (да и есть ли оно), поэтому беру в кавычки. Задаёшь, значит, вопрос, закрываешь глаза и ждёшь. Если тебя вперед качнёт — «да», назад — «нет».

Чем-то похоже на НЛП. Но вопросы могут быть самые разные: чем болен этот человек? Что мне сейчас полезно съесть? Можно ли есть мясо? Ну и так далее...

Ещё нас учили защищать себя при лечении, чтобы болезни не прилипли. В общем, трудно всё перечислить. Были и психологические методы. Мне, к примеру, понравился метод «разрыва цепей»...

Это была в основном та практика, которой мы обучались. Обязательными считались медитации. Это — для развития способностей.

Кстати, у Хайди, по её словам, был давно открыт третий глаз и вообще куча всяких способностей. Так же, как и у Евгения. Поэтому мы занимались медитацией. На мантру (бессмысленное сочетание слогов).

То есть, сидишь и повторяешь эту мантру до одурения. Мантра подбирается индивидуально. Я аж «просветилась» до того, что смогла сама услышать мантру! (то есть, голос в моей голове чётко её произнёс — с воображением это не спутать, разницу я объяснить не могу, это надо пережить).

Медитацией положено было заниматься минимум полчаса в день, но чем больше, тем лучше.

К счастью, я так медитировать и не научилась. Внимание соскакивало, а если удавалось его удержать, то я очень быстро и благополучно засыпала. Практически я засыпала каждый раз.

Интересно, что сейчас я молюсь по Розарию — тоже, вроде, монотонная вещь — и мои мысли почти не соскакивают, нет такой проблемы. На Господе мне нетрудно сосредоточиться.

Иногда повторяю подолгу и Иисусову молитву, и тоже — это даже приятно, я только стараюсь этим не увлекаться, так как слышала об опасности этого дела. А вот с мантрой — ну никак не выходило. Неужели Господь или Ангел-Хранитель уберёт?

И мало у кого получалось с медитацией. А вот Хайди — по её рассказам — медитировала в начале обучения по 4 часа в сутки! Потом она стала «улетать», встречать разных духов в Тонком Мире, которые обучали её методам лечения. Да и сейчас она «летает» подолгу, медитирует ежедневно часами.

Мы ей завидовали... у нас так не получалось. Медитация была для нас не кайф, а мучительная обязанность. Нам было невдомёк, что когда медитация становится кайфом — это уже симптом. Человек не может жить без медитации, как без наркотика.

Это говорила и Хайди: если она долго не медитирует, она становится раздражительной, и вообще это ужасно.

А ведь, по сути — какая разница, «улетает» ли человек с помощью настойки из мухоморов, ЛСД или мантры? (говорят, при медитации выделяются эндорфины — так что, тоже как бы химическая зависимость, хоть и от внутренних наркотиков).

Факт тот, что человек не хочет и не может жить в реальном мире, реальный мир ему противен и раздражает, ему необходимо искусственно себя чем-то одурманивать, чтобы забыться... обучение в медитации — явно второстепенная цель.

У Хайди и так столько источников обучения — ведь и книг полно, и опыт других целителей можно перенимать.

У Евгения Хайди вовсе не много переняла. Большинство его методов она называла «зверскими».

«И вообще, — комментировала она, — Яна, только ты не обижайся... но русские — очень суровый народ. Вы представляете, например, у них есть метод обливаться ледяной водой из ведра! На улице! А эта ужасная мануальная терапия, которой занимается Евгений».

Хайди гораздо больше нравилась магия и энергетика — так, чтобы поменьше труда, поменьше мучений для души и тела — раз, и готово.

Но правда, и эффективность её лечения была гораздо ниже.

Кроме «развития способностей», школа должна была выработать у нас ещё и характер целителя. То есть, занимались нашим нравственным развитием. Евгений разработал целую систему: какими качествами должен обладать целитель.

Воля, мужество, воображение и фантазия, любовь к людям... всё я не помню, вот, примерно, так. Причём, считалось, что эти качества можно у себя развить. Не знаю уж, каким образом. Я не

заметила, чтобы что-нибудь у меня особенно развилось.

Кроме, пожалуй, воображения и фантазии, которые и без того у меня несколько переразвиты. Евгений рекомендовал, как можно больше сочинять, фантазировать о жизни, «пусть вокруг вас мир будет населён домовыми, ведьмами, феями, русалками...» И действительно — был населён.

Например, нам рекомендовалось подружиться с домовым, который живёт в нашем доме, а если такового нет, то попросить некоего верховного духа (зовут его, не к ночи будь сказано, князь Чеборок, что это значит — понятия не имею. Думаю, ничего хорошего), чтобы он послал нам домового.

После занятий Евгений или Хайди проводили биоэнергетические сеансы. При таком сеансе все сидят с закрытыми глазами, а целитель ходит и то молится, то призывает духов сделать то-то или то-то с тем или другим человеком.

Ощущения во время этих сеансов были интересными. Но я чувствовала только Евгения, Хайди — никогда, то есть, от Хайди у меня не возникало никаких ощущений (я ещё раньше слышала от одного практикующего оккультиста, что поле немцев и русских — совершенно разное, и немец не может лечить русского, и наоборот. Но Евгений успешно лечил немцев).

А вот, когда сеанс вёл Евгений! Тут и ощущения холода и жара. И вспышки света. И дрожание в разных частях тела спонтанное.

У меня тогда челюсть была воспалена (боялась к зубному пойти), так вот, на сеансе возникло чёткое ощущение, что челюсть мою заковали в железный намордник, и чем-то там внутри копошатся. А после сеанса с неделю челюсть не болела вообще, и зуб не болел.

Однажды у меня было и видение. Отличить видение от воображаемой картины легко, надо только пережить и то, и другое. Видение — гораздо чётче, реальнее, словом, это надо чувствовать.

Я видела новорождённого ребёнка, который очень обиженно на меня смотрел. До сих пор не знаю, что это значило. Думала, у меня должен родиться третий ребёнок, но вот уже давно мы его ждём, а ребёнка всё нет.

Словом, уже одни ощущения во время и после этих сеансов заслуживают внимания. Не шарлатанство это... И причём, ощущения бывают и у совсем неверующих и скептически настроенных людей.

В школе мы занимались всё же не только «духовными материями».

Проходили мы и правильное питание (по Евгению... то есть, с исключением мяса, молока и молокопродуктов, хлеба, сладостей... вообще, всего). И естественно, уринотерапию. И лечение минералами, травами, гомеопатическими средствами. И образ жизни. И витамины.

Но всё это было наскоком, «галопом по Европам». И на каждом занятии Хайди ненавязчиво рекламировала то мазь «от всех кожных заболеваний», то чудодейственные самые правильные витамины, то уникальную пищевую добавку. И всё это стоило денег!

Можно было и не покупать, но при такой рекламе... да и думаешь — ведь мне же тоже нужно будет это в работе использовать. Вот и покупали все.

Один раз, правда, мне немного повезло. Хайди рекламировала уникальный, прекрасный, очень полезный и целительный пищевой продукт... гречку! Об этом продукте она узнала от Евгения, который регулярно ел гречневую кашу (как и все мы, русские). Вот тут я оказалась на коне!

Я объяснила всем, где можно купить гречку и как её готовить. В немецких магазинах гречка очень дорогая и почему-то зелёная. Но есть и русские магазины типа «Берёзки», там всегда можно купить искомое.

Мне тут же заказали килограмм десять, и в следующий раз я их привезла. Правда, благородно продала за ту же цену, по которой и купила.

Гречка-то, оказывается, тоже эзотерический продукт! Наверное, вроде кришнаитского прасада...

Но эта часть наших занятий, к сожалению, тоже меня не устраивала.

В институте я привыкла к строгому и систематизированному изложению материала. Кроме того, нас там буквально дрессировали: даже «тройку» получить непросто. Даже троечники — и те неплохо знали материал. Примерно этого я ожидала и здесь.

То есть, я понимала, что контрольных и зачётов не будет... ну, мы же, в конце концов, взрос-

лые люди!

Но я ожидала, что мне дадут более-менее систематический материал. К примеру, по фитотерапии: какие бывают растения, классификация ботаническая и медицинская, применение отдельных групп и отдельных растений...

Так вот — ничего подобного! Фитотерапия у нас шла на такой же оккультной основе.

Нам не давали ни ботаники, ни механизмов действия, ни даже состава и дозировки чаёв и настоев (хотя дозировку можно было посмотреть в книге Евгения). На всё один ответ — подбор индивидуальный.

А как осуществляется индивидуальный подбор? Всё через того же ангела. Очень просто.

Берёте в одну руку щепотку мяты, в другую — ромашки (если трав под рукой нет, ничего страшного — можно заменить их воображаемыми). Задаете ангелу вопрос, что человеку больше подходит. Какая рука поднимется при этом вверх — то и подходит, значицца.

То же самое с диетой. Правда, основные принципы диетологии по Евгению нам дали. Я их и раньше знала.

Это очень похоже на диету по Шаталовой (а на шаталовской диете мы с мужем сидели полгода... мы оба страдаем избыточным весом, так что, это нам было полезно — каждый сбросил по 20 кг. Но потом начались проблемы с волосами, с зубами, с иммунитетом, и мы перешли на нормальное питание).

Об этом я уже писала: исключаются ВСЕ продукты животного происхождения (ну, разве что, изредка ложку сметаны можно добавить). Растительное масло — по самому минимуму. Картофель едят вместе с кожурой (между прочим, даже вкусно... только мыть надо, как следует).

Хлеб тоже исключается полностью. Добавляются витамины, пророщенные зёрна. Едят 2 раза в день (мы обычно на обед ели суп и варёные овощи в разных видах, а на ужин — разные каши, без соли и сахара, но со всякими приправами).

В общем, поскольку я знаю немало подобных рецептов, можно даже и вкусно питаться, и не так уж мучительно... Но, как показала практика, для здоровья это всё же не полезно. Мы решили, что лучше быть толстыми, но здоровыми, чем худыми, но больными.

Нам дали только принципы, но диета должна подбираться для человека лично. Опять с помощью того же ангела. Причём, есть три градации для каждого продукта: полезно, нейтрально, допустимо. Если есть только то, что полезно... мне, к примеру, были полезны только варёная капуста и яблоки.

Можно и скопытиться. Но допустимо — более широкая категория. Некоторым, особо тощим и ослабленным, даже мясо или шоколад допускались... но мне, с моим весом, об этом и мечтать нечего.

Ну и естественно — продукты нельзя покупать в супермаркете (в Германии, в отличие от России, супермаркет — самое дешёвое место!).

Продукты можно покупать только в специальных биомагазинах, с биоферм, где их выращивают «без химии» и без генной инженерии. А там всё дороже раза в 3-4!

Вообще, я заметила, что со всей этой эзотерикой наш бюджет начал очень стремительно таять. Об этом неплохо рассказать отдельно.

Как только человек начинает увлекаться подобной «духовностью», находится куча людей, которые ему впаривают, что весь окружающий мир насквозь грязен, отвратителен, что с каждым съеденным куском человек поглощает кучу канцерогенов и прочей гадости, активно приближая свою смерть, и то же самое делает со своими детьми.

Причём, это доказывается очень убедительно!

Разумеется, любое лекарство, которое выписывает врач — «от дьявола», в смысле, всё это ужасная «химия». (Меня это ещё в России удивляло, когда матери фанатично поили детей травяными отварами вместо «этой химии» — но ведь, тот же муколтин — это просто спресованные травы... Да и вся «химия» получается из вполне натуральных продуктов).

Я раньше так не думала, но постепенно и на меня воздействовала эта реклама... И на моего мужа тоже.

И вот началось. Продукты — из биомагазинов исключительно, то есть, в несколько раз до-

роже. Лечиться — только к целителю (у врача это бесплатно, а у целителя — сами понимаете...), лекарства безумно дорогие.

Витамины в супермаркете по 2-3 марки пачка, но что вы — это же «химия»! И мы покупаем шарики, похожие на навозные катышки и с таким же запахом и вкусом — но зато, «натуральные витамины», которые стоят 200 ДМ за упаковку.

Дальше — больше. Зубная паста у нас не та... А ещё нужна «натуральная косметика» — душ-гель, шампунь, тоже в несколько раз дороже обычной.

Мы забыли о мебели и о полах! У нашего ребёнка аллергия на пыль, поэтому мы всегда стелили не ковровое покрытие (в Германии это самое дешёвое!), а линолеум, который можно мыть.

Но линолеум — это же страшный яд! Мы консультируемся у Евгения: а можно мы положим ламинат или паркет? Это дорого, но чего не сделаешь ради ребёнка? Евгений, не отвечая на вопрос, цедит, что лучшее покрытие для пола — сизаловый «теппих» (ковровое покрытие).

И он продаётся только вот в таком-то магазине. Мы едем в этот магазин (хозяин хорошо знает Евгения), и выясняем, что сизал стоит 70 ДМ за квадратный метр. Чтобы выложить нашу квартиру, нам понадобится около 6 тысяч ДМ!

Мы снова задаём вопрос Евгению: так, как же всё-таки насчёт ламината? «Лучше всего сизал, я уже говорил». Но 6 тысяч у нас нет и не предвидится... что ж, придётся жить с ощущением своей вины перед ребёнком.

Мебель, естественно, должна быть натуральной. «Я не говорю, что вы сейчас же должны всё выкинуть... но постепенно нужно заменять».

Да и натуральную мебель нужно проверить у Евгения перед тем, как покупать. Вдруг она энергетически какая-нибудь нехорошая...

Всё перечисленное — для обычных пациентов целителей. А уж если я решила сама стать целителем! Всё, держись, домашний бюджет...

Рамку приобрести надо? Маятник со специально подобранным камнем? Книги Хайди, которые она пишет в изобилии под диктовку духов (между прочим, в том числе — прости, Господи! — самого Иисуса Христа).

Это я, дура, всё мечтаю хоть один свой роман напечатанным увидеть. А Хайди уже книг десять выпустила с «небесными диктантами», и стоят они немало — однако, пациенты берут, куда денешься («в моей книге эта методика описана... купите и занимайтесь»).

Ну и на каждом занятии начинается: эту биодобавку вы обязательно должны купить и попробовать... эту мазь... эти камни... этот прибор...

Причём, расходится на курсах мгновенно, ещё и не хватает всем! Сама Хайди состоит в нескольких «международных фирмах» по продаже того-сего целительного, и с продаж, а также с завербованных новых членов получает хоть небольшие, но дивиденды. Каждый крутится, как может!

Не следует думать, что всё это затеяно только для опустошения карманов пациентов и собственного обогащения.

Не надо забывать, что Хайди ушла в целительство не откуда-нибудь, а с поста директора школы, то есть, очень и очень уважаемой должности с очень большой зарплатой. С такого поста кидаться в авантюры человек просто так не будет!

Кроме того, Хайди вообще отнюдь не идиотка — помимо высшего образования, она много читала, играет на скрипке, занимается спортом, знает неплохо пару языков, в том числе почти свободно говорит по-русски (хоть и с большими ошибками)!

По сравнению со средним немцем, Хайди просто супергениальна. Есть у неё муж, взрослые сыновья, свой дом — как положено.

Да и общаться «по жизни» с ней интересно...

Нет, она искренне верит во всё это. Да и как не верить, когда Евгений действительно исцелил её от жуткой мигрени! (Она уже собиралась на инвалидность уйти).

Я тоже искренне во всё это верила. Но у меня-то нет ни своего дома, ни отложенных сбережений, живём на зарплату мужа «от и до». И меня все эти расходы начали понемногу нервировать.

А, как не тратиться, когда ты искренне убеждён, что без этих продуктов твоя семья скоро за-

гнётся...

Кроме денежных трат, всё возрастало и другие. На каждом уроке мы узнавали что-нибудь сногшибательно новое о жизни! Например, в каждом доме есть домовый.

А вы знаете, как с ним обращаться? За ним нужно ухаживать, чуть ли не как за домашним животным — кормить его, разговаривать с ним... (тогда у вас всё в доме будет идеально!)

На следующем уроке мы узнаем о том, что надо защищать квартиру и машину от злых духов и чёрной магии — а это опять работа ежедневная (освежать заклинания).

На следующем уроке выясняется, что надо проверить, не стоит ли ваша кровать на энергетических меридианах, и если стоит — купить зеркала и как-то их особо расположить под кроватью.

И то же самое проделать с кроватями домочадцев и знакомых, которым ты желаешь, естественно, добра. Потом оказывается, что мебель бывает энергетически нехорошая...

И вообще — опасности подстерегают повсюду! Конечно, от всех этих опасностей можно защититься, но всё это — огромная работа и затраты времени.

А если что-нибудь забудешь (а наверняка забудешь), то всё — вся работа насмарку, и ты обязательно заболеешь. К слову, Хайди болеет тоже довольно часто — то простуда, то ещё что-нибудь. И Евгений болеет.

Но, если они болеют, то не просто так, а в результате «атак тёмных» или просто потому, что что-нибудь прозевали, какое-нибудь заклинание забыли сказать.

И вообще... мочу пить надо? Надо. Каждое утро — просто для профилактики. У Хайди это вообще любимый напиток. (Кстати — как насчёт голодания, когда человек ничего не ест и не пьёт, кроме собственной мочи? Хайди и Евгений делают это каждый год по 3 недели!)

Травяной чай? То же самое — ежедневно, причём, каждый раз у ангела спрашивать, какой чай и сколько.

Витамины, пищевые добавки, гомеопатические глобулы — ежедневно.

Очистка организма. Каждый этап занимает несколько дней тяжёлых страданий. Кишечник, потом печень, почки, лёгкие, кожа. Потом с начала — кишечник....

Медитация — 30 минут ежедневно для лентяев, а вообще-то — 2 часа.

Физическая нагрузка 30 минут ежедневно — бег, велосипед.

Промывание носовых полостей — ежедневно.

Ванны, процедуры для волос.

Всяческие заклинания, защитные приёмы...

А теперь умножим это всё на 4, поскольку я обязана заботиться о детях и муже не менее, чем о себе. И учтём, что всё перечисленное — для **здорового** человека. То есть, если ты болен, всё это увеличивается в несколько раз.

Ну и простое приготовление пищи превращается в сложнейшую работу. О каждом продукте осведомиться у ангела... десятки особых правил выполнить.

Словом, всё это нужно **любить**. Ну, есть люди, у которых такое хобби — Здоровый Образ Жизни. Но к моим хобби это не относится.

С другой стороны, если не выполнять указаний преподавателя — зачем платить за обучение? Глупо получается. Вот и лезешь из кожи вон.

В общем, жизнь становилась всё сложнее и напряжённее... и только природная лень ещё как-то спасала от всего этого.

Тут мы переехали, я начала работать в издательстве, а с работой эту учёбу (хотя форма полузаочная, учились по субботам) совместить было совершенно невозможно. Так я оставила школу.

У меня, правда, были сомнения — может, нас чему-нибудь конкретному (кроме разговоров с ангелами и биоэнергетики) будут обучать?

Моя знакомая заканчивала второй (и последний) год обучения. Я стала расспрашивать её, что они проходят.

«Что ты! Диеты, травы, позвоночник — всё это идёт на первом году... а на втором уже **только** биоэнергетика, магия, нас учат сеансы проводить». Это окончательно убедило меня в том, что надо бросать.

Я тогда неплохо относилась к биоэнергетике и даже магии. И не была уж самой бесталанной.

Но! Я осознала, что, либо я становлюсь такой, как Хайди — и тогда прощайте, мои романы, моя главная радость в жизни. Писать я больше не буду, творить станет невозможно — я смогу только «писать под диктовку».

Я стану игрушкой в руках духов. Да и неизвестно, что будет с семьёй... И так всё на ладан дышит, а если ещё духи начнут вмешиваться!

Либо я могу писать и жить обычной жизнью, но тогда мне никогда не научиться общаться по-настоящему с духами и ангелами... И не стоит деньги тратить на обучение.

Я сделала свой выбор.

В то время у меня уже появился свой «дух», с которым я регулярно общалась. Поскольку проявления его были независимы от моей воли, да ещё несколько раз он верно предсказывал события будущего, я думаю, что всё-таки этот дух существовал на самом деле.

Но моё воображение обогатило наше общение большим количеством деталей, которые, вероятно всего, истине не соответствуют.

Однако, надо сказать, к его чести — дух мне попался скромный. Или я была уж такая недоверчивая — а я действительно достаточно недоверчивый и скептический человек. Я никогда не слушалась его буквально, и он от меня этого не требовал.

Правда, само его присутствие сильно разрушало нашу семейную жизнь — так что, основная часть вины за неполадки в семье лежит, всё же, на мне.

Дух мало помогал мне в целительстве, зато поддерживал моё творчество (впрочем, эти «духи» обычно человеку «поддакивают» и стараются подстроиться под внутренние желания человека... например, подтвердить: да, твой муж такой козёл, а ты — такая невинная и прекрасная! Так что, у человека самого возникает сильное желание этому духу служить).

Конечно, после обращения к церкви, я сразу же отказалась от «услуг» этого духа, и он меня не понимал... Видимо, серьёзной связи у него со мной не возникло.

Я спрашивала Хайди об этом духе, и она, разумеется, его «увидела». Даже внешность описала. И сказала, что я должна слушаться его указаний. Это — мой предок, который согласился стать моим учителем.

Есть в Германии такая система «духовного образа жизни». Есть такие «духовные люди», которые живут не так, как другие. По оценке Мегре, таковых в Германии 30%. Но думаю, это он загнул... 30% — да, но только тех, кто интересуется и благожелательно настроен к эзотерике.

А собственно самих эзотериков, конечно, гораздо меньше. Тем не менее, они составляют такой круг немецкого общества, совершенно отдельный от других кругов. Они и учатся, и работают, и живут (при желании) среди «своих».

Есть эзотерические магазины, эзотерическое питание, литература, эзотерические фермеры, которые производят биопродукты для биомагазинов, эзотерические врачи и целители, своя фармацевция, своя лёгкая промышленность (производство натуральной одежды, обуви, мебели, игрушек), свои промтоварные магазины. Свои школы, свои театры и своё искусство. Свои журналы и газеты, свои слёты и мероприятия.

Словом — всё так же, как у нормальных людей, но — по-своему.

И все эти предприятия и учреждения взаимозависимы, рекламируют друг друга. Откуда мы узнали о вальдорфской школе? От Евгения — он нам и посоветовал отдать туда сына. В школе лежат постоянно проспекты о театральных представлениях, реклама «натуральных» магазинов и каталогов.

Из школы нас направили к врачу-гомеопату. У этого же врача лежит реклама школы и тоже — рекламки всяких «натур» фирм. Придёшь в «натур» магазин — там тебе всучат рекламу школы, рекламу целителя и приглашение на спектакль или лекцию. В общем, все эзотерики друг друга поддерживают. По кругу.

Неважно, к какому направлению они принадлежат. Теософы они, антропософы, буддисты, крия-йоги, просто целители... (это я перечислила знакомые мне эзотерические немецкие «конфессии»). Все они друг с другом связаны, взаимно поддерживаются (хотя бывают, вероятно, и трения — я не вникала в детали).

Все они — «духовные люди». Правда, в немецком языке, в отличие от русского, есть разни-

ца: geistig — это то, что относится к Церкви и христианству, spirituell — вся остальная «духовность».

И влияние их, «спиритуалов», всё ширится. Обычные немцы всё больше, вольно или невольно, начинают интересоваться «спиритуальностью». Скажем, рисование мандал считается у продвинутых родителей нормальным методом развития и, кстати, успокоения нервной системы ребёнка.

Да и взрослые с удовольствием рисуют мандалы. Отношение к медитациям, к «натурпродуктам» в обществе суперположительное.

Гораздо лучше, чем к церкви... церковь часто не любят — они ж, эти гады, налоги собирают (правда, на эти же средства содержится половина садилов и больниц, но об этом как-то забывается).

А вот «спиритуэльцы» — чистые, прекрасные люди, и занятия у них хорошие, почтенные. В любом журнале для дам встретишь рекомендации типа — помедитируйте, порисуйте мандалы, очистите свой организм (впрочем, в русских СМИ, как я понимаю — сейчас то же самое).

Как кто-то писал: русский купец, хоть богател и обирал людей, чувствовал себя в душе грешником и понимал, что лучше было бы ему всё раздать и пойти по святым местам.

Также современный немец, хоть и не «спиритуэль», чувствует себя грешником, потому что — не вегетарианец, не медитирует, не общается с ангелами, не заботится о своём организме (просто лень... а то бы заболелся обязательно!)

Кстати о вегетарианстве. Оно принято в обществе. В любом кафе вы найдёте вегетарианское меню.

Я отошла от всех этих представлений ещё до обращения в христианство.

Помог мне в этом форум А. Кураева. Там поднимались темы о вегетарианстве и о геномной инженерии. Выступали православные биологи. Поскольку в биологии я хоть что-то понимаю, я смогла оценить их аргументы.

Так вот! Никаких научных данных о вреде мяса или о вреде генетически изменённых продуктов нет³! Единственный разумный аргумент, опять же, связан с энергетикой и т.п. Мол, энергетика меняется у этих продуктов.

Но я не вполне доверяю энергетике — область это неизученная, и лучше уж вести себя так, как будто этого нет, потому что мы не знаем, как себя вести правильно с энергиями. И никто не знает. А цену «указаниям свыше» я знаю.

Но я-то пыталась себе всё это объяснить «научно». И вот пришли биологи-профессионалы и на пальцах разъяснили: ничего подобного. Чушь это всё.

С тех пор я совершенно спокойно покупаю в супермаркете голландские помидоры (я и сама предпочла бы выращенные на земле, да где ж их здесь возьмёшь? «Био» помидоры такие же безвкусные — только что, дороже).

И вообще, не волнуюсь по поводу «натур» продуктов, мебели и прочего... люди живут с такой мебелью и продуктами? Ну и мы проживём.

А умрём раньше... ну, что ж — в данном случае, действительно подходит поговорка: кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт⁴.

Нет, я ЗА здоровый образ жизни. Я не пью, не курю, пытаюсь похудеть (во всяком случае, слежу за питанием). Но сходить из-за этого с ума? Посвящать этому большую часть времени? Простите... Есть в жизни более важные вещи.

Ещё немного об Анастасии

В Германии идеи Анастасии упали на давно подготовленную почву. Уже существует целая сеть фирм, торгующих натурпродуктами.

Уже есть клиентура — масса людей, которые с подозрением и ненавистью относятся к «этому безумному миру», ко всей продукции нормальных ферм и заводов и считают, что они немедленно должны себя спасти какими-то чудодейственными средствами.

³ Наивность автора иногда просто поражает. Я имею в виду отсутствие научных данных о вреде ГМ продуктов, о котором она узнала из такого «авторитетного» источника. — Д.Б.

⁴ Можно подумывать, что больным умирать приятнее?! — Д.Б.

(Я не говорю о действительно больных, скажем, раком, которые хватаются за соломинку... зачастую отказываясь от бревна, предлагаемого им официальной медициной).

При этом, в ход особенно хорошо идут средства экзотические — лекарства по рецептам «тибетской медицины», мази из Индии, курения из Африки.

Русские, да ещё из самой сибирской тайги (это звучит для немцев, как для нас «Ориноко» и «Миссисипи»), Тайные Знания, амулеты, шишки, орешки — всё это как раз очень хорошо вписывается в данную систему.

Поэтому издательству «Вега» и открытой при нём фирме натурпродуктов (специализация — кедровые изделия, плашки, орешки, масло) вполне удаётся неплохо зарабатывать, и я верю — удастся даже обогатиться по-настоящему. Почему бы и нет?..

В заключение этой части хочу сказать несколько слов и о других целителях — немцах и русских, с которыми я знакома.

Прежде всего, все это люди искренние. Я никогда не приму суждения о целителях: а, это шарлатаны и жулики, выманивающие у людей деньги. Это всё только ради денег.

Нет, не все они бессребренники. Но! «Всё это» — отнюдь не только ради денег. Они совершенно искренне верят в то, что лечат людей и помогают им.

Такие трезвые и осторожные, умные целители, как Евгений, встречаются крайне редко. В основном, это восторженные, экзальтированные женщины, живущие в чудесном, сказочном «мире духов».

Когда вы идёте к целителю поправить здоровье или (как часто бывает) спросить совета в сложной жизненной ситуации — имейте в виду, что лечить и советовать вам будут «духи» (даже если эти духи представляются Пантелеймоном-целителем, Серафимом Саровским, Иисусом Христом или Сатья Саи Бабой — никто не даст вам гарантии, что они не лгут. А я скажу больше — лгут наверняка).

То есть, целитель напряжётся, вслушается, услышит некий «внутренний голос» — и вот этому его «внутреннему голосу» вы вверяете свою жизнь и здоровье! Или того хуже — здоровье ребёнка.

Я не раз спрашивала позже у целителей и ясновидящих: а где гарантия, что духи вам не лгут?

А никакой гарантии нет, объясняет Евгений в своей книге. Рекомендации духов правильны процентов на 80. Поэтому нужно и самому что-то читать, знать, уметь.

Но это Евгений так считает (и он прав). Поэтому он и очень известен в Европе, и очередь к нему большая. А большинство целителей слепо передают вам то, что сказали «духи» — и большего от них не ждите.

Большинство целителей давно потеряли всякую связь с реальностью. Даже в обычной жизни они, сами того не замечая, на каждом шагу лгут.

Скажем, мы познакомились с очень известной целительницей из России (у неё и сайт в Инете есть). Так вот, она, с совершенно серьёзным видом, обычно начинает рассказывать о себе такое!

Такое! Что ты, либо веришь ей во всём и начинаешь относиться, как к Великому Учителю, и любое её слово воспринимаешь, как Закон. Либо просто сразу отходишь.

Эта целительница где только не побывала! Она служила в армии, причём, в ракетных войсках, причём, по её словам, «бегала с автоматом» (обсудив это со служившими в армии, хотя её и не пытались специально поймать на лжи, мы пришли к выводу, что этого быть не могло).

Она якобы закончила мединститут и якобы работала врачом (по годам этого просто не получается — или армия, или мединститут...). Потом у неё, якобы, была злокачественная опухоль, девушка отказалась от операции, но опухоль прошла сама.

А её пятилетний сын — перевоплощение самого Зороастра — читает исключительно книги по искусству и по зороастризму, обладает ясновидением круче, чем у мамы, умён не по годам (но, в то же время, ходит в нормальный садик, а если капризничает, его запирают в наказание в ванной). Ну и так далее...

Ещё более удивительна «духовная» часть жизни целительницы. Во-первых, таких крутых, как она, в России всего двое — она и Анастасия.

Анастасия — её подруга, причем, якобы они познакомились «в астрале» задолго до появления книг Мегре. С Сатья Саи Бабой целительница общается постоянно.

Мало того! Она регулярно встречается в «узком кругу» богов: Вишну, Аллах, Христос и Шива совещаются между собой о судьбах мира, вызывают Ф. и дают ей ценные указания, что именно она должна делать для спасения человечества.

Что касается собственно работы Ф... достоверность сведений, которые она людям даёт (а это не лечение, а в основном — «кармические советы», просмотр прошлых жизней и рекомендации на эту) проверить невозможно.

К примеру, мне (узнав подробно о моих семейных проблемах) Ф. дала следующий совет (полученный, разумеется, от Сатья Саи и Моей Судьбы непосредственно): заботься о муже, старайся сделать ему что-то приятное, подходи к отношениям творчески и всё терпи... а через 9 месяцев или вы разведётесь, или он изменится.

За 9 месяцев, как говорится, или шах, или ишак... А совет такой и я могу дать кому угодно. Без всяких духов.

Но! При этом, Ф. — абсолютно искренна! Я немного разбираюсь в людях, мне случалось видеть сознательных лгунов... есть отличие. Всё равно, рано или поздно, Ф. выдала бы себя, если бы врала сознательно.

Она — совершенно искренняя чистая девушка, живущая именно вот в этом описанном ею мире. Значит, возможны 2 варианта.

— Ф. не совсем нормальна психически (кстати, вот это — распространённый среди целителей вариант, позже станет ясно, почему). Она не различает фантазии и реальность, живёт до такой степени в мире выдумок, что даже события своей реальной жизни считает возможным переинтерпретировать (при таком подходе, скажем, свои милитаристские мечты, которые иногда присутствуют и у меня — люблю же я писать о военных самолётах, к примеру — выдать за реальную службу в армии и **самой в это поверить**).

— Всё, что говорит Ф. — правда.

И это — гораздо худший вариант. Для нас и для всего мира. Но ВСЁ правдой быть не может. Ну, не может Христос советоваться с Аллахом и Шивой и давать личные указания Ф., ни в какой церкви, естественно, не состоящей.

А вот, духи, выдающие себя за этих богов и за Самого Бога, существовать могут вполне.

Вопрос — что хотят эти духи от нас?

Часть пятая (самая маленькая). Теоретическая

Об агрессивности и дискуссиях

Следующий вопрос, который обязательно встанет у читателя.

Ну, хорошо. Вот есть такие эзотерики. Есть у них своя литература, а в Германии они и вовсе тихонько занимают свою жизненную нишу, никуда не высовываясь. Но ведь, жить они никому не мешают!

Хочешь — ходи к нормальным врачам, никто тебя не держит. В конце концов, когда мы захотели порвать со всеми этими кругами, мы и порвали, без особого напряжения.

Они же совершенно не агрессивны, они — воплощение добра, любви и ненасилия. В той же «Розе мира» на каждой странице — добро, любовь, ненасилие. И действительно это так! В основном, «спиритуальные» люди — очень добрые и мягкие, доброжелательные и приятные в общении.

Что там в будущем, какая Новая Эра... может, это всё фантазии. Да и нельзя же сейчас преследовать людей за то, что, может быть, когда-нибудь будет.

А вот, как раз, христиане отличаются (некоторые из них) злобой и нетерпимостью к инакомыслящим! Вот только допусти этих христиан к власти — сразу появится инквизиция, и всё такое... и бедные эзотерики уже в воображении мужественно идут на костёр, лишь бы не отречься от своих «духов».

Именно такое впечатление возникает. Именно такое впечатление возникнет и от этой книги,

я прекрасно это понимаю. Именно так думают сейчас обо мне мои бывшие друзья.

Будучи эзотериком, я была всепонимающей, мудрой, всё принимающей, ничего не отрицающей, никого не ругала, ни на кого не «наезжала».

А, как только обратилась в христианство — тут же злоба, агрессия, негатив, да ещё ведь и предательство — потому, что то, что я честно рассказываю во всеуслышание о том, что было у нас в обществе — это уже считается предательством.

Вопрос распадается на два. Первое — можно ли спорить с эзотериками, или это уже считается проявлением агрессии? («надо не дискутировать, а **любить**»).

Второе — чего, собственно говоря, плохого мне сделали эзотерики?

Что мне от них нужно, и почему я так уж не могу спокойно относиться к их существованию в этом качестве?

«Надо не дискутировать, а любить». Этот девиз был принят в нашем обществе. Но практически все эзотерики, которых я видела, могли бы под этим подписаться.

Но, удивительно следующее. При необъятной широте воззрений, при практически полном «допуске» любого мировоззрения («Может быть, вся эволюция заключается в слове «допустить» — Агни-Йога) — по крайней мере, так декларируется — эзотерика почему-то совершенно не признаёт существование очень распространённого в мире нормального христианского мировоззрения.

«Мы допускаем всё, мы считаем, что все религии и учения одинаковы, они — лишь разные пути к одному и тому же Богу». Очень хорошо.

А есть такие люди (и их довольно много), которые НЕ считают, что все религии одинаковы. И что все религии являются равнозначными путями к Богу. Это, к примеру, нормальные, обычные христиане, которых большинство.

Для нас путь к Отцу — только через Сына (а не через Кришну, или «просветление», или «расширение сознания»). Кроме того, мы настаиваем, чтобы это называлось именно так, как сказано в Символе Веры, поскольку придаём очень большое значение формулировкам.

Вот давайте обозначим: это ВЫ, считающие так. А это МЫ, считающие иначе. И давайте уже с этих позиций разговаривать. Так, как разговаривают православные с католиками. Мы — разные, говорят они.

Между нами ЕСТЬ разница, и с обеих сторон мы считаем, что она принципиальна, более того, каждая из сторон считает, что именно она права, а другая заблуждается. И с этих позиций можно вести диалог. Можно некрасиво ругаться, а можно очень цивилизованно, обогащая друг друга, дискутировать.

Но эзотерики не хотят обозначать эту разницу между нами и вставать на равные позиции, чтобы вести диалог. Они предпочитают просто не замечать того, что вот есть другие люди, такие же умные и хорошие, но придерживающиеся другой точки зрения, назовем её «ортодоксальной».

Они даже не начинают спора. Просто заранее обозначают противника: «упёртые», «замшелые сознания», «не стоит спорить с тупицами и защитниками старого».

Вот типичный пример попытки разговора с Александром В..

Я: «Вы думаете, что православный священник одобрил бы Анастасию?»

В.: «Вот, пожалуйста, в книге отзывов два положительных отзыва православных священников».

Я: «Ну, два священника на всю страну, конечно, могут найтись... бывают и гомосексуалисты-священники, в конце концов. Но большинство?»

В.: «Ну и что — большинство... есть и нормальные священники, не с зашоренным сознанием».

Ну, что ответишь на это? Ничего. Зашоренное сознание — и точка. Если эзотерику нужно, он просто объявляет: это у вас не настоящее христианство.

Настоящее — это Серафим Саровский, Сергей Радонежский, Франциск Ассизский (причём, он как-то упускает из виду, что перечисленные святые тоже, увы, обладали тем же «зашоренным сознанием»).

И сейчас есть прогрессивные священники, с незашоренным сознанием! А вы — так, мусор истории. Чего с вами спорить?

То есть, точке зрения противника сразу просто отказывают в праве на существование и даже пытаются вообще отделить её от христианства («того положительного, что есть в христианстве»).

Интересно, когда эзотерики заявляют: это у вас не настоящее христианство, настоящие — последователи Св. Сергия и Св. Франциска — с незашоренным сознанием, и они бы признали и Розу Мира, и вообще все наши идеи — они хоть понимают в глубине души, что подавляющее большинство священников, и все церковные иерархи, вплоть до Папы и Патриарха обладают, как раз, «зашоренным сознанием»?

Или всерьёз считают, что Церковь готова принять их учения?

Самое смешное, что я-то хорошо понимаю точку зрения эзотериков — так недавно я её разделяла.

И только когда моё сознание стало «зашоренным», я вдруг увидела, что вокруг есть **разные** люди, и разные точки зрения, и они не хуже и не ниже меня, и с ними можно спорить, пытаться переубедить, самой чему-то у них научиться.

Что есть не просто «вседопускающие эзотерики» и «окостенелые фундаменталистские сознания» — а есть мусульмане, иудеи, католики, православные, лютеране...

А когда я на «всех этих фундаменталистов» смотрела с высоты некоей Интеррелигии, с недостижимой **надрелигиозной** якобы высоты — я этого пёстрого многоцветья человеческих мнений и не замечала.

То есть, тебя заранее записывают в «упёртые» и «окостенелые». И когда ты вылезашь и начинаешь что-то доказывать, на тебя смотрят, как на живое ископаемое. И при этом, обвиняют в агрессии!

Как ты смеешь доказывать, что ты не «окостенелый»? Это же агрессия! Как ты смеешь судить нас, таких добрых и всепонимающих? Это — настоящая инквизиция!

Бывают, конечно, христиане, которые действительно ведут себя агрессивно. Они ведь — люди, со всеми человеческими недостатками. То же и с эзотериками — есть среди них агрессивные, есть спокойные.

Но я сейчас говорю об общей тенденции, о предвзятости, которая уже заранее возникает, когда «эзотерик» смотрит на «ортодокса».

И ещё есть одна причина, почему эзотерики считают христиан жестокими и агрессивными (хотя, в наше время, реально христиане обладают ничуть не большими, скорее, меньшими возможностями по причинению кому-нибудь вреда).

Для эзотериков очень болезненно любое замечание в адрес их кумиров. Одна девушка мне так и сказала: «А я не хочу с тобой об этом говорить. Мне больно слышать, как ты всё, что мне дорого, поливаешь грязью».

При этом, «поливание грязью» — это любое вообще возражение. У меня нет обыкновения выражаться в стиле: «эта гуляющая девка Анастасия». Я обычно всё же стараюсь сохранять корректность. Но — не помогает. Всё равно — «мне больно».

При этом, сами они не замечают, как, походя, легко срываются у них обвинения в адрес и христианства (замшелые или зашоренные сознания) и даже богохульства (повторять, разумеется, не буду). Но! Мне лично — **не больно** это слышать.

Мне это в достаточной степени безразлично. Не очень приятно, когда «наезжают» на мою личность, это да — но я стараюсь из таких «наездов» извлечь урок смирения, так что у меня нет причины их избегать.

А когда ругаются на христиан в целом, на Церковь... да пусть ругаются! Какая мне разница?

То есть, я, конечно, всегда считаю своим долгом возразить, но меня такие наезды не ранят, не выводят из равновесия. Церковь ещё и не такое выдерживала... «И врата ада не одолеют её».

Что касается богохульств — я стараюсь помолиться за людей, их произносящих, поскольку им всё-таки ведь отвечать придётся.

Причём, я прекрасно помню — когда я была теософом, то любое критическое слово в адрес Блаватской вызывало у меня бурю эмоций. Как же — «несчастную страдальицу» опять притесняют!

Так что, я прекрасно понимаю тех, кому «больно». И кто, поэтому считает любую критику и

любое возражение «агрессией».

Ещё одна особенность восприятия христиан эзотериками.

Как только я довольно робко призналась Лене в том, что исповедовала свои грехи и собираюсь теперь следовать только церковным путём (честное слово, больше моя фраза ничего не содержала!) Лена посмотрела на меня, прищурившись, и очень ехидно спросила:

— И что, ты считаешь, что ты нашла Истину?

Каюсь, я не была достаточно твёрдой, чтобы ответить: да. Истина — в Христе. Я что-то там проямлила.

И тут же мне пришлось ответить за всю Церковь (причём, как известно, половина антицерковной пропаганды, если не больше, высосана из пальца): и за Святую Инквизицию, и за альбигойцев, и за Константинополь, и за бедных еретиков, и за бедного Галилея...

Я ещё ни слова критического не произнесла в адрес эзотерики или в личный адрес Лены, а она уже ехидно спрашивала меня при встрече: «Ну, что? Будешь с еретиками разговаривать?» (правда, возможно, она обиделась на мой новый роман, но ни к ней, ни к её кумирам он не имел отношения).

То есть, человек переносил свои представления и всё, что он, по его мнению, **мог** от меня услышать, на мою реальную личность. Не на мои реальные высказывания отвечал и обижался, а на якобы возможные, по его мнению. И это — далеко не единственный пример.

Сколько раз, переписываясь с атеистами или эзотериками, сообщив, что я католичка, я слышала первым делом что-нибудь вроде: «Для вас все люди с другими убеждениями — враги, и вы готовы их уничтожить». Мне оставалось только пожимать плечами и гадать, чем я подала повод так думать.

А не было повода. Достаточно просто назвать своё вероисповедание, а человек уже сам выстроит в голове картину моего мировоззрения, которое, по его мнению, он прекрасно знает и понимает.

А уж, если начать что-нибудь критиковать!

Человек, который очень хорошо умеет обижаться, которому очень легко становится «больно» — может так же легко стать опасным для других. Уж это я хорошо испытала на собственной шкуре.

Но, тем не менее, я готова в любой момент вступить в полемику с любым эзотериком — как только тот проявит желание.

И второе. Почему я не отношусь спокойно и безмятежно к существованию всех этих явлений?

На самом деле, многие эзотерики — замечательные, интересные люди, яркие личности. Это люди, которые реально интересуются чем-то духовным, истиной, Богом, хоть что-то в жизни ищут. Часто это талантливые люди. Я лично даже предпочитаю общаться с эзотериками, чем с неверующими людьми.

И что плохого может быть в том, казалось бы, что существуют вот такие школы... ну, есть в них свои негативные моменты, но уж, не так всё ужасно! Вот такие общества, клубы... А целители — это и вовсе неплохо, они даже свой небольшой вклад в медицину могли бы внести.

Во всяком случае, эти люди хоть никому не угрожают, никого не грабят, живут себе тихо-нечко, никого не трогают. Пытаются, по мере сил, сделать что-нибудь хорошее.

Чего я к ним привязалась?

То же самое и книги — ну, пусть они существуют, зачем их жечь, запрещать, почему нужно себя ограничивать в чтении?

Вот ответу на этот вопрос будет посвящена следующая и последняя часть.

Часть шестая. Прозрение

Мой рассказ остановился на том, как я начала работать в издательстве «Вега».

Мы продавали «духовную» литературу. В основном — «Анастасию», которую перевели на немецкий язык. И «анастасиевскую» продукцию — кедровые плашки, кедровое масло, орешки.

Также книгу Евгения Авербуха и книгу Левшинова, переведённые на немецкий.

Мне всё это, как я уже говорила, нравилось.

Александр в те времена ещё заботился об обществе. В конце лета он (кстати, абсолютно единолично, не посоветовавшись ни с кем — впрочем, это его обычный стиль) установил новый порядок сборов. Теперь должны были проводиться раз в месяц так наз. «малые встречи» для живущих поблизости.

И раз в два-три месяца — «большие встречи». К «большим встречам» планировалось вызывать каждый раз каких-нибудь интересных людей: йогов, целителей, пророков, типа Плыкина... Чтобы люди что-то полезное почерпнули, значит.

А на «Малых встречах» у нас должна была проходить целая культурная программа. Причём, эту программу В. расписал на год вперёд, в подробностях, с точностью до 15 минут!

В субботу вечером мы должны были:

1. Помедитировать,
2. Заслушать доклад по истории религии (В. решил начать с христианства).
3. Доклад самого В. по музыке (он решил заняться нашим просвещением — тут он, безусловно, был прав).
4. Попеть хором.

Ну, а в воскресенье с утра предполагалось посещение какой-нибудь церкви. Один месяц — православной, другой — католической, третьей — адвентистов седьмого дня...

Меня — и то покорило. «Вообще-то, — сказала я, — В церковь так не ходят». «Почему?» — искренне удивился Александр. «Ну, вообще, надо уж выбрать одну конфессию, и туда ходить».

В первый раз мы как раз отправились в нашу католическую церковь. Мне стало неприятно, когда все наши дружно отправились за причастием. Но я ничего не сказала.

Странно, но почему-то у меня, ничего абсолютно тогда не знавшей о христианстве, был какой-то внутренний запрет: я не причащалась, не крестилась до тех пор, пока не получила крещение и конфирмацию. Я только потом узнала, что да, нельзя кому попало причащаться.

Но, ни у Александра, ни у остальных таких внутренних запретов не было... хотя Александр должен был знать — он человек начитанный. Ещё и православный. В общем, они причастились. Прости, Господи!

Потом вышли из церкви, и Александр начал меня расспрашивать: «ну, что? Ты что-нибудь чувствуешь, когда причащаешься? А я вот чувствую!»

Меня снова покорило. Такое ощущение, что для него всё равно — что Причастие, что медитация у Евгения. Лишь бы что-нибудь почувствовать.

Но это всё — прелюдия.

Надо сказать, что Александр всегда с большим интересом относился к любой возможности «просветиться», что-то там почувствовать, чему-то научиться в оккультном плане.

У меня есть подозрение, что здесь большую роль сыграло его честолюбие. Я помню, как он вдруг решил учиться работать на компьютере. У него ничего не получалось! Всё было просто ужасно. Наконец — это ему, собственно, и не нужно.

Он руководитель фирмы и должен руководить, а не работать на компьютере — для того работники и нанимаются! Но Александр учился просто с потрясающим упорством! Он выписывал команды на бумажку. Заучивал их. Стоял у меня за спиной часами.

А истинный его мотив выдала фраза, брошенная им Косте: «Вы думаете, вы такие умные, что умеете работать? И я могу этому научиться, какие проблемы»...

У Александра был небольшой «заскок» на тему способностей, талантов, умений. Моё элементарное умение набирать тексты слепым методом он называл «гениальностью». С явной завистью в голосе.

Ему всё нужно было уметь! Ему нужно было быть лучше всех — во всём!

Боюсь, что точно так же он относился и к оккультизму. Он постоянно с ноткой сожаления говорил: «А я ничего не почувствовал» (во время, скажем, медитации). «А я совершенно бесталаный, ничего не вижу, ничего не чувствую».

Кстати, по убеждениям Александр был чистым «розамиристом». В Сатья Саи он довольно

быстро разочаровался. А вот, «Роза мира» всегда оставалась для него Главной Книгой.

При этом, он считал и считает себя православным. В храм, правда, ездит крайне редко, по большим праздникам. Утреннее и вечернее правило не читает. Не исповедуется, естественно. Но зато, тщательно соблюдает посты.

Главный авторитет для Александра — «Роза мира». Теософию и Сатья Саи он не признаёт, к «Анастасии» относится, как к способу заработка.

Но, как раз, в «Розе мира» декларируется абсолютно беспечное отношение к развитию «сверхспособностей». Даже Блаватская и Е. Рерих предупреждают своих последователей об опасности таких занятий. Но Даниил Андреев относится к этому совершенно спокойно.

Кроме того, надо не забывать о неразборчивости, которая тоже в «Розе мира» проповедуется. По Андрееву находиться в рамках какой-то одной конфессии, конечно, лучше, чем быть вовсе атеистом — но это для «отсталых» сознаний.

Передовые сознания будут сочетать всё: православные молитвы с дзенской медитацией, с языческим поклонением мелким божкам, с изучением всех духовных откровений «правой руки» (включая, между прочим, антропософию, которую Андреев специально упоминает!)

Поэтому для передового сознания Александра было вполне характерно и естественно то, что он кидался из одного «духовного» увлечения в другое. Одно время он был убеждённым «ивановцем» — два раза в день ходил к реке обливаться и т.д.

Были у него и приступы «православия» (беру в кавычки, потому что посещение церкви с целью «зарядки» и спорадическая практика исихазма мне не кажутся признаками христианства).

Посещал он то Евгения, то «мать Миру» — с медитациями, разумеется. И всё время, видимо, его не оставляла мечта стать целителем, и что-то такое тревожило внутри — «У меня нет способностей!»

И вот летом 2000 года Александр, находясь в Петербурге, принял посвящение в 1-ю ступень рэйки.

Знаю только, что его учительницу звали Люба. Собственно, целителем он сразу не стал, но лечить немного пробовал. Когда мы переехали, у меня одним ужасным вечером жутко разболелся зуб. Так как это усугубилось депрессией, я не могла у себя снять боль, и терпеть было тяжелее, чем обычно.

И вот Александр предложил снять у меня боль с помощью рэйки. Так я впервые услышала о том, что он «посвящён». Александр выключил свет и велел мне закрыть глаза. Не знаю, что он там делал. Боль прошла.

Правда, после сеанса минут через пять она восстановилась в полном объёме. Так что, об эффективности рэйки у меня возникло вполне определённое мнение: биоэнергетика она и есть биоэнергетика. О её возможностях и границах я уже писала.

В общем, рэйки не играло вначале существенной роли в жизни Александра. Но вот, в октябре (или ещё в сентябре?) он начал, с некоторым даже ужасом, рассказывать о происходящих с ним явлениях.

Когда он лечил жену с помощью рэйки, он вдруг почувствовал, что руки его движутся не произвольно. Мне трудно об этом судить, но, наверное, действительно страшновато, когда ты ощущаешь такую невидимую силу, которая движет твоими руками.

Так у Александра появился Учитель.

Кажется, он и голос Учителя слышал... точно не скажу. Но главным образом Учитель проявлялся во время сеансов рэйки, активно двигая руками Александра.

Наш целитель, разумеется, тут же позвонил своей учительнице в Петербург. Люба ему разъяснила, что всё это хорошо, правильно, что он «растёт», и так и должно быть. Слушайся, мол, Учителя.

Ну, что же делать — Александр начал слушаться. Учитель начал принимать очень активное участие в жизни Александра.

Первым делом перестроилось питание «ученика». То есть, я не знаю, первым ли делом — но это было первое, что мы заметили. Учитель указывал, что Александр должен есть — с помощью всё тех же движений рук.

Я наблюдала это зрелище — Александр за столом. Его руки поднимаются над блюдами (мы что-то праздновали, и стол был хорошо накрыт), движутся как бы сами по себе, независимо от тела. (Конечно, при желании можно это симулировать. Но я уверена, что Александр не симулировал).

Помахивают кругами над одним блюдом, над другим, останавливаются над морковным салатом и нервно, крупными резкими движениями зачерпывают ложку, швыряют на тарелку Александра. Двигутся дальше, двумя пальцами захватывают кусочек перца, швыряют.

Александр стал очень плохо себя чувствовать. Шла какая-то перестройка организма. Несколько раз становилось плохо с сердцем. Мы очень переживали...

Потом здоровье его несколько стабилизировалось. И изменения пошли полным ходом.

Помню одну из «малых встреч», на которой Александр кормил нас собственноручно приготовленным ужином. Надо сказать, до этого он относился к готовке, как все мужчины — может, и умел что-то, но не то, чтобы сам готовил.

Теперь в доме готовил только он. Причём жена (И.) должна была есть то, что он готовит.

А готовил он так. «Учитель» двигал его руками, швыряя в кастрюлю всё подряд — куски яблок, овощей, картофеля, картофельные очистки, соль, сахар, разные специи (точно также он закупался на рынке — повинувшись указаниям «учителя»).

Самое интересное — то, что он готовил, получалось, по крайней мере, съедобным.

На той встрече он кормил нас запеканкой из «всего на свете», по описанному выше рецепту. Мне лично даже было вкусно.

Тогда он ещё мог разговаривать нормально и вёл себя адекватно.

Особым вниманием к человеку, способностью хоть к какой-то дружбе В. не отличался никогда. Часто во время разговора он погружался в задумчивость, взор его устремлялся вдаль, и мы понимали, что он сочиняет музыку.

Кстати, о музыке — последним произведением В. была «Роза мира». После этого он долго писал какие-то наметки к будущему грандиозному произведению: композитор задумал «озвучить» все 4 Евангелия! (Что вообще говорит об уровне его притязаний).

Это произведение закончено не было. А где-то в начале всей своей «духовидческой» эпопеи, Александр заявил, что теперь навсегда отказался от музыки ради «религиозно-общественной деятельности».

Насколько мне известно, это и до сих пор так — кажется, он действительно перестал заниматься творчеством (вопрос — осталась ли у него хотя бы способность к таковому...)

Короче говоря, Александр был человеком скорее нелюдимым, интровертированным. Теперь эти его качества ещё усилились. Он стал проводить очень много времени в лесу.

С людьми почти не общался. Уже тогда он перестал приходить на работу в издательство, заглядывал туда только изредка и ничего толком не делал.

Мы с Костей крутились вдвоём, помогала и Лена (её младший ребёнок ещё не ходил в сад). Уже тогда с Александром стало неприятно общаться, чувство собственного превосходства, и без того всегда сильное у него, выросло ещё больше.

Кстати, я с ужасом узнала, что когда нас ещё во Франкенеке не было, Александр и семья Кости уже начали конфликтовать. Причины были следующие: Александр, как обычно, предпочитал абсолютно всё держать в своих руках и все решения принимать единолично.

Особенно это не нравилось Лене. Она пыталась сама что-то организовать в обществе (например, материальную помощь больной внучке одной из членов общества, живущей в России) — Александр устраивал ей за это выговоры (как она могла без его ведома, через его голову!)

Решения, которые принимались им по издательству совместно с Костей, могли в любую минуту быть изменены без оповещения остальных. Так, Александр самолично, вопреки договору с ребятами, заключил договор на издание книги с целителем Левшиновым.

Эта книга, к слову, до сих пор лежит в издательстве мёртвым грузом — такой литературе необходима раскрутка, на которую денег нет. Ну и множество других мелочей.

При этих конфликтах Александр позволял себе, например, такие высказывания: я значительно старше вас, и естественно, никакого равенства между нами быть не может (в принципе, он прав

— но это так странно звучит после уверений о любви и равенстве в нашем обществе, после настоятельных требований называть всех на «ты» — он даже сказал Лене: «Если ты ещё раз назовёшь меня на «вы», я не буду с тобой разговаривать»).

Ну, конечно, вы приехали из Казахстана... а мы всё-таки — столичная интеллигенция. Также он намекал и на разницу в образовании.

Мне он такого не говорил, хотя ко мне всё то же самое можно и отнести: я не образованна, молода, из провинции... Но и по отношению к нашим друзьям я считаю это хамством.

Ну, вот, теперь все эти качества усилились в Александре. Иногда он вёл себя довольно-таки хамски и по отношению к своей жене.

Наша реакция на все это была практически схожей: все мы сначала возмущались и недоумевали этим изменениям в Александре, а потом приняли их, как должное и начали относиться к Александру, как к Учителю.

У меня этот процесс прошёл довольно быстро. Возможно, потому, что я поначалу мало видела дурных проявлений Александра, со мной он был довольно мил, дома я с ним не общалась близко.

В то же время, он часто заговаривал со мной о чём-то возвышенном — что мне и льстило, да и просто было приятно и интересно.

Кроме того, я переезжала во Франкенек уже с чётким пониманием того, что придётся подчиняться Александру во всём.

В принципе, ничего плохого нет в подчинении старшим. Я сторонник иерархии, послушания (в частности, церковного). Конечно, это не должно переходить границы, во всём должна быть мера — ведь человек всё равно отвечает за себя сам.

Правда, мне казалось вначале, что наше общество должно быть более демократичным. Но когда передо мной жёстко встал вопрос: отказаться от собственных мыслей и идей, от собственного творчества в обществе — или уйти из общества совсем — я выбрала первое.

Уйти из общества? Для меня это было равнозначно тому, чтобы отвергнуть призыв Бога. Пойти против Бога. Навсегда завязнуть в болоте обыденности, уже без шанса на новый подъём...

Если путь к Богу лежит через подчинение Александру — что же, я на это готова. Тем более, Александр действительно умный, образованный человек, у которого можно почерпнуть много полезного. И явно искренне относится к задачам Розы Мира.

Я не обожествляла Александра, не делала из него кумира — я видела прекрасно его недостатки. Но я понимала, что подчинение неизбежно, если я хочу остаться в обществе.

Лена до сих пор не понимает меня в этом и заявляет: ну, а я никогда Александру не подчинялась и не собираюсь! Да, я действовала сама, хотя он мне и устраивал головомойки! Александр — это Александр, а общество — это общество!

Но это, как раз и показатель. Ведь Лена никогда не пыталась спорить с Александром по глобальным вопросам — внесение изменений в Устав, изменение «внутренней политики» общества, мировоззренческие вопросы.

И если даже такие мелочи (сбор средств для ребёнка, брать ли бумажные тарелки или пластиковые) были предметом «головомойки» — то, что говорить о моих попытках спорить с Александром о действительно важных вещах....

Я понимала и то, что Александр — возможно, не самый умный и не самый достойный человек в обществе. Но повторяю — это было подчинение не конкретному человеку. Это было подчинение руководителю общества, заменить которого действительно не представлялось возможным.

И раз уж мы выбрали его, согласились с ним — то надо было вести себя так, как он требует. Конечно, хотелось бы, чтобы он тоже обращал какое-то внимание на нас, выслушивал, учитывал наши мнения, а не действовал всегда единолично.

Но, раз уж он такой — надо терпеть. Это в характере русского человека, и это я считаю в принципе правильным (хотя, как мы видим, это же качество может быть вредным — в секте).

И вот, когда с Александром стали происходить все эти изменения, я сделала закономерный вывод:

Наше общество явно (я упоминала о чувстве присутствия Высшего, о необыкновенно «свет-

лой» энергетике в самом начале) находится под влиянием каких-то Светлых сил.

Наше общество, несомненно, призвано сыграть большую роль в деле преобразования мира.

Руководитель и вдохновитель нашего общества — Александр. Он играл в нашем обществе большую роль, чем Ленин или Сталин в коммунистической партии. Практически «Александр» и «общество» — было одно и то же. (Как сетовала А.: «Ну и не будет у нас Саши, и не будет у нас общества...»)

Александр сейчас (неважно — через рэйки или другим каким-то путём) проходит «посвящение». Он станет, видимо, ясновидящим и яснослышающим, и сможет непосредственно воспринимать указания Высших Сил.

Высшие Силы отныне будут руководить нашим обществом непосредственно, передавая свои указания Александру.

Как бы мы ни относились к нему лично и к происходящему с ним, наш долг — принять волю Высших Сил. (Разумеется, для меня тогда было несомненно, что силы эти — Божественные).

Так я примерно и объяснила свою позицию остальным. Рано или поздно — но все живущие во Франкенеке и поблизости эту позицию приняли.

Хотя и видели некоторые несообразности в поведении Александра, но их объясняли (вполне логично) тем, что человеку трудно так сразу приспособиться к восприятию информации свыше.

Труднее всех было Косте. Во-первых, его отношения с Александром давно уже дали трещину. Были и какие-то финансовые размолвки между ними. И вообще... Во-вторых, он очень тесно общался с Александром.

Это случилось, когда Костя с Александром отправились на книжную выставку. По дороге «учитель» Александра начал давать указания: свернуть туда... свернуть сюда... Костя (он вёл машину) подчинялся этим указаниям, скрипя зубами.

В результате, они заблудились окончательно, но к счастью, «учитель» замолк наконец, и Костя смог кое-как найти дорогу, они опоздали на 5 часов. Костя был в транс...

Но, на следующий день Александр поговорил с ним, и... Костя принял всё. Костя, как и я раньше, принял это «руководство свыше». Он даже поклялся Александру, что будет с ним до конца, что бы ни случилось. Видимо, это была трогательная и возвышенная минута...

Наступила та стадия, когда «ясновидение» Александра продолжало развиваться, и все мы, включая его жену, приняли это, как должное, и стали относиться к Александру с ещё большим пietetом и почтением.

Целыми днями Александр бродил по лесам. Он приносил из леса грибы, и камни. Ел сырые грибы, подчиняясь руководству учителя. Питался, как и прежде — только собственноручно приготовленной пищей. Так же заставлял питаться и жену.

Вообще ей, бедняжке, досталось больше всех. Дальнейшее я знаю с её слов — но у меня абсолютно нет причин ей не доверять.

Александр выбросил все её украшения и всю косметику. Все подарки, полученные ею на день рождения, были разбиты, разодраны и отправлены в мусор (разумеется, всё это делалось по указанию «учителя»).

Из леса Александр приносил домой грязные опавшие листья, камни, насекомых, всё это разводил водой, заполнял ванную, купался сам и заставлял купаться жену, ведро с этой грязью постоянно стояло в ванной. Александр также практически перестал спать.

И говорила ещё о каких-то изощрённых издевательствах, которым Александр её подвергал (под видом лечения), но ей было стыдно вдаваться в подробности.

Вообще Александр начал лечить. Всех. По просьбе и при отсутствии таковой. Моего мужа, к примеру, он лечил так. Делал «массаж» — то есть, попросту колотил по спине рёбрами ладоней до тех пор, пока муж не начал уже орать от боли.

Костю он заставлял залезать в дымящуюся горячую ванну, и упрекнул в «недостатке силы духа», когда он отказался (или — не знаю точно — возможно, что залез, но тут же вылез обратно). Ко мне он подошёл однажды, при всех (было собрание общества) взял за ухо и начал изо всех сил выкручивать.

Я это дело вытерпела — как же, это же «лечение», после чего Александр мне велел снять оч-

ки и больше не надевать, хотя бы сегодня (зрение -6). Я выдержала без очков часа два. Ухо ещё долго было красным.

Кстати, сам Александр тоже перестал носить очки. «Учитель» обещал ему исправить зрение.

Ну и так далее. Лечил он, словом, всех. Но в особенности, свою жену.

Её же он решил обратить в православие (формально она лютеранка). Очень простым методом. Александр сказал жене: «Если ты не обратишься в православие, я повешусь».

Поехали все вместе в православную церковь. Это от нас часа два езды — церковь в Дармштадте, основанная Николаем II и принадлежавшая семейству Романовых.

Александр и его жена беседовали со священником. Священник, разумеется, ничего не знал об обществе, о деятельности Александра. И. потом рассказывала: «Он меня спросил, не лечилась ли я от сглаза у каких-нибудь целителей. Я сказала — нет. Но ведь, это была полуправда! От сглаза я действительно не лечилась, но лечилась от другого».

Однако, только И. волновало то, что она вынуждена была солгать — Александра это несколько не трогало.

И., впрочем, так и не перешла в Православие, не успела.

Причём, Александр ей подавал Православие в таком виде: ты моя жена и обязана слушаться! Это современной, всю жизнь обеспечивавшей семью, очень хорошо интегрированной в немецкую жизнь женщине...

К чести И. надо сказать, что она приняла идею послушания, хотя и с трудом. И каково это — послушание человеку, который над тобой издевается день и ночь (я ещё скажу об этом ниже).

Я помню, как мы приехали в эту церковь. Собственно, это было по нашему плану «общего развития» — посетить православную Литургию. Вышли из машин (человек 10 нас было). И. раздала женщинам платочки. Александр достал мешок, как дед Мороз, и стал всем раздаривать вещи.

Мне подарил икону св. Иоанна Богослова, и сказал, что это мой святой покровитель. И всем что-то подобное — иконы, свечки, книжки. У входа на свои деньги купил всем по «Молитвослову». Нам было очень не по себе, стоит всё это не дёшево. Мы пытались всучить деньги ему, И., но — тщётно.

На службе Александр встал впереди. Очень благообразный, сухонький, в чёрном концертном фраке, с седой бородкой, с горящими глазами — русский интеллигент начала прошлого века.

Наверное, тоже неплохо «зарядился» Причастием.

Я знаю далеко не всё, что происходило с Александром в то время. Пишу только о том, что знаю точно, в основном — что видела своими глазами.

Надолго запомнилась мне одна сцена в доме Александра. Он пригласил меня на обед (я задержалась на работе).

В ту пору он начал общаться с деревьями и вообще всеми предметами. Идёт по дороге и каждому дереву говорит «Здравствуйте». Со зданиями тоже здороваются. Зайдёт в офис, поздоровается с помещением, с книгами, с картинами... может и тебя заметит, кстати.

(Лена говорила с досадой: «Я понимаю, что у него проснулась любовь ко всему существу... но почему он так любит деревья, и так по-хамски относится к людям?»)»

В общем, обедала я у Александра...

Он накрыл на стол — опять приготовленное им самим блюдо — суп со «всем-на-свете» (плавающие большие куски свеклы, картофеля, моркови, какая-то крупа), впрочем, довольно приятного солёно-сладкого вкуса.

Обедали Александр, И. и я. Александр сначала долго читал стоя какие-то сложные, от «учителя» данные молитвы. Сели. И. начала отмахиваться от залетевших мушек-дрозофил и воскликнула в сердцах: «Опять эти противные мушки! Саша, это всё потому, что ты очистки не выбрасываешь!»

Александр подошёл к жене сзади и заткнул ей с силой рот. По-видимому, нажим был очень сильным, бедная И. едва терпела боль. Я не знала, куда мне деваться — то ли встать и выйти, то ли заступиться за И., в конце концов, продолжала сидеть, всё ещё веруя в праведность Александра.

Он, наконец, отпустил жену, и начал её отчитывать. Очень грозным тоном, в таких выраже-

ниях:

— Как ты смеешь называть их противными? Они посланы нам от Бога! Это тебе в наказание! В наказание, за то, что ты непокорна! И ещё больше их будет! Пока ты не смиришься! Как ты посмела!

Бедная И. опустила глаза в тарелку. В глазах её стояли слёзы. Из последних сил она старалась сохранить какую-то видимость «приличия» — всё же, присутствовал посторонний человек. Наконец, выслушав хамскую проповедь мужа, она тихо сказала:

— Я всё понимаю, Саша. Всё. Я только не понимаю хамства.

— Это ты хамка! — взвился муж, — Потому что ты посмела назвать эти Божьи создания противными!

Я не знала, что и подумать...

— Ешьте, — приказал Александр, и мы начали есть. Хотя, кусок в горло не шёл.

Можно обвинить меня в какой-то подлости — видя такое хамство Александра, я не только не дала ему отпор, но даже внутренне его поддержала. Но надо не забывать, что только недавно надо мной ещё хуже издевался мой собственный муж — и ведь, я приняла всё это, как должное...

По сравнению с тем, что делал тогда мой муж, это поведение Александра было ещё приемлемым (впрочем, можно представить, что он творил в отсутствие посторонних!). В конце концов, всё это по указанию «учителя»...

После супа И. схватила яблоко и вонзила в него зубы. Действительно, суп сытным назвать было нельзя (а учитывая, что И. так питалась всё время — а полной её никак не назовёшь...) И снова последовала «головомойка». Александр выхватил надкусанное яблоко у жены и закричал громовым голосом:

— Что ты сделала? Что ты сделала?

— А что я сделала? — удивилась И., — Я не наелась. Я хочу ещё яблоко.

— Оно тебе сейчас вредно... — И Александр, наклонившись к надкусанному яблоку, ласково спросил его, — И. можно тебя сейчас съесть?

Голова Александра медленно и как бы против его воли покачалась из стороны в сторону.

— Вот послушай, — обратился он к жене, — Оно говорит: я всё лето зрело, готовилось, ждало, и вот я пожертвовало собой, только для того, чтобы принести человеку пользу. Чтобы меня съели, и чтобы человек стал здоровее. А теперь я не принесу никакой пользы...

Меня надкусили, и я пропаду, меня уже нельзя хранить дольше, я попаду в мусорное ведро, и вся моя жизнь, моя жертва будет напрасной. А есть меня И. сейчас нельзя — ей будет только хуже от этого.

Признаюсь — и каюсь — это было сказано таким проникновенным тоном, что моя душа прямо-таки затрепетала. Неужели, думала я в этот момент, всё, что мы едим, все наши продукты так же жертвенно к нам относятся? Я задала этот вопрос Александру.

— Да, конечно, — ответил он.

— А им больно, когда мы их едим?

— Сейчас спрошу, — Он взял со стола пачку каких-то сухарей и стал спрашивать, — Тебе больно, когда тебя едят?

Голова его качнулась утвердительно.

— Но ты всё равно хочешь, чтобы тебя ели?

Снова кивок.

У меня даже слёзы на глазах проступили. Так я переживала за бедные жертвенные яблочки и сухари.

Александр снова обратился к яблоку, прислушался, якобы, к его ответу, и сказал:

— Оно говорит, его можно сварить и съесть варёным... Вот, И., свари его немедленно, и впредь так не поступай, не спросив у меня.

Не следует думать, что Александр всё время обращался с женой только так. Иногда, наоборот, у него возникали пароксизмы любви, он очень трогательно о жене заботился, называл её ласковыми словечками. Это, конечно, и сбивало с толку И.

Она, видимо, просто не могла понять, что происходит с мужем — то ли он «просветляется»,

то ли с ума сходит. Она честно пыталась ему «подчиняться», полагая, видимо, что всё же, что-то в этом безумии есть правильного. Впрочем, мы вели себя ещё намного дурнее.

Уже тогда нас начало трясти при одном появлении Александра. Мы ещё испытывали по отношению к нему некое благоговение, да и он вёл себя прилично.

Но, стоило ему войти в помещение, как всё вокруг словно наэлектризовывалось. Причиной были даже не сами действия Александра, не его слова — а всё вместе, весь его облик.

Хотя и «работал» он весьма оригинально. Приходил, садился за свой стол, то сидел задумчиво, глядя перед собой, то начинал лихорадочно что-то писать. Иногда он показывал нам плоды своих «трудов» и громко посвящал нас в «тайны». В основном, это были предсказания...

Впрочем, я не могу припомнить именно предсказаний того периода, об этом — немного позже. Если кто-нибудь звонил на его телефон, Александр брал трубку, то обязательно начинал человеку (иногда совершенно постороннему, левому) говорить всякие совершенно дикие вещи.

Например, пророчествовать о суперроли этого человека в Розе Мира будущего или (непонятно почему) в нашем издательстве. Или давал обещания: «Во время встречи с Мегре 6 января вам будет вручён сюрприз».

Или начинал филологический анализ фамилии позвонившего... Хорошо ещё, что нам звонили тоже эзотерики, люди с явно нестандартным мышлением — а то бы Александр распугал всех клиентов.

Александр провёл ревизию книг (в офисе издательства собрана эзотерическая библиотека). «Учитель» его руками часть книг выбросил, правда, очень небольшую. Принцип отбраковывания книг я не поняла. То же самое Александр проделал у себя дома.

Он всё больше и больше менялся. В его поведении появились несвойственные прежде черты, совершенно необычные. Например, он стал подчёркнуто вежливым, особенно с женщинами, прямо-таки кидался подать пальто, услужить. Целовал руки.

Иногда на него нападало желание публично покаяться (в основном, правда, с Леной), он начинал ругать себя, что всю жизнь жил неправильно, и теперь вот наконец-то у него открылись глаза...

Это, так сказать, положительные проявления. Но для нас они были пугающими.

Казалось бы — это приятно, когда тебе целуют руку. Но это он проделывал настолько странно, настолько подчёркнуто, демонстративно, словом — это выглядело вовсе не обычным жестом уважения к женщине, а каким-то поступком параноика... Что даже все эти «хорошие» проявления Александра пугали нас.

Правда, тогда мы верили ему, если он начинал пророчествовать, учить... мы действительно считали, что это — свыше.

Легко, конечно, судить нас, не будучи рядом. «А вот я бы сразу понял...» А может быть, и нет. Ведь, никто тогда не понял! Даже посторонние люди приезжали и, после разговора с Александром, прослезившись, были готовы служить ему до конца дней своих.

Дух, руководивший Александром, был хитёр и далеко не глуп.

Вскоре приехала та самая целительница из России. Назовём её Фаиной. Я уже рассказывала о ней — та самая, которая получает указания от Аллаха, Шивы и Христа одновременно.

Это звучит дико, когда об этом рассказываешь. Вообще любой эзотерик сейчас скажет: ну конечно, это просто какие-то психи ненормальные собрались, восторженные, которые готовы во всякую ерунду верить.

Вот я не такой! Я здравомыслящий! Я прекрасно отличаю правду от ерунды, я всё подвергаю сомнению. Мной невозможно манипулировать. Если бы мне человек стал такое «вкручивать», я бы послал его подальше.

Всё это так, но ведь, мы тоже считали себя абсолютно здравомыслящими! На собраниях общества иногда говорилось о «тоталитарных сектах» — о Виссарионе, мунитах — мол, они опасны, они манипулируют людьми... уж мы-то на такую удочку никогда не попадёмся!

Мы тоже считали, что подвергаем всё сомнению, что пошлём подальше того, кто нам будет рассказывать небылицы...

Но человек не учитывает того, что всё это происходит постепенно, поэтапно. Затягивает всё

больше. Сначала тебе говорят: мы, как «розамиристы», не должны ничего отвергать и отрицать. За исключением «учений левой руки» — ну, конечно же, сатанисты — это зло! Но где они, эти сатанисты...

А всё «хорошее» мы принимаем. То есть, если человек говорит о любви, о Боге, произносит какие-то положительные слова, мы обязаны его принять. Если мы осмелимся ему в чём-то возразить, нас «внутренний цензор» тут же одёрнет: а как же Любовь?

Ты любишь спорить, ты всё меришь рассудком, в тебе так мало Любви... А если человек еще произнесёт какую-то талантливую фразу или окажется умелым манипулятором — всё, успех ему обеспечен. Дальше — больше.

Как, например, я поверила Фаине? У нас как раз накануне с мужем была ужасная ссора. Я плакала всё утро, готова была повеситься. А тут как раз приехала Фаина! Я позвонила В., и он тут же договорился о моей встрече с целительницей.

Фаина — приятная, очень милая, хрупкая молодая женщина с горящими чёрными глазами. Очень внимательно меня выслушала, расспрашивала о жизни, о муже — так сочувственно. Мне уже от одного этого сочувствия легче стало! Потом она ушла «получать информацию».

Вернувшись, первым делом сказала:

— Конечно, в этом конфликте я на вашей стороне... вы правы, а он вёл себя безобразно.

Уже одно это услышать (после лицемерного поведения всех моих друзей) — что это для меня значило!

И Фаина разложила передо мной всё по полочкам. Муж меня не любит и никогда любить не будет. (Я это и без неё подозревала, так что, она подтвердила мои мысли). Но я должна терпеть ещё 9 месяцев, и делать для него всё, что возможно, стараться ему угодить.

Обратите внимание — стараться... но всего 9 месяцев! А потом или всё станет очень хорошо, или мы разведёмся. И это произойдёт легко, само собой.

(Надо ли говорить, что предсказание это не сбылось. Через 9 месяцев ровно ничего особенного в нашей жизни не случилось).

И после такого облегчения — как я могла не поверить Фаине! И так же она поговорила со всеми присутствующими. Да, забыла, она ещё просматривала «прошлые жизни». Но это — другой разговор.

И уже после этого Фаина начала рассказывать о себе всё это — и про армию, и про болезнь, и про Шиву с Аллахом.

Ну, невозможно ей в тот момент было не поверить. Ведь все поверили! И вы бы поверили, если бы вы там оказались, и смотрели в её честные чёрные глаза, и слышали её тонкий, нежный голос...

Это я о механизме веры. В общем, о самой Фаине распространяться не имеет смысла. Единственное, мне казалось, что она повлияла на состояние Александра.

Она жила у него на квартире. Кстати, каждый такой «сеанс» стоил 100 ДМ. Мы за нашу семью заплатили 400. (Фаина оправдывала это какой-то дикой историей о том, как её муж влез в долги, чтобы помочь людям, и теперь до конца своей жизни будет эти долги отдавать, поэтому, они живут очень бедно, а работает она только на долги).

И вот, с момента вселения Фаины, состояние Александра стало резко ухудшаться.

Может быть, она ни при чём, и это был естественный ход «болезни». Ведь все эти проявления начались гораздо раньше, чем она приехала.

Вскоре у нас было проведено очередное собрание общества («большая встреча»), изюминкой которой должна была стать Фаина.

На этой самой злосчастной встрече Александр показал себя во всей красе. Большинство членов нашего общества только по этой встрече и знают о происшедшем.

Проводилось собрание не во Франкенеке, а на севере — несколько часов езды от нас — в доме приятеля одного из членов общества, совсем недавно построенном. Большой, гостеприимный дом, хозяева — реалисты, но настроенные благожелательно ко всему «духовному».

Александр вышел перед народом. Я, помнится, ещё подумала, как он сильно изменился внешне.

В тот момент уже ничего не оставалось в нём от благородного пожилого питерского интеллигента. Очков он теперь не носил, маленькие тёмные глаза сверкали дико на потемневшем, словно монгольском лице.

Волосы его были всклокочены, как-то странно подстрижены, далеко обнажён низкий, покатый лоб. Этот облик Александра запечатлён на многих фотографиях — выглядит он просто жалко и страшно.

До сих пор собрания нашего общества носили вполне благопристойный, культурный характер. Ничего специфически сектантского в них не было.

Спокойное обсуждение проблем, голосование, умные разговоры о культуре, о «духовности», люди делились опытом — словом, действительно даже со стороны никто не мог заподозрить в нас секту.

Не было у нас каких-то особых ритуалов (разве что, медитация перед началом и в конце пение под гитару песни «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались»).

Всё изменилось в этот раз. Александр, вдохновлённый своим «учителем» (точнее, он тогда уже начал слышать многих «учителей»), всё взял в свои руки.

Надо было видеть и слышать, как он говорил, как пророчествовал! Глаза его сверкали благородным огнём безумия! Он напоминал в эти часы библейского пророка.

Он даже не то, что говорил, он рёк — и ясно ощущалось, что это не его слова (впрочем, часто Александр делал паузу и заводил глаза кверху, как бы прислушиваясь к Высшему).

Он говорил, что сегодня самый знаменательный день нашей жизни (вообще, всё в то время у него было Самое — Самый Великий, Самый Главный День, Самый Важный для нас человек, Самое главное на Земле). И действительно, все ощущали совершенно необычную атмосферу.

Вспоминалось первое собрание общества — да, безусловно, и тогда был вот такой же дух Присутствия. Вдохновляющий, озаряющий, сплывающий (тьфу ты... как в Гимне Советского Союза получилось). Что отныне наша жизнь изменится круто и навсегда...

(О, это страстное желание вырваться из серых будней!)

И это было так! Этому невозможно было не поверить!

Александр сообщил, что вокруг нас присутствует целый сонм Великих Духов. В частности: сам Д. Андреев, Анастасия, Св. Георгий-Победоносец (О нём — позже)... не помню, кто ещё. В общем, много.

Я плохо помню, что Александр говорил ещё — осталось впечатление какого-то воспалённого бреда, но яркого, сверкающего, безумно привлекательного, околдовавшего всех...

Помню какие-то эпизоды. Мы встали в круг, взяли за руки и читали молитву «Отче наш» в интерпретации Александра (он её слегка отредактировал).

Горели какие-то свечи. Якобы Анастасия прошла по кругу и перед каждым положила подарок — кому веточку, кому шишку (астральные, разумеется, невидимые). Что-то Александр говорил о новых правилах жизни.

Например, отныне мы все должны будем называть друг друга только на «вы» и по имени-отчеству. Тут же он стал узнавать наши отчества и анализировать их смысл.

Моё отчество, к примеру — Юльевна. Так вот, оказывается, в одном из воплощений я была дочерью Юлия Цезаря. И предала отца, а теперь вот я это должна как-то искупить, поскольку мой отец опять Юлий.

С моим мужем ещё смешнее. Его отчество — Давидович. Александр вывел заключение, что в прошлой жизни мой муж был... Троцким.

Учитывая моё тогдашнее увлечение советской историей, и то, что Троцкого я воспринимала резко отрицательно — довольно оригинальное высказывание. Впрочем, вот в это я не поверила сразу.

А вот Лена и Костя оказались... детьми самого Александра. Оказывается, И. в молодости делала аборт. И это и были Лена с Костей! Которые, увы, родились уже не в такой замечательной семье, а в Казахстане (Лена потом сказала: какое счастье, что я не родилась в его семье...)

Александр говорил очень много... о каком-то будущем городе в Сибири. О грядущих преобразованиях. О том, что отныне мы все служим Богу и Розе Мира, что над нами все будут смеяться,

что предстоят гонения, но мы должны их выдержать! Нас ждёт величайшее будущее!

Он говорил так захватывающе, так трогательно, что у многих слёзы стояли в глазах. Потом Александр начал обращаться к каждому по очереди, и каждому говорил что-нибудь «очень важное». Одному он сулил поездку в Сибирь на строительство Нового Города (по Анастасии).

Другому — участие в каких-то великих преобразованиях. Н. назвал «первым Бардом Розы Мира» (он и в прошлом воплощении был великим поэтом-бардом, а я и моя лучшая подружка — мы обе тоже немного играли на гитаре и пели — были его дочерьми).

Некоторым он говорил туманно, но многообещающе: «Ты ещё не представляешь, какое будущее тебя ждёт... Тебя ждёт! Ого-го! Но я ещё не могу этого сказать. Ты узнаешь позже».

Мне лично он заявил прямо: «Ты будешь великим писателем «Розы мира».

И вспомнил мою книгу, которая называлась «Белый всадник»: «Этот твой всадник — Георгий Победоносец. Ты и не знала! Он сейчас присутствует среди нас и стоит рядом с тобой».

Мне, конечно, было безмерно приятно. Хотя, мой герой, личность сложная и далеко не святая, мало напоминал св. Георгия...

Короче говоря, он для каждого нашёл какие-то очень важные и приятные слова. О себе же сказал: «А я ухожу от дел. Я больше не буду с вами. Я должен... я должен написать книгу! Я буду её писать... А помогать мне будут — вот он и он».

Когда же Александр «удалится от дел», председателем общества станет... кто бы вы думали? Хозяин этого дома!

Милый, скромный человек, который ни сном ни духом ничего не знал, не читал ни одной «духовной» книги и впервые видел такое сборище (после этого заявления хозяин несколько смутился и позже, сколько я знаю, прочитал «на всякий случай» Розу Мира).

Сейчас многие даже члены общества скажут: «Ну, что ты! Мы сразу поняли, что Александр того... Может быть, кто-то и воспринял его всерьёз, но я...»

Так вот — я никогда не поверю таким заявлениям. Единственное — может быть, действительно были 2-3 человека, которые не поверили или поверили не полностью. Но у всех остальных я видела слёзы на глазах!

Все обнимались, целовались, начинали именовать друг друга по имени-отчеству (напоминаю, ранее это у нас даже запрещалось!), рассказывали какие-то самые трогательные, самые важные моменты из своей жизни... Нет, не только Александр — все мы участвовали в создании этой атмосферы.

В конце вечера Александр совсем обезумел. Фаина привезла картины своего мужа (чистый абстракционизм), расставила — на продажу и посмотреть. Александр начал эти картины рвать и кидать в камин. Частично их удалось спасти...

Потом Александр заявил, что поедет домой немедленно, он уже всё сказал. Это в 11 часов вечера, за 400 км. Притом, что за руль Александра уже давно не пускали, вела его жена.

«А вы, как хотите, — сказал он приехавшим с ним жене, Фаине и другим людям, — хотите — пойдёте со мной, хотите — оставайтесь».

К счастью, у жены хватило здравомыслия всё-таки его остановить. Буквально силой. Фаина ей уже объяснила, что у Александра состояние ненормальное, и верить ему, тем более — слушаться его во всём нельзя.

Александра уложили в постель. Мы не знали, что думать. Все были какие-то возбуждённые, говорливые... никто ничего не понимал, но всё было так прекрасно, так многообещающе!

На следующий день спектакль продолжился. Александр вдруг заявил всем, что он «просто всех испытывал». Да, он вёл себя, как яродивый! Но он хотел посмотреть на нашу реакцию. И все мы с честью выдержали испытание... кроме одного человека.

Обвинительный перст остановился на жене Александра. «Вот вы, И.И. (теперь он и с женой перешёл на «Вы») мне не поверили! Вы, моя супруга, данная мне Богом, не смогли мне поверить! И Вы вообще мне никогда не верите!» — Александр пустился в обвинения.

Не знаю, что он имел в виду под вчерашним «испытанием», но на второй день поведение его мало изменилось. Он всё так же пророчествовал... пророчества приобрели ещё более дикий характер.

Например, он заявил, что Фаина — будущая Соборная Душа сверхнарода. Русского. А жена его, И. — будущая Соборная Душа немецкого сверхнарода.

А А. Андреева — это тоже Соборная Душа, не помню, то ли в прошлом, то ли в ещё более отдалённом будущем. В общем, сплошные Соборные Души.

Это уже я лично воспринимала не вполне всерьёз (но всё же — частично всерьёз... это подтверждало моё ощущение, что происходит Нечто Грандиозное, что мы находимся в пространственной и временной точке, где изменится вся мировая история).

Сколько я знаю, только одна женщина была так потрясена этим собранием, что потом позволила Лене и сказала, что думает о выходе из общества. Остальные восприняли всё это — кто, как, не то, чтобы все до конца поверили Александру, но «что-то такое, видимо, было».

Мы вернулись во Франкенек, и тут начались новые испытания.

Состояние Александра стало ещё хуже. По рассказам его самого, И. и Фаины, дома творилось вообще уже нечто ужасное. Начались рукоприкладства.

Фаина рассказывала, что на неё он кинулся с ножом, причем мотивируя это так: «Тебя на Земле никто не любит! Мне так жаль тебя! Я хочу освободить тебя от этого тела, чтобы ты вернулась в свою небесную обитель!»

Фаину он единственную из всех называл на «ты». Видимо, считал равной себе. Как-то я возила их — его и Фаину в город — так он долго разглагольствовал с ней о высоких материях, то и дело оговариваясь: «Ну, это не при Яне... Это я тебе позже скажу».

Однажды Александр пришёл с большой ссадиной на лбу. При этом, у него был мученический вид. И он сразу начал мне жаловаться:

«Вот видишь, Яна, какая у меня жена! Она меня избила! Ко мне вчера приехал друг, и я всего лишь хотел выпить с ним водки, а она закричала: «Ненавижу!» — бросилась на меня, и избила!»

При этом, он с видом великомученика показывал на свою ссадину. Ещё и припомнил мои отношения с мужем...

По версии И., Александр запер её в комнате, когда ей нужно было идти на занятия хора, и она в отчаянии схватила какой-то тяжёлый предмет (не помню точно), и запустила в лоб Александру. (Понятно, что я лично верю И... Она вообще женщина очень спокойная, выдержанная...).

Но о том, что происходило у Александра дома, я могу только приблизительно догадываться. По виду И. — она совершенно почернела, постарела, выглядела иссохшей, измученной, нервной.

А вот, что происходило в издательстве. Александр, конечно, не каждый день приходил на работу. Но когда он приходил — это был целый спектакль.

Тогда, кажется, он начал наводить порядок на моём столе. Идеально аккуратно, листочек к листочку, всё лишнее, по его мнению — вон. В результате мне стало трудно что-либо найти.

И во время рабочего дня то и дело подходил ко мне, к Косте и наводил порядок: «Вот эта бумажка вам нужна, Яна Юльевна? Куда её положить? А вот эту?»

«Поставьте свои туфли вот сюда. И вот так, носочками вовнутрь. И всегда их так ставьте, пожалуйста».

В свободное время писал пророчества на листочках бумаги. Например, мы нашли после всего этого следующие записи:

«Мегре и Анастасия будут убиты в следующем году».

«6, 7, 8 и 9-ю книгу «Анастасии» напишет Александр В.».

«Эти книги будет переводить на немецкий язык Ксения В. (трёхлетняя внучка Александра)».

И так далее. Но чаще записи были «общего характера»: «Любить... бороться... верить... искать». Или подобные лозунги. Костя их аккуратно складывал.

По телефону Александр уже не просто пророчествовал — а весьма оригинально. Особенно когда разговаривал с русскими. В его речи появился мат.

Однажды он специально позвонил своей старой подруге в Париж и долго ей что-то говорил **такими** словами, что у меня уши свернулись в трубочку. Подруга решила, что он пьян, потом решила, что он свихнулся (и тут она была недалеко от истины).

Однажды Александр «наехал» на меня. Буквально такими словами:

— А ты, что целку с себя корчишь? Ну-ка иди домой — и быстро в постель к мужу! А то вечно выламывается, как будто она я не знаю что такое! Тебе надо детей рожать, а ты строишь тут из себя! Чтобы по три раза в день с мужем в постель ложилась!

Мне было немного смешно, но у Кости бедного просто глаза на лоб поехали, уши покраснели, и он быстро выскочил из офиса.

В это время приехал на каникулы У., сын Александра. Он учился в Питере на факультете востоковедения. Бедный мальчик (ему что-то около 22 лет) пришёл в ужас, увидев отца. «Это не папа», — сказал он.

Первым порывом У., нормального человека, внезапно попавшего в наш «гадюшник» было — отвезти отца к психиатру. Тут же, разумеется, его обозвали «Павликом Морозовым». И вообще предателем. Каюсь, мы с Леной тоже уговаривали У. потерпеть, переждать...

Кстати, и У., и свою дочь Александр проклял.

Мы-то ведь постепенно наблюдали за развитием всего этого. Конечно, в тот момент мы уже понимали, что с Александром что-то не в порядке стопроцентно.

«Хороших» пророчеств уже от него почти не исходило — какие-то дикие указания, вроде того, как лечиться мельброзией (он очень настойчиво объяснял, какие именно места нужно смазывать и как — именно те самые... вообще его интерес к «этим» вопросам достиг апогея. Мне он горько жаловался, что его жена отказывается с ним спать).

Мат, нелепости, гадости — словом, он явно уже себя не контролировал. По словам И. он практически не спал (с самого начала своего безумия он по ночам занимался разными процедурами, ванными, ещё чем-то...)

Мы понимали, что это не может быть от «Светлых сил».

Но Фаина нам всё объяснила. Дело в том, что у Александра действительно начался «процесс», после которого человек становится ясновидящим. У неё тоже был такой процесс! Только в детстве, в 8 лет, поэтому прошёл не так бурно.

Кроме того, у Александра какая-то неправильная последовательность «открытия сверхспособностей». Ему постоянно поступает свыше поток информации, и в этом потоке он просто захлёбывается, поэтому и «крыша едет».

Вот это походило на правду... Мы молча сносили все выходки Александра. Тут ещё Костя на 2 недели уехал в Россию по делам. Мы с Леной остались практически одни.

Как только появлялся Александр, нас начинало трясти. Мы купили бутылёк валерьянки, и три раза в день, нервно смеясь сквозь слёзы, поднимали «гост». Мой муж чаще всего отсутствовал (был в командировках). Дети тоже стали нервными, начали кричать по ночам (им передавалось наше состояние).

Описать это невозможно. Может быть, моё описание неадекватно. Может быть, посторонний не поймёт, как это было ужасно... Были и ещё другие события — я просто не могу описать всего. Словом — всё это время вспоминается мне, как один сплошной большой Кошмар.

Фаине нужно было возвращаться в Россию. В этот день И. была занята на работе, мужчин не было. О том, чтобы пустить за руль Александра — не было и речи. Фаина позвонила мне сама и попросила, чтобы я её отвезла.

«Потому что с Александром я не поеду ни за что! Я видела сон, меня предупредили, что мы разобьёмся, если я поеду с ним».

Сон или не сон — но Александру, безусловно, нельзя было водить машину. Начиная с того, что он не мог надеть очки — а ведь, у него слабое зрение.

Ну и состояние... (надо сказать, что он в лучшие-то свои времена за рулём «улетал» — машину носило по автобану туда-сюда, невзирая на разметку). Я с радостью согласилась увезти Фаину, тем более, что вообще машину водить люблю.

И вот я поехала за ней. По дороге заметила, что какой-то тёмный «опель» словно преследует меня, поджимает, вынуждая ехать быстрее, а когда я ускоряюсь, он поджимает снова. С ужасом я увидела, что это Александр! Мы выехали на прямую дорогу, ведущую к его дому.

Здесь (между прочим в «тридцатой» зоне) Александр, совершив сложный манёвр, вырвался вперёд, резко обойдя меня сбоку и тут же затормозил передо мной, так что я едва в него не вреза-

лась. Короче говоря, устроил мне «воздушный бой»!

Проделав ещё пару диких трюков, Александр остановил свою машину, вылез и стал знаками показывать мне, как запарковаться.

Ужасно, но даже в этот момент я ещё ему верила — во всяком случае, я поверила, что он просто хочет мне помочь поставить машину и стала, слушаясь его знаков, сдавать назад.

В результате, я наехала бампером на низкий бортик, которого просто из машины не было видно!

Ощувив удар, я тут же съехала, выключила зажигание и вылезла с криком: «Какого чёрта!» Александр, увидев, что я повредила машину, сделался очень довольным на вид и даже руками показал что-то вроде «О!»

Естественно, что я была несколько возбуждена всей этой дикой гонкой. «Вы с ума сошли?» — закричала я.

— Вот видите, Яна, теперь вы повели себя естественно! Видите, как вы выражаетесь — «Какого чёрта!» А строили из себя такую вежливую...

— Вы видите, что я из-за вас повредила машину? — я заглянула под бампер. К счастью, вмятина была небольшой.

Александр сменил тему.

— Яна, я хотел с вами поговорить. Вы — такая замечательная, умная женщина, вы блестяще работаете на компьютере... Без вас наше издательство просто не сможет работать. А я — мужчина, и я должен отвезти Фаину в аэропорт.

— Нет, Александр, — сказала я, — Извините, но Фаину отвезу я. Вас в таком состоянии нельзя пускать за руль.

Так мы препирались некоторое время. Александр доказывал мне, что ехать должен он, потом перешёл уже к совершенной несвязице:

— Я — председатель Всемирной Розы Мира! Как вы смеете со мной так разговаривать!

— Вы, — сказала я, — находитесь под влиянием тёмных сил, которые хотят, чтобы Фаина разбилась. Поэтому я вам не позволю её везти!

В этот момент в моём мозгу что-то щелкнуло.

До сей минуты я **верила** Александру. Ведь я и приехала сюда, настроившись на подчинение ему. И как бы ужасно он себя ни вёл — для меня это было просто его временное болезненное состояние.

Я всё равно старалась, насколько это было возможно, придерживаться его указаний. Поддерживать его и помогать.

А в этот миг я вдруг осознала — передо мной стоит чёткий выбор. Или я продолжаю слушаться Александра (не обязательно во всём, но хотя бы в главном). Или он мне больше не единомышленник, не руководитель — никто.

Понятно, я не могла позволить ему ехать в аэропорт.

В этот момент из дома вышел сын Александра У. Он, увидев такое дело, сгрёб отца, крикнул «Яна, скорее!» — я побежала в дом. Александр, пытаясь вырваться из рук сына, крикнул мне вслед: «Вы уволены! Вы у нас больше не работаете!» Я забрала Фаину, вещи, мы быстро покидали всё в машину и поехали.

Разумеется, на следующий день я пришла на работу. Увольнять меня можно сколько угодно — но тогда я работала фактически одна. С помощью Лены (но она только занималась упаковкой — а заказы, а телефон, а продажа билетов, а интернет...)

В этот день был детский праздник в нашем садике. День Св. Мартина. В этот вечер все дети в Германии выходят на улицу с «латернами» — собственноручно склеенными бумажными фонарями, внутри которых зажигается свечка.

Мы с Леной, вместе с нашими детьми, отправились на праздник. И вот мы стояли в толпе весёлых ребятшек с фонариками, ярко горящими в темноте, среди довольных, спокойно переговаривающихся взрослых...

Вдруг я ощутила, как ужасно мы живём. Ведь мы тогда с Леной вдвоём тянули и издательство (мужей наших не было дома), и детей, и хозяйства свои. К Лене ещё какие-то гости, пригла-

шённые Александром без её ведома, заваливались...

Мы просто вымотались, измучились физически — но это бы всё ничего, если бы не постоянное напряжение, постоянное ожидание новых выходов со стороны Александра, какая-то дикая, нервная обстановка, которая окружала нас тогда... Нам казалось — ещё немного, и мы свихнёмся сами.

— Смотри, — сказала я Лене, — Как хорошо вокруг! Дети, огоньки, все такие спокойные, счастливые... Ты знаешь, у меня такое чувство, что мы вырвались из сумасшедшего дома!

— Из духовного общества «Blume der Welt»! — подхватила Лена, мы посмотрели друг на друга и дико расхохотались. (Может быть, до вас не дошёл весь трагикомизм ситуации. Ведь наше общество было призвано просветлять и улучшать этот «ужасный» мир!)

На следующий день события развивались стремительно.

Мой муж вернулся домой. Но, так как в издательстве было много работы, я, помнится, не уходила до вечера. Муж сидел то у меня, то у Лены.

К Александру приехал приглашённый им гость. Вообще Александр очень многих людей в ту пору приглашал. Один раз пригласил даже из Австрии целую компанию «анастасиевцев» — с ребёнком и с собакой.

Естественно, все они жили у Лены (наша квартира далековато, да и небольшая по размеру, а о пребывании в доме В. даже речи идти не могло). Причём, Александр всем этим людям льстил, предлагал работу (мы потом объясняли, что работа-то есть, а вот насчёт зарплаты — другой разговор).

Дарил буквально всё, что ему попадалось под руку — отложенные уже для кого-то сувениры из кедр, масло, книги. Он столько «работников» за это время нашёл!

А в этот раз Александр пригласил какого-то якобы «целителя». Который, естественно, тоже должен был «сыграть большую роль в построении Розы Мира»...

Этого «целителя» (звали его, кажется, Игорь) Александр ещё почему-то называл «Белым всадником» (вообще эту мою книгу в обществе очень любили, а в своём безумном состоянии Александр и вовсе называл её шедевром и превозносил). Меня от этого коробило...

После отъезда Фаины, Александру стало ещё хуже, и естественно, жена его не хотела, чтобы он встречался ещё с кем-то. Советовались с Евгением, он велел привезти Александра к нему, а до тех пор — полный покой и одиночество.

Да и нам было очевидно, что любой человек влияет на Александра, как огонёк на пороховую бочку.

С нами он больше гадостей говорил, ругался, а с посторонними раздувался до немыслимых размеров и начинал действовать по той же тактике, что и на том злосчастном собрании: безобразно льстил, внушал человеку, что тот находится в самом средоточии Великих Дел, и что тому предстоит в этих Делах сыграть Великую Роль.

Причём — все ему верили! Те люди из Австрии — вообще на нас очень косо посмотрели, стоило нам намекнуть, что с Александром что-то не в порядке. Они ведь никогда не видели Александра раньше!

А тут перед ними — вдохновенный Пророк, строитель Светлого Будущего, разворачивающий Прекрасные Перспективы! И рядом — три измотанных, нервных, явно уже ненормальных женщины, которые в один голос твердят, что с Александром что-то не так.

Александр только с нами позволял себе «безумства». При посторонних он вёл себя именно, как Пророк.

В общем, И. решила сделать всё, чтобы не допустить Игоря к нашему «пророку». Она и У. позвонили Игорю и объяснили, что приезжать не надо, что на станции его никто не встретит. Но «целитель» оказался упорный и пришёл с вокзала пешком. Ну и конечно, с помощью Александра, ему удалось прорваться в дом.

Там они сколько-то беседовали. Мы сидели у Лены. Вдруг нам позвонил У. и спросил телефон «Скорой помощи».

— Я сейчас приду, — сказал мой муж и побежал в дом Александра.

Позже он рассказывал о происходившем там. Эта запись — с его слов.

«Целитель» сразу и безоговорочно принял сторону Александра и начал защищать его от «злых и сумасшедших» сына с женой. И действительно... когда Андрей туда пришёл, всклокоченная нервная, истеричная И. и такой же раздёрганный сын Александра бегали взад и вперёд.

Александр, идеально спокойный, благообразный, восседал в комнате с видом пророка и мученика, страдающего от собственной семьи. «Моя жена — сумасшедшая», — объяснял он, и действительно, глядя на изнервничавшуюся женщину, можно было принять за сумасшедшую скорее её, чем Александра.

Наш пророк вместе с новоявленным «белым всадником» обсуждали проект Духовного Центра, который возникнет на месте Франкенек. Разумеется, «целитель» (которого Александр видел впервые в жизни) должен был сыграть в этом кардинальнейшую роль.

У. несколько раз пытался уговорить Игоря уехать, приехать попозже, когда всё уладится, в конце концов, начал кричать, что выставит его — но всё было тщетно...

Мой муж принялся за ту же неблагоприятную задачу. Уж не знаю, как он уговаривал Игоря и Александра. Отдельные сцены из их разговора:

Андрей обратился к Игорю, говоря об Александре «он». Наш председатель тут же взвился:

— Вы не смеете говорить обо мне «он»! Запомните навсегда: Я — председатель Всемирной Розы Мира, композитор, издатель Александр (отчество, фамилия). Повторите! И впредь обращайтесь ко мне только так, полностью!

И он заставил Андрея повторить этот полный титул.

Начали вслух читать молитву «Отче наш». На этот раз Александр даже свой отредактированный вариант не смог прочесть. Прочёл первую строчку — и тут же начал давать на неё свой комментарий... увяз в рассуждениях.

Кстати, И. рассказывала, что на днях Александр сказал ей:

— Иисус Христос и Сатья Саи — мои ученики!

— Саша, ты что такое говоришь, — пролепетала бедная женщина.

— Ой, правда, что это я, — Александр перекрестился, — Прости, Господи!

В конце концов, Андрею удалось уговорить Игоря уйти. Он привёл его к нам, налил чаю, приготовил бутерброды. Договорились, что Игорь перекусит у нас, потом Андрей отвезёт его обратно к В.. Пока «целитель» ел, Андрей позвонил знакомой целительнице, которой всецело доверял.

Оказалось, что она знает этого Игоря!

— Андрей, — чётко произнесла она, — Ты должен поступить, как тебе подсказывает сердце. Если что, можешь назвать ему моё имя, — сказала она еще, — он меня боится.

И точно — стоило Андрею сослаться позже на неё, как «целитель» тут же засмутился.

Мой муж посадил Игоря в машину и отвёз не к В., а на вокзал. Усадил на поезд и вернулся к нам. Его трясло от общения с этим типом. Пришлось отпаивать валерьянкой и чаем.

Мы разошлись по домам.

А наутро узнали свежие новости. Александр в больнице.

В этот вечер случилось следующее. У. был в офисе и уже поздно пошёл домой. Войдя, он застал жуткую картину: отец душил мать, навалившись на неё, она уже практически не сопротивлялась. У. стал отгаскивать отца...

Надо сказать, что И. крупнее мужа, да и У. не такой уж хилый парень. Александр же достаточно щеделушен. Но видимо, в этом состоянии человек становится намного сильнее. Вдвоём (правда, И. не сразу оклемалась) с большим трудом они смогли кое-как скрутить бешено сопротивлявшегося Александра.

Причём, душил он жену довольно основательно — на шее долго оставались следы, которые мы видели. Ей пришлось носить шарфик.

У. тут же вызвал «скорую» и полицию. И. предложили подписать протокол о нападении, но она отказалась. Александр, увидев официальных лиц, сразу присмирел, перестал сопротивляться. Его увезли в больницу.

Во Франкенек наконец-то воцарились тишина и покой.

Несчастливая И. немного пришла в себя. Разумеется, она на следующий же день поехала в

больницу — и, разумеется, муж встретил её, как «предательницу, сдавшую мужа в психушку». Его не лечили. Вернее, ему что-то выписали, но реакция организма была почему-то тяжёлой, и он отказался пить таблетки.

Насильно лечить его не имели права — раз жена не подтвердила письменно покушение на убийство (а каково ей было — ведь он всё равно считал её предательницей!)

Но всё равно в больничной обстановке В. успокоился, присмирел, уже не рвался спасать мир... Мы теперь могли спокойно работать.

Для нас вставал ещё вопрос — как сообщить об этом людям?

Дело в том, что Лена была категорически против (и мне запретила) что-либо рассказывать из того, что происходило у нас. Мотив всё тот же — «зачем распространять негатив». По телефону она бодрым спокойным уравновешенным тоном рассказывала о том, что «Александр приболел».

Люди ничего не знали о происходящем, о поведении Александра (их подозрения, возникшие после собрания, Лена постаралась усыпить). То есть, конечно, все понимали, что что-то неладно у нас. Но никаких подробностей. «Всё нормально, всё хорошо!» Если бы кто-то позвонил мне, я бы всё рассказала.

Но мне не звонили — у нас всегда «центром общения» была Лена. Она и поинтересуется подробностями личной жизни, и расскажет о таковых у остальных членов общества, и вообще — ну такая душка... и так любит людей!

Я людей не люблю, поэтому мне звонили редко. Я бы не утерпела конечно, не стала бы скрывать правду о том кошмаре, в котором мы жили.

А так получилось, что общество толком ничего не знало. Весь «негатив» замалчивался, за-тушёвывался... И вдруг — как обухом по голове — Александр в больнице!

«Нервное перенапряжение», «Переработал» и даже — «стало плохо с сердцем» (это уже для клиентов издательства, немцев). Словом, как-то объяснили. Я не удивлюсь, если кто-то из членов общества до сих пор не знает, что Александр душил жену.

Тут вернулся из России Костя.

Первым делом он поехал к Александру в больницу. Тот с ним, естественно, поговорил... надо учитывать, что мы были для Александра — предатели. Мы все дружно сдали его в психушку. А вот Кости в этот момент рядом не было, поэтому Костя всё-таки не так виноват, как мы.

Костя вернулся из больницы, зашёл в дом, недобро усмехаясь и первым делом сказал жене: «Надо ещё уточнить, кто из вас нормальный, а кто нет».

Бедная Лена! Это был действительно удар. Костя не был дома именно в последнюю неделю, когда безумие всё сгушалось, он не видел самых жутких проявлений... И вот — он поверил «мученику» Александру!

Его, председателя Всемирной Розы Мира, который хотел только Любви и Добра для всех людей, и честно и самоотверженно служил Богу — его проклятые предатели засадили в психушку!

Конечно, иллюзии Кости рассеялись очень быстро. Он вначале не хотел верить, что Александр душил жену («А вы там были? Видели?») Но потом это и ему стало очевидным. Да и увидев некоторые следы деятельности Александра в издательстве, Костя призадумался...

К примеру, Александр «сварил» мелиброзию в котле по собственному рецепту («полученному от друидов»), безнадежно загубив продуктов пчеловодства на сумму около 1000 ДМ.

Так что, наше единство было восстановлено. И, как это ни странно, началось далеко не самое худшее время для нашего общества.

Мы спокойно работали в издательстве — теперь нам никто не мешал. Мы были равны между собой и образованием, и возрастом, и провинциальностью, и «духовным опытом», и хотя Костя руководил, мы тоже имели право голоса.

Наша работа стала и спокойной, и эффективной. Так, мы вполне на приличном уровне провели упоминавшуюся выше встречу с Мегре.

В то время у нас установился обычай собираться раз в неделю всем издательством (то есть, наши две семьи и И.) и обсуждать все дела. Обсуждение было спокойным, конструктивным, все высказывались, все мнения учитывались. Костя оказался прекрасным руководителем.

В плане у нас стояла ещё и «малая встреча» общества. Приехали люди, живущие поблизости.

Мы снова собрались в квартире В. (уже без него, только с И.) И. к тому времени купила кое-какие безделушки, снова начала пользоваться косметикой, вообще — слегка пришла в себя и стала похожа на женщину.

Впервые за все годы люди могли совершенно спокойно говорить. Не было вот этой горячечной атмосферы всеобщего напряжения, когда сказать полемическое слово означало — взорвать пороховую бочку.

Нет, разговор был острым. Обсуждали, например, давно волнующую всех проблему — отношений общества и издательства.

Издательство создавалось, как часть общества. Все воспринимали его, как «своё» — поначалу. Отсюда и та бесплатная, бескорыстная «помощь» издательству, о которой я упоминала.

Но, со временем стало ясно, что издательство — предприятие чисто капиталистическое (а какое ж ещё?), направлено на зарабатывание денег... теоретически считалось, что, как бы для общества, но фактически до сих пор на общество трат почти не было (хотя кое-какая сумма уже скоплена).

Никто ничего не знал — сколько денег у издательства, какая зарплата, какие планы... И самое главное — люди вообще не хотели никаких денег, никаких разговоров о деньгах, о бизнесе. Наше общество «духовное» — а тут какие-то деньги...

В общем, было недовольство. Только теперь его спокойно высказали вслух, и тут же все решили, что издательство будет само по себе, а общество — само по себе. Пора расставить точки над *i*.

Обсудили и другие проблемы. Как лучше проводить «малые встречи» — а то Александр поставил всех перед фактом, а может быть, у нас совсем другие мысли по этому поводу.

Вообще, встреча всем понравилась. Появилась какая-то надежда на возрождение общества. А то ведь общество давно уже стало бесполезным придатком к издательству.

Контакты с Мегре, контакты с Андреевой, с разными эзотериками — всё шло через издательство. А общество... ну так, собрать иногда и поразвлекать. Для проформы.

Ну, вот когда проводятся крупные мероприятия вроде встречи с Мегре или Андреевских чтений — тогда народ из общества может бесплатно поработать: пирожки испечь для гостей, билеты раздавать, зал убирать, за порядком следить... За это обществу со скидкой продавались книги и кедровое масло.

Единственным действительно общим делом, сплачивающим всех, были поездки к дедушке Тимофею в Мюнхен, работа у него. Но это редко, Мюнхен далеко, каждый месяц не наездишься.

У нас в обществе была действительно очень тёплая, дружеская атмосфера. И так хотелось, чтобы это не пропало, чтобы хоть как-то реализовалось! Я уже давно запретила себе даже думать об обществе. Это не моё дело — думать! Это дело Александра... его общество — пусть он и решает.

А теперь, без Александра, произошёл прямо-таки всплеск нашей активности. Мы впервые думали сами — что мы могли бы устроить, нашими слабыми силами, что полезного сделать, как сплотить общество.

Мы говорили о гуманитарной помощи в Россию, о субботниках на русском кладбище в Висбадене, о встречах и их программе... словом, мы стали планировать те малые дела, о которых я давно и тщётно уже говорила Александру. Те дела, которые действительно нам были по силам...

Между тем, жена почти ежедневно посещала Александра в больнице. Лена с Костей тоже ездили к нему несколько раз.

Мой муж вообще Александра видеть отказывался, его начинало трясти при одном виде нашего председателя. Что, конечно, связано и с собственным состоянием мужа — я уже говорила, что его нельзя было назвать совершенно нормальным.

Я ездила к Александру один раз. Вместе с Леной и нашей художницей Ц. Впечатление было незабываемое.

В России в юности я работала медсестрой, в том числе, и в психиатрической больнице. Только недолго — два месяца. Была и на занятиях в психиатрических отделениях. Так что, представляю себе советскую психиатрию.

Конечно, здесь, в Германии (буржуи — они богатые) всё было иначе. Больным предоставлено гораздо больше свободы, обращение с ними очень корректное (это не наши бугаи-санитары). Ну и питание, условия — не сравнить, конечно.

Но всё равно — психиатрия есть психиатрия. Отделение запиралось. Гулять Александра первое время выпускали только на большом балконе.

Александр ждал нас в столовой. Сидел в уголке, теперь аккуратно причёсанный, стройный, прямой, идеально спокойный. Перед ним на столе — Библия. Мы, поздоровавшись, стали расспрашивать его, как условия, не холодно ли ему, не хочет ли чего. Александр горько улыбался в ответ.

— А кормят вас хорошо? — спросила я.

— Кормят... — ответил Александр задумчиво, — Кормят несвободой.

Словом, Александр старался из своего положения выжать всё, что возможно, чтобы предстать перед собой и другими мучеником.

Думаю, ему бы очень хотелось, чтобы его ещё и стукнул кто-нибудь (как это бывает в наших больницах), а то и в смирительную рубашку бы завернули...

Но, увы, врачи и персонал — гады — обращались с ним исключительно корректно, как и с другими больными. Даже таблетки не заставляли принимать (кажется, в это время его уже уговорили принять какое-то лечение, довольно мягкое).

Впрочем, можно было вызывать жалость тем, что его не выпускают гулять — это же так ужасно! Тем, что он находился в обществе больных — действительно, мало приятного... особенно если заранее настроиться на то «как-это-ужасно». А также непониманием духовно тупых врачей.

— Он меня спрашивает: а вы голоса-то слышите? А я ему говорю: нет, я не слышу никаких голосов. И никогда не слышал.

То есть, он лгал врачам. Голоса он слышал, да ещё как!

Но именно мой небольшой опыт тут говорит о том, что Александр не был больным. Настоящие шизофреники не скрывают того, что слышат голоса. Даже если и хотят — не могут скрыть.

Может быть, конечно, есть какая-то форма болезни, при которой человек полностью сохраняет способность к соображению и хитрость.

Мне тогда думалось, что Александр просто страдает, так сказать, начальной формой шизофрении — а со временем его умственные способности тоже упадут, и он превратится в одного из полуидиотов, которые бродят по отделению.

Не знаю... я не психиатр, и не могу сказать наверняка. Но, насколько я знаю, диагноз Александру в больнице так и не поставили.

Он просто всё отрицал. Голосов никаких он не слышал, жену не душил. Конечно, протокол всё равно существовал — следы на шее И. видели полицейские (поэтому, кстати, Александра и не выпускали из больницы больше месяца). Он всё валил на домочадцев. Не знаю, верили ему или нет...

В конце концов, рассказы Александра вывели меня. Да и надоело изображать «любовь», которой я к нему не чувствовала. Честно.

— Ну, что, Александр, — сказала я, — Как же вы могли такое сделать? И куда вы нас теперь поведёте?

Александр улыбнулся таинственно, глядя вдаль.

— Я вас поведу к Богу, — сказал он.

— Как вы могли? — повторила я, — Зачем вы это сделали?

— А этого, — Александр вздохнул, — Я не могу вам сказать. Вы должны понять сами. Или не понять.

Ц. встретила с Александром отдельно, без нас. Едва мы вышли, Александр набросился на неё.

— Как ты могла?! Как ты могла допустить, чтобы меня посадили сюда? Ну, они — ладно, с ними всё ясно. Но ты?!

Бедная Ц. не знала, что ответить. Александр доверял ей больше чем другим, а теперь и она оказалась среди «предателей».

Меня мало волновали такие обвинения. Какое «предательство»?

Во-первых, если уж на то пошло, то в больницу Александра отправили жена и сын, мы-то терпели все его выходки (конечно, это не обвинение в их адрес — они-то должны были выносить его **дома**, что гораздо хуже. И. вовсе чуть не погибла).

Я знала одно: уже никогда Александр не будет моим руководителем. И такое же настроение было и у остальных.

Я не была разочарована в эзотерике, в идеях. Всё складывалось вполне логично. Александр «не прошёл испытания». Как известно, по основному закону оккультизма, при воздействии Высших Энергий в человеке выявляется всё самое лучшее и самое худшее.

Вот и высветилась личность Александра! Стала видна вся его «тьма». Всё его честолюбие, его претензии на чуть ли не мировую власть, скрытые, якобы, скромностью и демократизмом.

Итак, Александр «сорвался», не выдержал испытания, и теперь ни о какой его миссии, ни о каком его председательстве не могло быть и речи. Мне это было совершенно ясно. То же говорили и целители.

Фаина: «Над его головой — сплошной чёрный поток».

Евгений: «Ему нужно долго лечиться», ещё одна целительница сказала, что его единственный шанс — это поехать в Россию в какой-то монастырь, где изгоняют бесов, и прожить там минимум год. Тогда у него есть шанс в следующем воплощении родиться нормальным (даже так!)

Короче, мы ждали, что Александр после больницы поедет куда-нибудь в монастырь, или просто к маме в Россию — отдохнуть, отвлечься. Относились к нему, как к больному — с сочувствием.

И действительно, выйдя из больницы, Александр тут же поехал в Россию.

Надо сказать, что заявления Александра о его «мученичестве» ничего, кроме раздражения, у меня никогда не вызывали. Он даже вслух сравнивал себя с Андреевым, сидевшим в тюрьме!

Тот же Игорь звонил нам ещё полгода: «Я хочу только разобраться, что у вас происходит! Блаватскую тоже не понимали!»

Фактически Александр провёл чуть больше месяца в очень хорошей немецкой больнице, в прекрасных условиях. То, что его не выпускали гулять — смеху подобно.

Я лежала на сохранении, беременная, мне был необходим свежий воздух — но нас не то, что на улицу не выпускали (а в той больнице и голову помыть — было проблемой!) Даже свидания с родными разрешались только через решёточку.

В России это обычная практика в больницах. Так что, ничего уж такого жуткого в этом я не вижу.

Но самое интересное — через две или три недели прогулки Александру разрешили! Ему отныне можно было свободно выходить из больницы и гулять по городу. Так он от этого отказался!

Ну, как же — ведь уже нельзя будет жаловаться, что его «кормят несвободой».

Но есть другое, то, что действительно вызывает во мне сильную жалость и сочувствие к Александру. Как-то позже он обмолвился: «Мне было так страшно по ночам... так одиноко. Я чувствовал, что я один во всём мире».

Вот это чувство — когда человек отбрасывает фантазии и остаётся один на один с безжалостной реальностью — я хорошо понимаю. Это действительно мука. «Страшно впасть в руки Бога живого»...

Он до сих пор, при всей внешней благопристойности, находится в этом адском состоянии.

Он не думает об этом, и не замечает этого, но ведь придёт момент — хотя бы после смерти — и он заметит, что Бог совсем иной, чем ему казалось, и мир другой, чем он себе нафантазировал... и не поздно ли тогда будет восстанавливать отношения с Богом?

Впрочем, мне ли об этом судить?

Как я уже говорила, за время отсутствия Александра мы как-то воспряли духом. Работа издательства шла лучше некуда. Вообще, всё было замечательно. Правда, нас удивляло, что Александр не поехал ни в какой монастырь, а поехал улаживать дела — к Алле Андреевой, к Мегре.

Мегре, узнав о происходящем, сказал, что всё-таки договор на новые книги он должен подписывать с Александром, поскольку официально Александр — хозяин издательства.

Поэтому надо дожидаться, когда тот выйдет из больницы, и или передаст все дела Косте, или уж будет сам их вести (в последнее никто не верил).

Вообще мы ждали чего угодно. Костя сказал, что он лично надеется на чудо — конечно, маловероятно, что Александр выздоровеет, и всё будет, как прежде — но ведь, бывают чудеса! Надо верить в чудо, и тогда оно сбудется.

Как прежде — имелось в виду, что Александр станет прежним нормальным человеком, придёт к нам и скажет: простите, ребята, я немного свихнулся, давайте забудем прошлое и будем жить нормально.

Мы были бы счастливы тут же всё забыть!

Но, на самом деле в это мы не верили. Я лично думала, что Александру предстоит долгая карьера психиатрического больного. Или что он теперь отойдёт от дел, предоставит Косте фирму, займётся собой...

Словом, мы думали всё, что угодно, но никак не ожидали того, что произойдёт.

А произошло вот что.

В феврале Александр вернулся из России другим человеком.

Он выглядел теперь уже совершенно нормально. Вёл себя адекватно. В общем, как бы стал прежним. Как раз мы собрались на очередное «производственное совещание» в доме Кости. Сели за стол.

Костя попросил Александра рассказать о том, что было в России и вообще... как он видит дальнейшую нашу жизнь. Но Александр возразил:

— Нет, я хотел бы сначала послушать вас. Пусть каждый выскажется...

Он взял инициативу в свои руки, а мы как бы должны были отчитываться перед ним. Но, что делать?

Мы стали высказываться. Говорили о новой обложке, предложенной Мегре. О том, что мы решили еженедельно собираться для обсуждения дел (к слову — такая практика есть на любой нормальной немецкой фирме).

В общем, о делах производственных. Костя спросил ещё: «Мне бы хотелось знать, Александр, как вы планируете наше будущее? Как мы теперь будем жить дальше? Вы будете руководить?»

И потом, я хотел бы выяснить, как теперь с обращениями? Вы сказали, что мы должны называть друг друга на «Вы» — к вам так и продолжать обращаться? Или можно по-старому, на ты?»

Я говорила только о производственных делах. В общем, разговор был достаточно деловой, как обычно.

Когда все закончили, Александр вдруг сделал очень обиженный вид и сказал примерно следующее.

— Я столько пережил, столько перестрадал! А вы смотрите на меня, как на врага! Вы задаёте мне такие вопросы! Я не хочу с вами больше разговаривать!

Тут мой муж не сдержался и накричал на него. После чего вышел в комнату и больше уже не заходил. Мне надо было бы пойти за ним, но я не знала, как лучше поступить — и с Александром нужно было поговорить.

— Но мы же просто вас спросили... вы нас поймите — мы действительно не знаем, после всего, какие у нас будут отношения!

— Понимаете, Александр, — попыталась я объяснить, — Вы, к примеру, по телефону столько людям пообещали, что мы не знали, как это потом расхлёбывать. Так, как вы — дальше будете так же поступать или нет?

В общем, ни к чему хорошему этот разговор не привёл. Александр обижался всё больше: «Я пришёл к друзьям, а вы отнеслись ко мне, как к врагу!» Тут ещё вступила И. и начала заступаться за мужа.

У неё теперь была чёткая установка: Саша был болен, а вы не можете отнестись к нему по-человечески. В общем, мы переругались, Саша с И. ушли обиженные, а нас ещё долго трясло. Кажется, всё началось сначала...

У Александра явно ничего не прошло. Он по-прежнему считал себя мучеником, обиженным,

преданным. Он ненавидел всех и на всех обижался. Да, он начал вести себя адекватно, он уже не ел сырых грибов, не здоровался с деревьями и не ругался матом.

Но установка — какой я хороший, какой я великий, как я люблю всех людей, и какие у меня ужасные близкие и друзья, как все передо мной виноваты — эта установка осталась.

На следующий день приехали ещё Е. и Ю. с детьми (Е. — заместитель Александра по обществу), и мы все должны были обсуждать дела общества. Андрей даже отказался идти на это собрание — при виде Александра его по-прежнему трясло. Я пошла...

Первой слово взяла И. Она долго и с горечью говорила о происшедшем вчера. Виноваты, естественно, были мы. И. изложила свою позицию.

— Саша был болен. Если бы он был здоров и вёл себя подобным образом, я бы не жила с ним и развелась бы тут же. Но он был больным, и поэтому вёл себя так. Теперь он здоров, но надо же его понять! Надо же отнестись по-человечески, а не так холодно, как все отнеслись к нему вчера!

Вчера я с ужасом поняла, что вот мы три года создавали наши отношения, и достаточно всего пятнадцати минут, чтобы их разрушить! И мы будем ходить по Франкенеку, как три совершенно чужие семьи...

(обратите внимание — опять выдвигается лозунг: всё во имя Любви. Во имя Любви можно и помолчать, и смирить свои требования).

У меня возник вопрос: что же это за отношения, которые можно разрушить за 15 минут. Но так как уже заговорили о Любви, то сказать об этом мне было неудобно.

— Но мы хотели просто узнать, что Александр думает обо всём этом... его послушать! Он же не захотел говорить!

На этот раз Александр снизошёл к нам и начал рассказывать свою версию происшедшего.

Итак, он не был болен (это в корне противоречило словам И., но кажется, ни она сама, ни кто другой этого не заметили).

После больницы Александр поехал в Россию и первым делом встретился со своей учительницей рэйки (помните, с чего всё началось?) Любой. И вот эта Люба ему объяснила следующее: у всех более-менее продвинутых рэйкистов проходит этот «процесс».

При этом с людьми ещё и худшие вещи творятся: они пытаются самоубийством покончить, калечат себя и пр. «Мы за людьми в этом состоянии следим, даже связываем, чтобы они ничего не сделали». После успешного прохождения «процесса» человек становится ясновидящим.

Но если его «запихали в психушку» (а такое желание всегда возникает, потому что человек именно ведёт себя, как сумасшедший) — естественно, после тамошнего лечения никаких способностей уже не будет.

Не знаю, правда ли это насчет рэйки — но, за что купила, за то продаю. Так рассказал Александр.

— Ну вот, — Александр пожал плечами, — так что сейчас у меня никаких способностей нет. Я ничего не вижу, не слышу...

Разумеется, это было обвинение в наш адрес, но мы его проглотили спокойно.

Потом Александр встретился с Мегре, и тот ему сказал: ну, конечно, у меня тоже был точно такой же процесс! Когда я с Анастасией познакомился. Только я уехал от жены, от всех. Остался один. Я же в книге описывал, как я чуть не умер. Вот это и был такой процесс.

Короче говоря, Александр и Мегре обнялись, как братья, и плакали вместе, стоя у окна и глядя на мир, который им предстояло менять к лучшему. (Это не моя фантазия, а рассказ Александра, опять же).

Слушая Александра, я вдруг начала его понимать. Он рассказывал всё это таким спокойным, естественным тоном... Да, конечно! Ну, что же — да, бывает и такое в жизни. Процесс. Вот и у Мегре был процесс. И у многих ясновидящих. И у Фаины. И Евгений говорил, что у него было что-то подобное.

Короче говоря, все восприняли Александра именно так, вполне спокойно. Всё хорошо! Всё прекрасно! Можно жить дальше!

— Ну, а то, что вы рассказываете... я просто не помню, — заключил Александр, — что я что-

то кому-то говорил не то. Если я кого-то обидел — простите, пожалуйста!

Надо ли говорить, что его тут же простили!

— Я думал о том даже, что мне теперь нужно отойти от дел... может быть, не стоит больше этим всем заниматься. Но ведь я дал слово Богу, что я буду заниматься религиозно-общественной деятельностью. Поэтому я не могу от этого отказаться.

И это показалось мне вполне достойным оправданием.

Ну, хорошо, собралась я, это всё понятно и прекрасно. Но он, что — думает, что и дальше всё будет по-старому? Мне было нелегко заговорить. Александр почему-то начал говорить о своём «авторитаризме» и доказывать, что он вовсе не такой!

И в этом же разговоре Александр упомянул почему-то давно забытого Г.П. («Вот он бы вам показал!») А он, Александр, такой мягкий, нежный, любящий! Демократичный! Как можно сказать о нём хоть одно дурное слово!

Всё это были камешки в мой огород — якобы я протестую против власти Александра (хотя я уже очень давно, а если разобраться, то и никогда не протестовала против его **власти**). Александр, видимо, составил обо мне мнение, как о любительнице этакой «жёсткой диктатуры». Ну, ладно...

Короче, мне было нелегко заговорить после всего этого. Но я собралась с духом — плевать, что обо мне подумают, общество важнее! И заговорила о том, что неплохо было бы, всё же, иначе строить отношения в обществе...

И все, как обычно, подхватили. Интересно, что вся семья Александра, сидевшая за столом, грудью встала на его защиту.

— По-моему, — говорила дочь Александра Л., которую совсем недавно он «проклял и выгнал», — все более-менее серьёзные дела в нашем обществе были инициативой папы.

Тут мне стало ясно, что папа в этой семье всегда был кумиром. И крепко держал всех в руках вот именно этой своей «мягкостью» и «демократичностью».

А также своими обидами и манипулированием (по сравнению с таким мужчиной — действительно, лучше бы уж напивался и дрался. И то, и другое ужасно, но первое — вообще хуже нет).

Но зато, все остальные, уже почувствовавшие вкус жизни без Александра, подхватили мою идею. Мы стали обсуждать планы на будущее. Все азартно высказывались. Говорили, как раз, о том, что уже обсуждалось — без Александра — что-то планировали, придумывали... Все воодушевились.

И вдруг я заметила, что Александр не принимает никакого участия в обсуждении. Он сидит за столом, постукивая пальцами, взгляд его устремлён в неведомую нам даль.

И я поняла, что всё это обсуждение — полностью тщётно. Что сейчас мы можем напланировать всё, что угодно! Так уже было. Мы можем вынести это на большое собрание и болтать, сколько нашей душе захочется.

А потом выйдет Александр и своим тихим голосом расскажет о Великих Перспективах. О Центре. О Церкви. О каких-нибудь великих людях, которых он пригласил... с которыми он встречался...

И все наши планы, все наши желания померкнут в ничтожестве перед Великими Планами Александра. Даже нам самим станет ясно, как мы мелочны и глупы по сравнению с этим Замечательным Человеком.

Я замолчала. Ну, что ж... В конце концов, мы сами это выбрали. Александр полностью оправдал себя в моих глазах. Кто сказал, что мои представления были правильными, что он «не выдержал испытания»?

А может, всё было как раз нормально? И теперь всё вернётся на круги своя... будет общество, как и раньше.

Ну, не будет демократичности. Ну, останется Александр руководителем. Но ведь, будет общество! Будет эта чудесная атмосфера... мы будем творить Великие Дела. Когда-нибудь мы построим Центр!

Словом, я примирилась внутренне со всем. И даже я подумала о том, что раньше Александр вообще не допустил бы такого обсуждения. Значит, он действительно изменился! Он стал лучше! Я так ему и сказала: «Вы стали лучше!» Он ответил: «Спасибо!»

С этим я пошла домой. Возбуждённая и довольная, что общество и наша прежняя жизнь восстанавливаются.

Я пришла домой и начала рассказывать мужу.

— Ну, в общем, всё хорошо, всё в порядке.

— Это как — в порядке? — спросил он мрачно.

— Ну, понимаешь... Александр — он, в общем... он был не болен, а у него был процесс...

И я передала Андрею весь наш разговор, всё, что произошло (надо учитывать, что рассказывала я достаточно восторженно). Муж становился всё мрачнее.

— Я всё понял, — сказал он, — я не понял только, как ты ему поверила.

И он развернул передо мной смысл происшедшего сегодня. Смысл слов Александра.

Александр ничуть не изменился (это показала и вчерашняя встреча очень хорошо). Но он стал намного хитрее и умнее, приобрёл новые способности по управлению людьми. Вчера он «сорвался» среди своих. А сегодня аудитория была больше. И что он нам сказал, по сути?

Он не сожалеет о случившемся, он даже этого не помнит. Тот кошмар, который все мы пережили, для него вполне естественен и нормален.

Он не выразил ни слова сочувствия нам (формальное извинение не в счёт), но всё время говорил о себе — как много он перестрадал, как ему было тяжело... как, из-за психушки, всё пошло прахом, насмарку, и теперь он даже и способностей ясновидящего лишился.

Он и раньше был на ступень выше всех нас (образование, возраст, ум, начитанность, столичная знаменитость). И неоднократно это подчёркивал.

А теперь он выше нас всех на две ступени. Потому что теперь у него есть «духовный опыт», которого у нас нет. Теперь он стал практически таким же, как Мегре (а ведь, Мегре, худо-бедно, соблазнил своими писаниями этак с миллион человек, если не больше).

То есть, Александр поднялся вообще на недостижимую высоту, по сравнению с нами, простыми «тружениками на ниве Света». И — как я и сама поняла — теперь вообще никакой речи о какой-то демократичности, о каком-то нашем участии в управлении обществом — идти не может!

Теперь директивы нам вообще будут выдаваться исключительно тоном приказа. Так, как с нами и Мегре разговаривал (но мы находили это естественным — кто Мегре, а кто мы?)

Вам, может быть, всё это покажется нелепым. Но представьте, как бы вы себя вели в присутствии, ну скажем, президента России? Даже если вы его не уважаете?

Всё равно бы наверное с уважением прислушивались, или, если бы хватило нахальства — матом послали — но уж не ставили бы себя на одну с ним доску. Так вот, теперь у нас так и будет: кто Александр, а кто мы?

И вот, выслушав мужа, я с ужасом поняла, что он-то и прав! И вспоминая всё поведение Александра, его высокомерный вид, снисходительные ответы, я убеждалась в правоте Андрея.

Но... Я пошла развешивать бельё и рассуждала про себя. Как же я могла поверить в то, что это нормально?

Ведь, я же давно поклялась никогда больше не признавать Александра своим руководителем. Разве что, случится чудо, и он действительно изменится. И вот — он не изменился, а я его признала. Почему, каким образом?

Всё дело в атмосфере, поняла я. Я ведь была там, а Андрей не был. Он судит объективно, по содержанию услышанного. А я была в атмосфере.

А там так хорошо! Там такие милые, дорогие люди... Даже если мне там бывает больно (а Александр даже и в этот вечер не упустил случая подколоть меня!) — всё равно все такие хорошие!

И эта квартира... И этот чудесный вид из окна... И Любовь... и так не хочется со всем этим расставаться! Так невозможно как-то возразить против этого!

Позже Лена говорила мне обвиняюще: это твои проблемы! А вот мы вовсе не поверили Александру в этот вечер! Мы не рыдали от умиления, как ты! (это было сильное преувеличение, конечно)

Да, возможно, Лена, что и не рыдали. Возможно, что этот вечер, всего лишь, заронил в ваши души сомнение в неправоте Александра. Он «всего лишь» представил вам свою версию, а вы не

приняли её сразу на веру, а стали настороженно ждать, как он поведёт себя дальше.

Но дальше он вёл себя вполне адекватно, а атмосфера оставалась атмосферой... Обвинить Александра было больше не в чем — теперь он был корректен. И вы просто приняли его таким, какой он есть. Да, без «слёз восторга и умиления». Но приняли.

А у меня было иначе. Я задала себе вопрос — почему я приняла его? Как я могла его принять?

И тогда я впервые произнесла слово «секта».

К тому времени я уже знала, что такое секта — теоретически. Знала, что в сектах бывает особая, очень приятная атмосфера, которую очень трудно покинуть, против которой очень трудно пойти.

И эта же атмосфера заставляет человека принять любое, самое дикое решение, и согласиться с чем угодно... и слушаться кого угодно.

И в этот вечер мы с мужем решили, что в обществе нам больше делать нечего.

Я не то, чтобы сразу так уж вышла. Нет, я продолжала ходить на работу. И заявление пока не писала. Мне нужно было разобраться в себе.

В тот вечер я поняла окончательно, что наше общество является сектой. Почему?

Ни один член общества меня не поймёт и сейчас. Да потому, что свободные решения человека о своей жизни в нём — немыслимы.

Я приняла, как свободный мыслящий человек, решение — «Я никогда больше не буду подчиняться Александру. Я не признаю его руководителем. Он — больной человек, шизофрения за один месяц не проходит, и он руководителем быть не может. Даже в состоянии ремиссии».

Но вот собралось общество. Возникла наша особая атмосфера. Александр повёл себя вовсе не как здоровый человек — наоборот, он продемонстрировал ещё худшую заносчивость, чем это было раньше.

Но — атмосфера! — и я меняю своё свободное решение. Лишь бы только не пойти против атмосферы, не нарушить её.

Двадцать неглупых взрослых людей слушали бред Александра о создании — немедленно, без всяких средств! — Лечебного Центра — и рукоплескали. Критическое мышление было отключено.

А практически подсознательное преследование Г.П. и других «неугодных»?

А «бомбардировка любовью»? (вот уж чего у нас хватало!)

Конечно, в общество уже собрались эзотерики — то есть, люди с несколько искажённым видением реальности. Любящие витать в мечтах (из-за чего у некоторых из них распались или сильно страдают семьи).

Готовые подчиниться Пророку, который поведёт их за собой к Вершинам. То есть, все мы виноваты в создании этой атмосферы. Не один Александр, разумеется.

Я вдруг, как на ладони, увидела наш переезд сюда, во Франкенек. Мы бросили очень хорошую квартиру, сорвали сына из школы, от друзей, переехали из довольно крупного города (кстати, католический центр с прекрасным собором, с теологическим факультетом — я до сих пор ужасно жалею о Падерборне!), где — главное! — муж имел превосходную работу в 20 минутах езды от дома.

И переехали в маленькую деревню, в Пфальц (Земля вообще более бедная, чем Вестфалия, где жили раньше, к тому же, ещё и протестантская), где даже язык другой. В ужасную квартиру, и самое главное — муж должен был теперь ездить еженедельно за 400 км на работу!

А иногда и проводить там целые недели, не показываясь домой. Дети стали уже забывать, как папа выглядит. Вдобавок ко всему, мы уехали очень далеко от всех родственников, и теперь поездка к бабушке превращалась в целую проблему (а ездить-то всё равно надо иногда!)

У Кости это было хоть не так безумно... хотя тоже. Они-то жили в Ганновере — а это огромный город, где масса возможностей. Где жили и родители Кости, которые помогали при случае — с детьми посидеть. Родители Кости были сильно обижены на их переезд.

И хорошо ещё, что мы не взяли кредит и не открыли эту типографию! До сих пор не устаю благодарить Господа, что Он нас хоть от этого удержал...

Что это — нормальные поступки разумного взрослого человека?

Понятно, такие безумцы — мы да Костя с Леной. Но ведь, мы и самые молодые в обществе. Даже семья Е. и Ю. старше нас на 10 лет (хотя дети их почти ровесники наших).

Известно, что молодые легче всего поддаются влияниям. С другой стороны, все «старые» нам рукоплескали и готовы были тоже двинуться в любой момент.

Единственная разница — у них дети были уже старше, а с подростком не очень-то двинешься: у того уже друзья, хобби, любимая девушка, кто-то получает уже профессию... Иначе, думаю, больше половины общества оказалось бы во Франкенеке.

Ц., во всяком случае, каждый раз обещала, что «вот этой осенью перееду... вот следующим летом — точно». Да и другие обещали...

Безумству храбрых, словом, поём мы песню.

Я увидела и вообще всю нашу жизнь. Что было нашей ценностью? Чем мы дорожили больше всего? Чего ради тратили время, которое могло бы быть потрачено на общение с детьми, на творчество, друг на друга, на отдых, в конце концов! (я уж не говорю о церкви — мне и в церковь-то стало некогда ходить).

Только ради вот этого «общения», этой «атмосферы», от которой было так невозможно отказаться.

Но ведь, это же бред...

Я попыталась объяснить это Лене. Она не поняла.

«У меня есть дети, есть моё творчество, семья... у нас своя жизнь. С какой стати мы должны ещё заниматься просветлением мира? Надо вокруг себя его просветлять, если на то пошло».

«Ну, а я не делаю это за счёт семьи! — парировала Лена, — У меня время остаётся, и я могу что-то сделать полезное для людей!»

Что на это ответишь? Что это невозможно? Что сколько бы времени мы ни проводили с детьми — всё равно этого недостаточно?

У каждого свои ценности. У кого — семья. У кого — Бог. У кого — «общество», вот эта самая «атмосфера». Все три сочетать нельзя, как показывает практика.

Я сказала и Александру что, вероятно, мы будем выходить из общества. Он спросил:

— Почему?

— Потому что я не могу признать вас руководителем после того, что произошло. А быть рядовым членом вы всё равно не сможете.

Александр пощипал бородку.

— Ну, хорошо, — сказал он, — А как, по-твоему, я должен был поступить? Как бы ты поступила на моём месте?

Я подумала.

— Меня бы всё это заставило задуматься. Хорошо, пусть вы себя не контролировали, не помните, что происходило. Но ведь, вам рассказали — неужели вас это не задело? Я бы в ужас пришла, если бы мне такое обо мне рассказали, тем более, если бы я этого даже не помнила!

— Но, что я должен делать?

— Ну, не знаю... уйти на покой на полгода. Подумать о своей жизни, сделать какие-то выводы. Но не сразу же начинать опять руководить!

Естественно, этот разговор пропал втуне. Александр руководил вовсю. Издательством пока — а, как же? Ведь он — хозяин. Он дееспособен. Мы же не можем захватить власть в его собственной фирме! И я выполняла распоряжения Александра.

Мне было неприятно даже находиться с ним в одном помещении. Тем более, он сохранил любовь к порядку, и продолжал наводить таковой повсюду и пенять нам за нарушения. Очень неприятно выслушивать сентенции, которые он выдавал собеседникам по телефону:

— Надо учиться любить!

— Надо прощать! Ничего не поделаешь! Надо всем прощать!

— Знаете, не любить очень легко. А вот любить трудно! И всё-таки, надо учиться любить! Давайте учиться любить друг друга!

И так далее.

Напряжённость между нами — всеми троими — росла. Костя тоже конфликтовал с Александром. Александр начал учиться работать на компьютере. Его манера это делать выводила из себя, но ничего не поделаешь... Однажды Костя сказал, не сдержавшись:

— Ну, сейчас вы, Александр, научитесь и сможете нас спокойно уволить.

Когда-то любимая работа превратилась для меня в каторгу.

А ещё началось осмысление всех наших идей вообще.

Рэйки. Целительство. О генной инженерии, мясе и «плохих» продуктах я уже всё знала. Давно уже не верила во многое, чему учили в целительской школе.

Если в Рэйки становятся мастерами в основном после таких «процессов», то, что такое рэйки?

Если Мегре, прежде чем писать книги (явно методом «яснослышания») прошёл такой «процесс» — то, что такое Анастасия?

Если и все наши знакомые целители проходили этот «процесс» — то, чего стоят их слова?

Ведь это мы к Александру относимся плохо, потому что мы — его близкие. Мы видели этот процесс, мы знаем Александра, как облупленного. Мы знаем его заносчивость, его претензии на «мировой уровень», тщеславие...

Всё это, как в зеркале отразилось в «процессе». Но мы и раньше об этом догадывались. А теперь Александр научился всё это скрывать — ещё лучше, чем до «процесса».

Он стал мудр! Он стал изрекать действительно вещи, которые казались духовными и мудрыми. Он уже не баловался дурацкими пророчествами, не рассуждал о прошлых жизнях... он был «композитор, издатель, религиозно-общественный деятель» Александр В.

Для меня от всей этой его показухи пахло такой дешёвкой — но он этого даже не замечал.

А теперь представим человека, который раньше никогда не знал В... И вот встретился с нашим «мудрым, духовным религиозно-общественным деятелем». Александр умеет производить впечатление! «Духи» ещё подучили...

А что, поняла я, у В. вполне есть шанс собрать новое общество. Старое-то уж ему не поверит. Люди всё равно к нему относятся настороженно. А вот новое — запросто! Из таких, как этот Игорь, «белый всадник». И они ещё будут Александру в рот глядеть.

Вот так и Виссарион, вероятно, начинал. Сначала «процесс», подчинение каким-то «духам». Потом он стал «Христом» и повёл за собой — а уж «духи» ему помогли...

И Белое Братство...

Так, как же мы могли верить всем этим целителям?

Нам они казались такими просветлёнными, такими мудрыми. Но, если это всего лишь результат деятельности «духов»?

Если это «духи» создают атмосферу вокруг целителей, внушают им глубокомысленные ответы, лишь похожие на правду, но не истинные?

А ведь, так оно и есть, поняла я. Все эти целители — такие, как В.. Кстати, практически у всех из них были семейные проблемы. (У Фаины нет, вернее, они небольшие, но её муж — сам целитель).

Большинство женщин-«целительниц» разводятся. Мужчины — реже, поскольку жёны всё же терпеливее (вот и в случае В., И. осталась на его стороне целиком. Сейчас, наверное, счастлива с «просветлённым» мужем).

А ведь мы этим целителям доверяли, как духовникам. Какая-то проблема — тут же бежали или звонили им. И кто нам отвечал через этих целителей? Прошедших «процесс»?

Для меня этот «процесс» однозначно — от бесов. Ну, не может быть ни от каких Светлых Сил такого безумия, которое доводит одних людей до самоубийства, других — до убийства.

Да и не только это — горячечный бред, самовозвеличение до невероятных пределов, издевательства над близкими... Нет, не от Света всё это.

Но может быть, по Рерих-Блаватской, это Светлые силы позволяют тёмным «поиграть» с человеком, чтобы он прошёл испытание?

Так ведь В. стопроцентно испытание не прошёл! (я и судила об этом раньше в агни-йоговских терминах). Не прошёл, и, однако — вот, снова руководит! Значит, ерунда это всё...

Может, и нет никаких «светлых сил». Никаких Великих Учителей...

Нам хотелось теперь жить нормальной человеческой жизнью. Мы словно сбросили с себя ярмо. Мы стали думать о переезде — в самом деле, нет никакого смысла жить здесь. Школа? И в ней мы начали разочаровываться.

А что если дом построить? Мы задумались и об этом. Мы хотим ещё детей. Для них нужно место. В самом деле, почему бы не построить дом?

Подходил мой день рождения. 11 марта.

Александр прекрасно знал о моём дне рождения. Кстати, я поздравила его и Костю с 23 февраля, как у нас было принято. Отношения, конечно, были натянутые...

Но я не ожидала, что Александр совершенно не поздравит меня.

Ведь, даже на обычных немецких фирмах принято поздравлять друг друга. Тем более, на маленьких. Это просто долг вежливости. Но он ничего не сказал на работе, не позвонил домой... Короче говоря, вообще — ничего. Друзья пришли поздравить, посидели за столом.

В воскресенье раздался звонок. Звонила дочь Александра Л. (она жила вообще-то в другом городе, приезжала только на выходные): «Яна, я поздравляю тебя от всей нашей семьи!»

Может быть, покажется какой-то мелочностью то, что я заметила это вообще. Но в том-то и дело! Я бы не заметила, если бы меня не поздравил кто угодно другой. Мне это просто безразлично.

Но именно при таких натянутых отношениях не поздравить, и даже не просто не поздравить (ну, ладно — он мог просто забыть, закрутиться), а трусливо подослать свою дочь, с которой у нас отношения — скажем так, шапочные — «за всю нашу семью»...

Я так поняла, что это — демонстрация вполне определённого отношения ко мне. Нежелания общаться в принципе.

И ещё произошло кое-что именно в этот день рождения.

Я отказалась от «светлых сил» (отказываться пришлось от многого... я мало писала в этой книге о собственном опыте, а он тоже имел место. Но это — тема исповеди, а не такой книги).

Но, что осталось мне? Конечно, было чувство освобождения, радости от того, что мы больше не должны ничего «обществу», этой «атмосфере»...

Но чем жить? Если не атмосферой — то чем?

И как верить в Бога? Ведь я уже не могу не верить. Я всё равно верю. Я не могу быть материалисткой — с этим покончено навсегда. Не могу я и жить, не задумываясь ни о чём. Всё равно ведь буду задумываться!

И вот получилось так, что мы с мужем как-то обсуждали его теорию «Мировой гармонии» с Богом — безличным Абсолютом. Это вполне соответствовало Блаватской. «Получается, что Богу мы безразличны», — сказал муж. «Нет!» — вдруг возразила я. У меня в голове вдруг всплыла фраза из Евангелия.

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы каждый верующий в Него не погиб, а имел жизнь вечную».

Я больше не могла говорить. Случившееся со мной было так важно, так существенно! Это не было ни видение, ни озарение, ни какой-то голос... Я просто вспомнила эту фразу. И поняла, что это — правда⁵.

Конечно, это акт веры. К сожалению, с мужем подобного долго не происходило. Он отбросил вместе с обществом и вообще веру во что бы то ни было. Он не понимал, как я могу, после всего случившегося, вообще верить...

А дальше произошло совсем удивительное. С моего сознания, как шелуха, вдруг сами по себе начали спадать прежние представления.

Это не то, чтобы я сознательно думала: вот раз я теперь верю в Христа, то должна верить так, как положено в Церкви — а значит, так и так.

Нет, тогда вообще мысль о Церкви как-то у меня и не возникала. И о том, что «положено» (да я тогда и не знала, что положено... проведя уже 4 года в Церкви, не знала многих элементар-

⁵ Безусловной правдой является неоспоримая глупость этой фразы! — Д.Б.

ных понятий Катехизиса).

Просто само собой всё «слетало»... вдруг — раз! — я поняла, что карма — это ерунда. Нет никакой кармы, есть Закон и Милость. Раз! — и я поняла, что нет никакой Иерархии Света, никаких махатм. Раз! — и вот это было неправильно... и вот это... А вот так — правильно. И вот так.

И впервые в жизни я начала молиться чистым сердцем: Господи! Прости и помилуй меня, грешную!

И впервые в жизни я ощутила покаяние. Смирение.

Это было чудо, и я так благодарна за это Господу.

Конечно, моя жизнь не стала проще от этого.

Но раньше у меня было такое чувство, что я всё время ищу. Что вся моя жизнь — дорога. В ранней юности я написала такое стихотворение.

**Дорога — это мелькание
Домиков на обочинах.
В каждом домике — свет,
В каждом домике — смех.
Он не принадлежит тебе,
Ты проносишься мимо и дальше.
В том воли твоей нет.
И это не твой грех.
Дорога — это мелькание
Дворцов, перекрёстков и хижин.
Собак, охраняющих дом.
Коров, жующих траву.
Но дым над чужими крышами
Стелится ниже и ниже,
И странная, грустная музыка
Уносится в синеву.
Дорога — это мелькание.
Мелькание неодолимо.
В тумане проносятся мимо
Рассветные города.
Но Боже, молю тебя, Боже,
Одно лишь лелею желание:
Я хочу войти в один из мелькающих домиков,
И остаться там навсегда!**

Такой была и моя жизнь. И в физическом смысле — мы всё время переезжали, у меня не было специальности, работы, я всё чего-то ждала, я была неустроена — и даже не знала, что меня ждёт, и чего я хочу, собственно.

И в духовном — в особенности, в духовном — я искала. Какой бы уверенной в себе я ни казалась — я всё время находилась в поиске. Я чувствовала своё духовное одиночество, я должна была найти Что-то Главное.

И вот я нашла это Главное.

Теперь я вижу моё Солнце, мой Свет, мою Радость! Часто Солнце скрывается за тучами — нет, это не тучи, а мои глаза затмевает мой собственный грех.

Но и тогда я знаю, что там, за этой пеленой, Солнце всё равно Есть! Я никуда не бегу и ничего не ищу. Если я вступаю в спор, то не потому, что ищу Истину, а потому, что хочу о ней сообщить другим.

По сравнению с этим, все и прошлые, и будущие испытания — такой пустяк...

Но я не буду слишком много писать о моей Радости! Да, конечно, я пошла в церковь и исповедала свои тяжёлые грехи. И с тех пор начала исполнять (худобедно) всё то, что положено христианину.

К счастью, муж не возражает против этого. А через год он и сам начал, время от времени,

посещать церковь, согласился обвенчаться. И наша семейная жизнь стала значительно лучше, хоть идеальной её не назовёшь.

Священник порекомендовал мне оставить издательство. Через некоторое время я это и сделала. Заявление о выходе из общества я подала сразу после дня рождения — решив, что это, как раз, удобный случай.

В апреле провели очередное заседание общества. Все собрались во Франкенеке, сняли зал. Я, разумеется, туда не пошла. Муж, как раз, заболел. Я взяла детей, зашла в зал. Н. сразу закричал мне: «А ты, чего сюда пришла? Ты теперь не наша!» — но другие приветливо поздоровались со мной.

Дети общества — пять человек, кроме моих — как обычно в таких случаях, играли на лестнице. Одни, предоставленные сами себе. Без игрушек и каких-то развлечений.

Попросту ждали (весь день!), пока мамы и папы решат свои важные духовные проблемы. Я взяла всех детей и со всей семьёй отправилась на детскую площадку.

Насколько мне известно, на этом заседании было следующее. Всё общество выразило Александру недоверие. Всё равно какие-то слухи просачивались... да и прошлое собрание было всем памятно.

Александр, почувствовав это, сам снял с себя обязанности председателя (мотивировал это тем, что трудно, почти невозможно сочетать должности и председателя, и хозяина издательства).

И сам предложил кандидатуру Е. (заместителя). Его и выбрали — собственно, достойных кандидатов и не было. Александр выжил всех, способных хоть как-то руководить.

Мог бы Костя, но к нему общество тоже уже относилось с опаской — «бизнесмен». Вообще мне рассказали, что на собрании были склоки, скандалы. Было очень неприятно.

После заседания Александр остался с издательством, с деньгами, связями с Аллой Андреевой, Мегре, многими немецкими эзотериками и целителями. В принципе, это ему и было нужно.

Сейчас он работает. Зарабатывает деньги. Всё ещё то и дело заговаривает о Центре — хотя уже никто в обществе никакой Центр строить не собирается. Костя, похоже, стремится отделиться от Александра — отношения нелёгкие. Но, в конце концов, были бы деньги для Центра — а люди-то всегда найдутся.

Ну, а общество тихо дышит на ладан. Е. некогда, он работает, у него семья. Осенью они провели ещё одно заседание, пригласив какого-то йога. Возможно, общество скоро распадётся — или будет так потихонечку существовать, собираясь 2-3 раза в год «пообщаться».

В этот год ещё в одной семье произошла трагедия. Словно отражение трагедии Александра.

Эта женщина, С. была моей знакомой по Литературному обществу. Очень красивая, умная, пишущая интересные стихи. К «Цветку мира» отношения не имела. Вообще, жертвами «духов» часто становятся, как раз, самые яркие, интересные, равнодушные люди, ищущие Истины...

У этой женщины — двое совсем маленьких детей.

Через меня она познакомилась с Н., нашим бардом. Возникла хорошая, возвышенная духовная дружба. С. начала интересоваться духовностью, много читать (впрочем, она ещё до того увлекалась Лазаревым). Через какое-то время стала слышать «голоса».

Её уверили в том, что она выполняет Великую Светлую Миссию. Что она должна спасать людей... Кстати, С. считает себя католичкой, ходит в церковь. Но, разумеется, священник не знает о её ясновидении.

По её словам, она общалась и с Анастасией, и знает всё про неё «на самом деле» (хотя раньше вообще относилась к Анастасии скорее отрицательно).

Всё это привело С. в какое-то жуткое, тяжёлое состояние — она сама позже говорила, что это был кошмар... Пыталась покончить самоубийством. Попала в психиатрическую больницу.

Но, в отличие от нашего председателя, у С. ясновидение закончилось только на время. Потом началось опять. Весной она позвонила мне.

— С твоим сыном большие проблемы! Он может тяжело заболеть! Если ты хочешь это предотвратить, обратись к Церкви! Мне пришла информация, что ты должна ходить в церковь.

Я уже, как раз, довольно давно обратилась... С. рассказала мне о своём ясновидении. Я осторожно сказала:

— Если ты хочешь, ты можешь избавиться от этого.

— Нет, не могу! — категорически ответила С., — Если бы это были тёмные силы, я бы могла избавиться. А от светлой миссии невозможно отказаться! Вот, как Моисей сопротивлялся, сопротивлялся, а потом всё равно стал пророком.

«И ты сравниваешь себя с Моисеем?» — но я не спросила этого. Позже я задала ей вопрос, знает ли священник обо всём (раз она католичка!), исповедовалась ли она? Ответа я не получила — но догадываюсь и так.

Вместо этого, впоследствии от С. я получала лишь краткие предупреждения и поучения: «Береги глаза!» (что бы это значило? — вроде пока всё в порядке).

При встрече — «Не забудь освятить крест!» (Тут С. действительно права — видно что-то такое «увидела» — я как раз засунула куда-то свой крестик и второпях нацепила неосвящённый).

Намекала на агрессию (и даже прямо говорила об этом), содержащуюся в моей прозе (и вообще проза — сплошная агрессия... вот стихи!)

Ну, что ж, я не боюсь обвинений в агрессии. Я действительно настроена агрессивно против всех этих «духов». И не ангел я, и не претендую на это. Агрессия — так агрессия.

Недавно С. снова попала в больницу. Пыталась «спасти» своего брата-наркомана и снова угодила в ту же «ловушку» — снова суицид, лечение. Теперь состоит на учёте.

Каково приходится её мужу и детям — можно представить. Сейчас, сколько я знаю, С. принципиально (как В. отказался от музыки!) отказалась от своего творчества, от стихов вообще, от литературного общества.

В заключение мне хотелось бы рассказать о последней моей истории с Александром.

Я переписываюсь с одним знакомым, который часто встречается с Аллой Александровной Андреевой. Она, как я уже упоминала, слепая. И вот этот знакомый рассказал ей о происшедшем со мной обращении.

И А.А. вдруг передала через него просьбу: попросила меня рассказать, что, собственно, выпускает издательство «Вега»...

Я несколько удивилась. Ведь они же с Александром друзья! Неужели она не знает таких элементарных вещей?

Это было нужно А.А. потому, что она собиралась бороться за авторские права на «Розу мира», которые присвоило — как я понимаю, не вполне законно — некое общество в Москве. И эти люди уже обвинили её в «связи с оккультными кругами Германии».

Конечно, я выполнила просьбу А.А., перечислила все книги, которые выпускает издательство, рассказала и о встрече с Мегре, и о том, что Александр мечтает построить Духовный Центр (об этом А.А. и сама должна была знать, так как была у нас именно тогда, когда об этом говорилось).

Потом знакомый написал мне, что А.А. в больнице (что-то с сердцем). В. в сентябре ездил к ней, она показала ему моё письмо (с моего разрешения). Как я узнала позже, В. тут же вылил ушат грязи на меня.

Например, он сообщил А.А. о том, что я — «сталинистка» (об источнике таких сведений — см. выше). Попытался уличить меня во лжи... Ну, ради Бога — мне это, в общем, не так уж важно.

Потрясает только детская обидчивость и желание тут же «перевести стрелки»: а это не я, это она виновата!

(Когда я ещё работала в издательстве, где-то в марте, однажды имела место такая сцена. Кто-то из клиентов позвонил В. и пожаловался на ошибку — ему выслали не те книги. Ну, как поступит в таком случае нормальный человек? Извинится и пообещает выслать правильные, а ошибочные — обратно, за наш счёт. В. же вдруг начал оправдываться:

— Да, но это не я! Это не я вам выслал! Это моя коллега ошиблась! Это не я!

Ну, скажите, какое дело клиенту, ошибся ли его телефонный собеседник или его коллега? Ну, такой характер у человека, что тут сделаешь...)

Мало того, В. приехал и рассказал Косте и Лене следующее:

«Яна написала А.А. такое ужасное письмо! Бедная женщина прочитала его и так расстроилась, что у неё случился приступ, и её положили в больницу. Она написала обо мне, какой я пло-

хой (тут следовали какие-то фразы, придуманные В.), что со мной вообще нельзя связываться. Написала, сколько денег заработало издательство, все книги, с тиражами, вообще — всё!»

Когда мы пришли к Лене, она сказала мне так:

— Я считаю, что ты поступила некорректно. Во-первых, прежде чем выдавать такую информацию — о деньгах, и прочее — надо было хотя бы нас поставить в известность. Во-вторых... А.А. из-за твоего письма попала в больницу. Я, конечно, понимаю твоё стремление говорить правду, но, в данном случае, можно было пощадить старого, больного человека...

У меня, естественно, глаза на лоб полезли.

Я пошла домой, распечатала текст своего письма — конечно же, там не было ничего ни про деньги, ни про тиражи!

И вообще я написала **только** ту информацию, которая была указана в рекламках издательства, и которую А.А. бы **обязательно** прочитала, если бы могла видеть. И о В. я не писала ничего отрицательного!

И вообще ничего личного — ничего, что пишу в этой книге. Упаси Боже. Я писала только одно — что мне грустно и тоскливо, потому что он наотрез отказался от разговора со мной (и это правда!) И ещё просила А.А. не рвать с ним связи, так как она, возможно, сможет на него повлиять.

Ну, ладно, с этой клеветой я разобралась. После этого я написала в Москву и спросила, правда ли, что А.А. из-за моего письма попала в больницу, что я ужасно раскаиваюсь в таком случае и пр.

Мне ответили, что это — полный бред! А.А. стало плохо вне всякой связи с моим письмом, ей всегда летом хуже становится. Тут же А.А. позвонила Александру и спросила прямо:

Правда ли, что он распространяет слухи о том, что моё письмо вызвало у неё сердечный приступ?

Александр ответил, что он таких слухов не распространяет.

После всего этого передо мной встал вопрос — доколе?

На меня давно уже смотрят, как на предателя с «зашоренным сознанием» и уж не знаю на кого ещё. Александр вообще превращается в моего врага в таком контексте. Причём — личного врага.

До каких пор я буду молчать и скрывать то, что происходило в нашем обществе?

Есть люди, которым это интересно. Хотя бы члены самого общества! Есть люди, которым это, возможно, поможет сориентироваться и сделать правильный выбор.

И тогда я решила рассказать всё, что знаю.

И я написала эту книгу.

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, прости и помилуй нас, грешных!